

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ И ТЕХНОЛОГИИ

НОВЫЕ ИСЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ
АРХЕОЛОГОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург
1996

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ И ТЕХНОЛОГИИ

**НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОЛОДЫХ АРХЕОЛОГОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**Санкт-Петербург
1995**

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ

Выпуск 34

Редакционная коллегия:

**В. М. Массон, Д. Г. Савинов (отв. редакторы),
Л. Б. Кирчо, С. В. Белецкий.**

Компьютерная верстка: К. А. Матехин

**Издано при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда
по проекту 96-01-00004.**

ISBN 5-201-01183-7

ПЕТЕРБУРГКОМСТАТ ЗАК. № 525

ТИРАЖ 300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Археологическую школу Санкт-Петербурга—Ленинграда всегда отличала широта тематических и проблемных разработок. Таковы исследования эпохи палеолита, где отечественная школа была создана трудами П.П. Ефименко и П.И. Борисковского. Интересные концепции развития раннеземледельческих обществ Восточной Европы выдвигались учеными Ленинграда, в первую очередь Е.Ю. Кричевским. Длительную традицию имеет и исследование памятников ранних кочевников, в том числе скифских комплексов, изучение которых началось еще у истоков отечественной археологии. Всегда уделялось значительное внимание изучению как памятников Северо-Запада России (для которых Петербург был естественным исследовательским центром), так и отдаленных регионов — от Сибири и Приуралья до Северного Кавказа, где высокие научные традиции одной из ведущих археологических школ страны сыграли заметную роль в научном прогрессе. Хронологический охват исследований был неизменно широк: от неолита и бронзового века до центров русской культуры, таких как Ладога, Псков и Новгород. Бок о бок с традиционно археологическими разработками шли исследования в специализированных областях: от нумизматики и сфрагистики до изучения строительных материалов. Этот тематический спектр в известной мере отражает и настоящий сборник. Однако, он имеет еще одну немаловажную особенность — авторами являются молодые исследователи — студенты, аспиранты или ученые, только-только вышедшие на путь самостоятельных изысканий. Преемственность поколений всегда была важным условием развития науки вообще и научных школ — в частности. В ГАИМК, долгое время бывшей ведущим государственным археологическим учреждением СССР, издавались аспирантские сборники, в университете проводились конференции молодых ученых. Особенно это важно в наши непростые времена, с тем чтобы сохранить и упрочить гуманитарную ноосферу, чем всегда была славна северная столица. Хочется верить, что этот небольшой сборник станет еще одной ступенькой, ведущей российскую археологическую науку в следующий век.

В. М. Массон

О ВРЕМЕНИ ОБИТАНИЯ НА ПУШКАРЕВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Поселение Пушкарки I расположено на 3 берегу Десны, на Средне-Русской возвышенности. Почти весь басс. Средней Десны входил в зону рисского оледенения, что и определило формирование здесь особого физико-географического ландшафта — изобилие оврагов и балок, образовавшихся в период таяния ледника. Большая часть позднелепелитических памятников района располагалась по берегам древних протоков. В месте впадения в Десну одной из таких рек, на мысу и находилось Пушкаревское поселение. Несомненно, что одним из факторов, привлекавших сюда древних людей, помимо благоприятного ландшафта, являлось наличие поблизости в большинстве оврагов выходов кремня. А. А. Величко относил Пушкарки I к брянскому интерстадиалу (1969). Однако, последующее изучение показало, что культурный слой залегает несколько выше и поселение относится уже к началу очередной стадии вюрмского оледенения, до наступления холодного максимума (Беляева 1986). Для Пушкарки I получены 2 даты по ^{14}C : 21000 ± 400 (ГИН-3382) и 19000 ± 220 (АА-1389).

Поселение исследуется в течение многих лет. В 30-е гг. здесь работали М. Я. Рудинский и П. И. Борисковский, а с 80-х гг. раскопки ведет В. И. Беляева. В настоящее время вскрыто 409 м^2 (рис.1). Памятник обладает сложной структурой, включающей два жилища и внешний производственный центр. В культурном слое поселения, лежащем на стыке супеси и суглинка, выделяются два горизонта: 1 (верхний) горизонт залегает в супеси с прослойками ортзанда, 2 (нижний) горизонт — в желтом лессовидном суглинке. Описываемые далее объекты относятся к нижнему горизонту культурного слоя, мощность которого на наиболее насыщенных участках — 5–10 см.

* Благодарю В. И. Беляеву, предоставившую возможность использовать материалы раскопок.

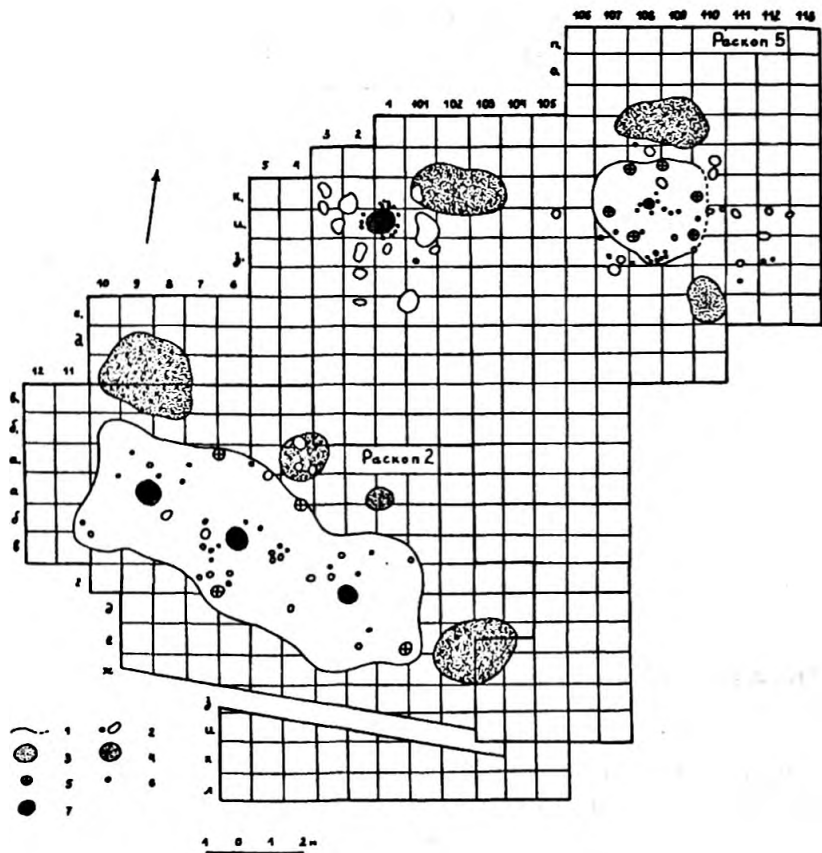

Рис. 1. Поселение Пушкари I (по материалам раскопок П. И. Борисковского в 1937–39 гг. — раскоп 2; В. И. Беляевой в 1981–95 гг. — раскоп 5): 1 — границы жилых западин; 2 — ямы; 3 — скопления кремня; 4 — скопления кремня и угля; 5 — кости, вкопанные по краям жилищ; 6 — кости, вкопанные вне границ жилищ; 7 — очаги.

Длинное трехочажное жилище, обнаруженное в 1937 г., опубликовано (Борисковский 1953). Вытянутая жилистая западина (12х4,5 м, 48–50 м²) углублена на 20–30 см. Стенки ее были достаточно прямыми, за исключением СВ и ЮЗ участков, где

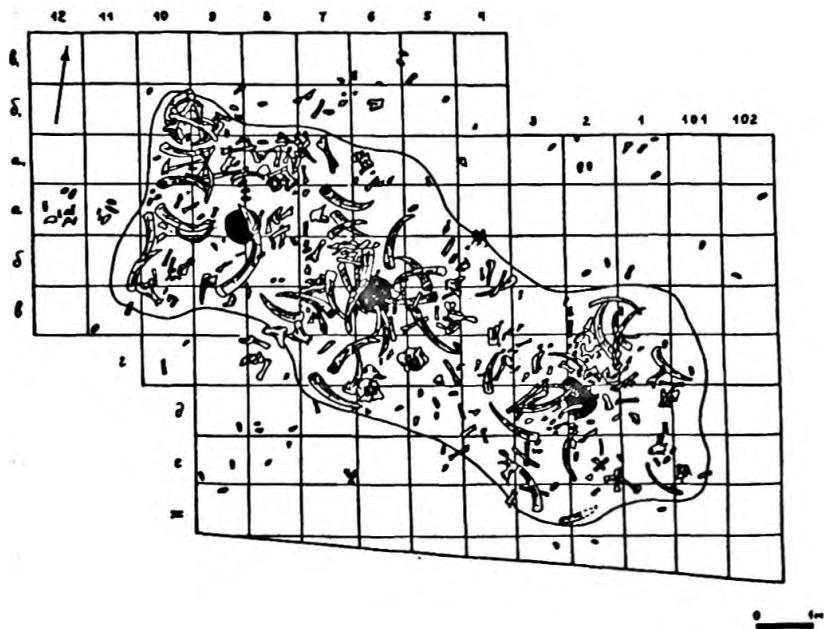

Рис. 2. Расположение костей мамонта в заполнении длинного трехочажного жилища (раскоп 2; по П. И. Борисковскому).

границы размыты. По длинной оси, в 2–2,5 м друг от друга располагались 3 очага диам. 60–80 см и глуб. 15–25 см. В заполнении жилой западины обнаружено скопление костей мамонта, которые, вероятно, являлись остатками жилой конструкции. По краям, с внутренней стороны западины были вкопаны 4 верхние челюсти мамонта альвеолами вниз (рис.1). Всего на площади жилой западины обнаружено 18 верхних челюстей с пустыми бивневыми альвеолами. П. И. Борисковский предполагал, что кроме вышеуказанных четырех, к конструкции жилища имели отношение и другие верхние челюсти, сместившиеся в процессе его разрушения, а часть конструкции жилища составляли кости конечностей и бивни, расположенные наклонно, также по краям западины. Всего в заполнении было обнаружено свыше 400 костей от более чем 65 особей мамонтов (рис.2).

В этой же части поселения (раскоп 2), на расстоянии до 1 м

от границ жилой западины найдены 4 скопления кремня и угля (рис.1). Часть их П.И. Борисковский интерпретировал как кострища. В результате последующих раскопок и изучения дневниковых записей (Борисковский 1937—39) можно считать, что данные скопления, не имевшие каких-либо углублений (характеризующих обычно очаги и, в той или иной степени, кострища) представляли собой обычные мусорные кучи, содержащие, кроме кремня, выбросы из очагов (вероятно, внутренних очагов жилища).

В нескольких метрах к СВ от раскопа 2, в 1939 г. было найдено еще одно скопление костных остатков, исследование которого продолжилось только в 1981 г. (Беляева 1986; 1987). Обнаруженная здесь округлая жилая западина (3—3,5 м; 8—10 м²) была углублена на 10—30 см (разница в степени углубленности объясняется особенностями древнего рельефа поселения). Все стенки западины были достаточно прямыми, за исключением В участков, где границы размыты (рис.3). В центре располагался очаг (диам. 30 см, глуб. 4—6 см). В заполнении этой жилой западины, в отличие от исследованной ранее, было значительно меньше костных остатков. Но и здесь по краям, с внутренней стороны западины были обнаружены вкопанные кости: 2 черепа, 3 верхние челюсти альвеолами вниз, а также вертикально стоящие в яме лопатка и бедренная кость мамонта (рис.1:3). В центральной части в заполнении над очагом лежало 10—15 бивней и трубчатых костей. За пределами жилой западины, в 0,2—2 м обнаружены 6 вертикально вкопанных эпифизами вниз бедренных костей мамонта (сохранились только нижние части) и целая бедренная кость, стоявшая наклонно в яме. Исходя из определенной системы в расположении этих костей (рис.1:3), можно предположить, что они также были связаны с конструкцией жилища. В заполнении обоих пушкаревских жилищ не было того строгого подбора костей и определенной системы в их расположении (за исключением костей, вкопанных по краям западин), как, например, в скоплениях на площади Межиричских жилищ.

В этой же части поселения (раскоп 5) найдены 2 скопления кремня и угля, сходные с обнаруженными на раскопе 2. Одно из них располагалось к С от малого одноочажного жилища, второе

* Стенки и пол жилой западины выявлялись по более или менее интенсивно окрашенному углем заполнению.

** Точнее определить их количество невозможно из-за плохой сохранности.

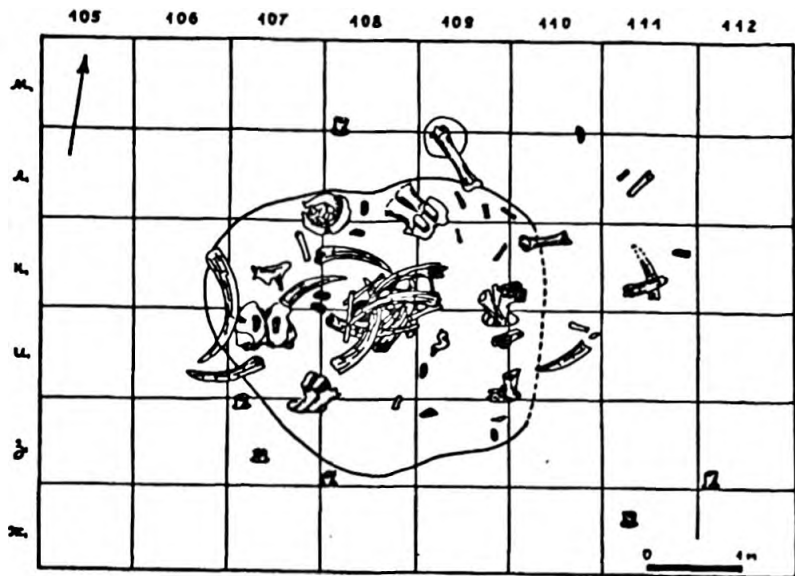

Рис. 3. Расположение костей мамонта в заполнении малого одноочажного жилища (раскоп 5; по материалам раскопок В. И. Беляевой).

— около внешнего очага (рис.1).

Внешний очаг (рис.1; диам. ок. 1 м) был углублен на 12 см. На дне и по краям очажного углубления было обнаружено ок. 40^{*} небольших ямок (диам. 2–13 см, глуб. 3–20 см). Сходные ямки, а также обломки костей, вертикально вкопанные по краям и в дно очагов, выявленные на площади длинного трехочажного жилища, П. И. Борисковский интерпретировал как остатки очажных конструкций типа вертелов (1953). Возможно, что обнаруженные около внешнего очага ямки также являлись остатками приспособлений для приготовления пищи (Беляева 1995). В слое у очага и в верхней части очажного заполнения было найдено довольно много крупных кусков охры (диам. 3–12 см) различных цветов: от желтого до красного и темно-малинового. Концентрация охры вокруг очага могла быть связана непосредственно с ее изготовлением, о чем свидетельствует цветное

* 28 — в очажном углублении и 12 — по его краям.

разнообразии, редко встречаемое в природе, но легко достигаемое при помощи огня (Perlès 1977; Olive 1987). Предположение об обработке охры около внешнего очага не исключает дальнейшего ее использования при других работах на этой территории. В 2–3 м от очага располагались 11 ям (0,25–1 м в поперечнике, глуб. 10–25 см), в основном заполненные кремнем. Большую часть кремня из культурного слоя в районе внешнего очага составляли отходы всех стадий производства: от первичной обработки желвака до подправки уже сработанного нуклеуса. Кроме того, о кремневом производстве на этом участке говорили и количество обнаруженных здесь остатков расщепленного кремня. Таким образом, вокруг внешнего очага сосредоточено большинство находок, связанных с обработкой кремня, охры, приготовлением пищи. Вероятно, можно говорить об этом участке как о производственном центре (Беляева 1991). Приспособлением для выполнения некоторых видов работ могла служить крупная бедренная кость мамонта, вертикально вкопанная у очага (рис. 1).

О соотношении во времени различных объектов на памятнике, можно судить на основании данных о распределении культурных остатков по площади поселения, так как жилища и связанные с ними хозяйственные объекты геологически синхронны. Наиболее насыщенные культурными остатками участки соответствовали пространству вокруг и на подходе к внешнему очагу со стороны малого одноочажного жилища. Подобная насыщенность слоя между двумя объектами и залегание их в одном и том же горизонте культурного слоя свидетельствуют, что они существовали практически в одно время и между ними происходило постоянное сообщение. Такой ясно выраженной связи ни между обоими жилищами, ни между длинным трехочажным жилищем и внешним очагом не устанавливается. Насыщенность слоя и его мощность резко уменьшаются в направлении трехочажного жилища, наблюдается даже некоторый перерыв в распределении культурных остатков, хотя слой непосредственно вокруг длинного трехочажного жилища достаточно мощный и насыщенный. Это позволяет предполагать, что трехочажное жилище не было связано ни с внешним очагом, ни с малым одноочажным жилищем и, возможно, было обитаемо в какие-то иные периоды существования поселения.

Культурные остатки, относимые к обоим жилищам (кремневый и костяной инвентарь) типологически почти не различимы. Не столь значительны и различия в характере жилищ. Разница

заклучалась в форме жилых западин и количестве костных остатков. В обоих случаях предполагаемую основу жилищ составляли вкопанные по краям западин кости конечностей, черепа и верхние челюсти. Учитывая культурное единство, структурную и стратиграфическую целостность поселения, а также исходя из характера устройства жилищ и оборудования обоих участков поселения в целом, можно предположить, что разница во времени их функционирования явилась результатом разных сезонов обитания на них.

Одним из наиболее важных признаков сезона является состав фаунистических остатков на стоянке. На дне жилой западины (раскоп 2), кроме костей мамонта, найдены кости двух особей песца, трех — волка, двух — лошади и по одной особи северного оленя, полевки и бурого медведя (Борисковский 1953). Учитывая, что некоторые группы костей располагались в анатомическом порядке — 5 шейных позвонков волка, кости двух лап волка, и принимая во внимание сезон охоты на пушных зверей, можно предположить, что длинное трехочажное жилище, было обитаемо, по крайней мере, в холодное время года. В культурном слое раскопа 5, в районе малого одноочажного жилища были найдены: фаланга северного оленя (?), фрагмент ребра благородного оленя (?) и обломок клыка песца, что не дает оснований для выводов о сезоне обитания на этом участке поселения. Судя по характеру и количеству культурных остатков на площади поселения, основная деятельность обитателей одноочажного жилища развертывалась вокруг внешнего очага, под открытым небом, в нескольких метрах от жилища. О работе же внутри малого жилища можно говорить лишь предположительно. Напротив, насыщенность слоя на площади длинного трехочажного жилища, содержащего множество фрагментов костей со следами древних сколов и срезов, скопления охры, расщепленный кремь в большом количестве, костяные изделия и заготовки для них, а также наличие возможных остатков очажных конструкций (Борисковский 1953) позволяют предполагать локализацию различных работ внутри жилища.

Для обитателей обоих жилищ была характерна регулярная очистка территории от различных отбросов, складывавшихся в специальные кучи, в которые попадали и выбросы из очагов. Система расположения подобных скоплений также свидетельствует, что местом активной деятельности людей на ЮЗ участке поселения (раскоп 2) было длинное жилище, а на СВ (раскоп 5)

— как малое жилище (в той или иной степени), так и территория вокруг внешнего очага. Различались жилища и системой отопления. Судя по объему очажных углублений, внутренние очаги длинного жилища были во много раз больше внутреннего очага малого жилища. То есть, длинное трехочажное жилище обогревалось значительно лучше, чем малое одноочажное. Желанием создать более утепленное жилище при наименьших затратах строительных материалов, могла быть обусловлена и сама конструкция длинного трехочажного жилища. Вероятно в техническом отношении, оно представляло собой простое соединение нескольких малых жилищ, независимо от того как реконструировать его наземную часть (Воеводский 1952; Борисковский 1953).^{**} Обычно подобные сооружения относят к типу построек для сравнительно продолжительного обитания, главным образом, зимой. Однако, использование костей в конструкции жилищ может объясняться не только относительным обилием и доступностью этого строительного материала, но также и его прочностью. Скорее надо обратить внимание на то, что, при общей практике использования костей мамонта, количество их в заполнении обоих жилых западин различно, что также могло определяться необходимостью создания более или менее утепленного жилища.

Таким образом, на основании сведений о составе и количестве фаунистических остатков, характера распределения по площади поселения следов производственной и хозяйственной деятельности, соотношения количества и объема очагов внутри и вне жилых сооружений, а также некоторых особенностей конструкции обоих жилищ, есть возможность говорить о двух различных сезонах обитания на пушкаревском поселении: теплом, соответствовавшем малому одноочажному жилищу и связанному с ним внешнему производственному центру и холодном, соответствовавшем длинному трехочажному жилищу. Учитывая достаточно сложную структуру поселения, включающую жилища с конструкцией из костей мамонта, производственный центр, а также находки, свидетельствующие о выполнении на стоянке различных видов работ, Пушкари I, вероятно, можно отнести к

* Интересно проследить разницу в объеме выбросов из очагов обоих жилищ, но здесь анализ затруднен присутствием в скоплениях, наряду с углем, кремня и недостаточностью сведений о его количестве в скоплениях на территории раскопа П. И. Борисковского.

** По мнению В. И. Беляевой, это подтверждается и данными последних лет раскопок.

типу базовых поселений, обитаемых несколько сезонов в год. Однако, культурный слой на памятнике достаточно тонкий, кроме того, на мощность и насыщенность его в определенной мере повлияло то, что первичная обработка кремня, вследствие наличия поблизости источников сырья, велась прямо на поселении. Поэтому можно предполагать относительно недолгое существование поселения.

- БЕЛЯЕВА, В.И. 1986. Поселение Пушкари I // Археологические открытия 1984 года: 214. Москва.
1987. О работе в Пушкарях на Десне // Археологические открытия 1985 года: 305–306. Москва.
1991. Быт и хозяйство человека каменного века Деснянского полесья // Первые научные чтения Новгород-Северского историко-краеведческого музея. Новгород-Северский.
1995. Особенности очага как элемента поселения на верхнепалеолитической стоянке Пушкари I // Тез. межд. науч. конф. "Проблемы древней и средневековой археологии Украины". Харьков.
- БОРИСКОВСКИЙ, П.И. Дневники раскопок поселения Пушкари I за 1937–39 гг. // Архив ИИМК РАН, ф.2, оп.1, д.202, 312; ф.35, оп.1., д.160, 161, 201.
1953. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва. Ленинград.
- ВЕЛИЧКО, А.А. 1969. Палеогеография стоянок верхнего палеолита бассейна Средней Десны // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР: 8–41. Москва.
- ВОЕВОДСКИЙ, М.В. 1952. К вопросу о Пушкаревском палеолитическом жилище (стоянка Пасека) // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Ученые записки Московского Гос. университета 158: 71–74. Москва.
- OLIVE, M. 1987. Le traitement de l'ochre // Le feu apprivoisé. Le feu dans la vie quotidienne des hommes préhistoriques. Catalogue. Musée de Préhistoire d'Ile-de-France: 44–46. Nemours.
- PERLÈS, C. 1977. Préhistoire de feu. Paris.

ОРУДИЯ НА СКОЛАХ И НУКЛЕУСАХ ИЗ ПУШКАРЕЙ I

При исследовании верхнепалеолитической стоянки Пушкари I в (1980—90-е гг.) была собрана значительная коллекция кремневого материала. В основном это элементы первичного раскалывания: желваки, нуклеусы и фрагменты их, первичные технические сколы; орудия составляют менее 1%. Существенное преобладание первичного материала в культурном слое объясняется местным происхождением кремня и его плохим качеством: неправильной формы, со множеством каверн, он давал при расщеплении массу отходов в виде желваков с единичными сколами, их обломков, неудачных облупней, крупных первичных сколов. Этот корочный материал количественно значительно превосходящий группу нуклеусов, их технических сколов и заготовок, традиционно не использовался в типологической характеристике памятника.

В процессе камеральной обработки материала мы обратили внимание на макроследы забитости, выщербленности и замятости на пластинах и отщепах. Это массовое для пушкаревских коллекций явление было уже отмечено П.И. Борисковским (1953:214). Внимательно пересматривая крупный обломочный материал, мы обнаружили те же следы на обломках желваков, их сколах, сработанных призматических нуклеусах. Морфологические элементы, несущие следы сработанности и ретушную подправку, повторялись подобно настоящим орудиям.

Нами просмотрена и подвергнута первоначальному трасологическому анализу выборка из 200 предметов первичного раскалывания, среди которых выделены крупные первичные сколы и нуклеусы с орудийными элементами (19 экз.). Из-за окатанности кремня функции определены только на основании линейных следов и макропризнаков изношенности рабочих участков. Анализ позволил разделить материал на две основные группы — скребловидные орудия и орудия с шиповидным выступом; 1

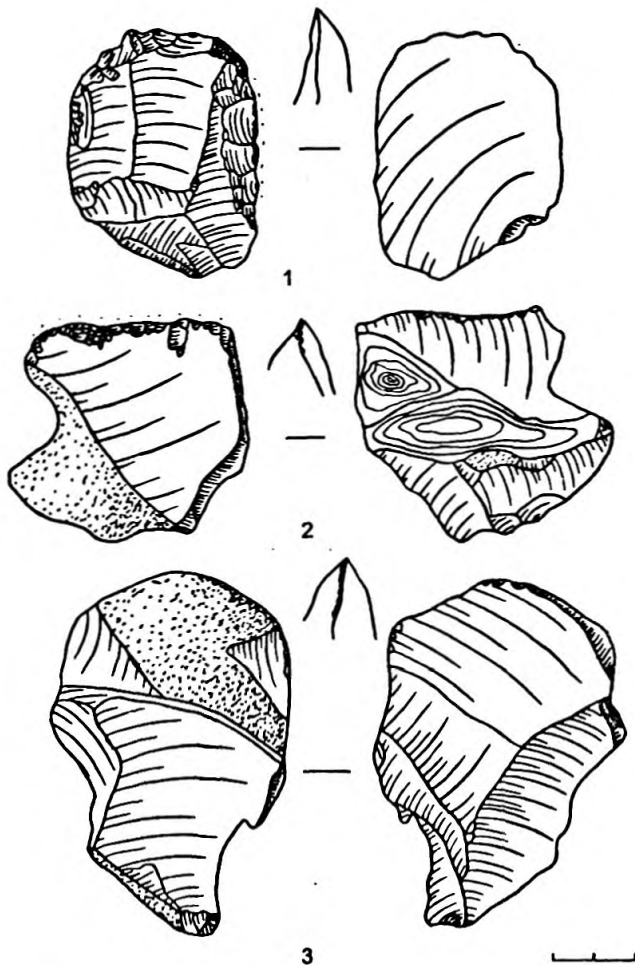

Рис. 1. Скребловидные орудия.

группа включает как нуклеусы, так и крупные сколы (10 экз.), 2 — только нуклеусы, в большинстве своем, сработанные (9 экз.).

1. Скребловидные орудия (рис.1; 2:1—3).

Здесь присутствуют как крупные сколы, так и нуклеусы (иногда фрагменты). Рабочая кромка выделяется на их боковой грани, дистальном конце, либо на стыке двух крупных сколов. В

основном она дугообразная, редко прямая, в отдельных случаях — с четко выделенной зубчатостью (рис.1:1). Особняком стоит орудие на фрагменте желвака (рис.1:2), с кромкой на ребре двух крупных сколов; угол кромки в поперечном сечении близок к 45° . Обращает внимание сильная выкрошенность и прерывистость фасетирования самой кромки.

Скребловидные орудия выделяются и формируются изношенностью (забитость, смятость), ретушью и явной морфологией рабочих участков. По характеру оформления рабочего края и его расположению скребловидные орудия относятся к двум группам.

А — на дистальных концах крупных сколов (рис.1:1,3). Это первичные сколы желваков с дугообразным концом, оформленным серией плоских снятий корки и элементами забитости кромки (рис.1:3). Уплощенные первичные сколы имеют хорошо оформленную ретушью дугообразную кромку. Высокие сколы желваков имеют морфологически хуже выраженную дугообразную рабочую кромку, но значительно сильнее забиты.

Б — на боковых кромках нуклеусов и крупных сколов с них (рис.1:1; 2:1,3). На орудиях хорошо читаются элементы первичных снятий на нуклеусе, а скребловидный элемент приурочен к боковой части нуклеуса или скола с него. Угол скребловидного лезвия — $60-90^\circ$. По характеру выделения скребловидного лезвия можно проследить ряд, в начале которого стоит выделение бокового ребра нуклеуса для его переоформления (рис.2:3). Особенностью нуклеусов Пушкарей I является создание только одного ребристого скола на боковом крае. Таким образом, боковое ребро торцевой части состоит из негатива пластинчатого скола фронтальной поверхности и грани, созданной короткими поперечными сколами. Морфология этого технического элемента близка характеру оформления рабочей части скребла. Создание его на нуклеусе требует лишь придания дугообразности боковой ребристой грани нуклеуса. Впоследствии этот элемент преднамеренно повторяется на крупных сколах уже после раскалывания, причем первоначально на сколах присутствует и забитая грань боковой части нуклеуса (рис.2:1). Выделяются орудия с подобным ребром, которое, однако, не связано с системой раскалывания нуклеуса. Технологический элемент становится чисто морфологическим, оформляющим ребро на корочной поверхности скола. Финальным этапом ряда является создание хорошо выраженного скребла с боковыми лезвиями на крупном пластинчатом сколе (рис.1:1). Такое скребло на крупном сколе с

нуклеуса входит в группу скребел на отщепях Пушкарей I (рис.2:2). В поисках аналогий скреблам на боковых гранях нуклеусов, мы обратились к серии подобных орудий стоянки Кокорево I (Абрамова 1979:53). Здесь тот же принцип создания бокового ребра на нуклеусе лежит в основе морфологии лезвия скребла. Представленная аналогия имеет значение лишь для понимания технологии создания формы и, возможно, для оценки индустриальных возможностей эпохи.

Функциональное определение материала Пушкарей I затруднено некоторой окатанностью кремня из верхних горизонтов залегания (Семенов 1957). При изучении группы скребловидных орудий под биноклем в ряде случаев обнаружены линейные следы в виде бороздок, примыкающих к кромке с одной стороны. Края бороздок мягкие, глубина и протяжность варьируют. Расположены они перпендикулярно к кромке. Кромка в плане непрерывная, в поперечном сечении — скругленная. Из этого можно заключить, что эти артефакты использовали в качестве скребущих орудий. Более точное определение дать пока сложно.

2. Орудия с шиповидным выступом (рис.2:4—7).

Шиповидный выступ находится на кромке ударной площадки нуклеусов. В том случае, если он находится на желваке, он расположен в любом удобном месте. Располагаясь на местах обычной “бахромы” нуклеусов, шиповидный выступ легко отличим от нее утрированностью элемента и особенностями его намеренного выделения. “Шипы” на желваках отличаются от “шипов” на нуклеусах. В первом случае выступ представляет собой довольно острый, сильно выдающийся элемент, созданный соседними гранями — негативами крупных сколов. В плане выступ представляет собой клин, без выделения “плечиков” (рис.2:5). Выступ подчеркивают негативы мелких удлиненных сколов, нанесенных по ребру между двумя гранями. Верхние поперечные кромки имеют небольшую забитость. Иное расположение шипа на нуклеусах — выступ выделяется на кромке ударной площадки нуклеуса, на стыке негативов двух сколов (рис.2:4,6,7).

Некоторые выступы не имеют плечиков, они близки желвачным формам. В этом случае шип находится сбоку на поверхности раскалывания и имеет негативы микроскопов (рис.2:7). Выступы с плечиками характеризуются выделением двух намеренных выемок по бокам шипа с помощью мелких широких сколов, либо сильной забитостью (рис.2:4,6). В ряде случаев небольшая заби-

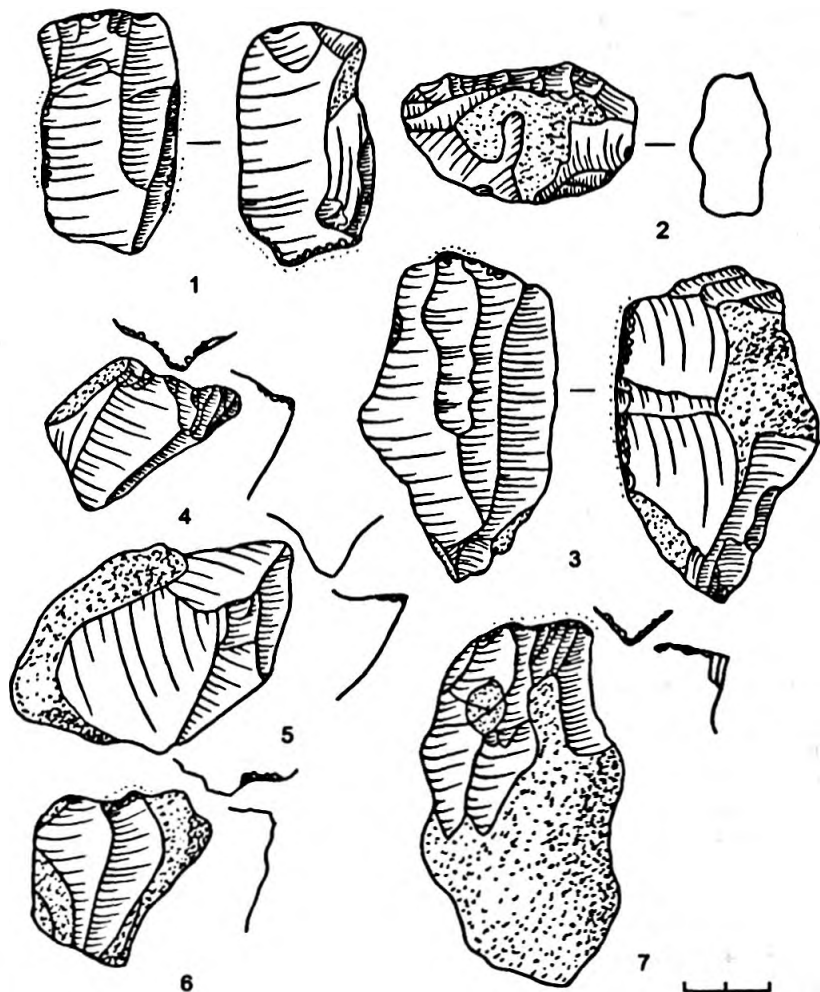

Рис. 2. 1-3 - скребловидные орудия; 4-7 - орудия с шиповидным выступом.

тость присутствует и на выступе. Морфологический ряд орудий с шиповидным выступом можно представить следующим образом: в начале ряда стоят шипы на желваках. Клиновидный шип без плечиков является начальной формой выделения элемента. Затем форма клиновидного шипа на нуклеусах дополняется

небольшой выемкой-“плечиком”, созданной забитостью. Завершает ряд преднамеренное выделение выступа мелкими сколами с поверхности ударной площадки, не имеющими отношения к системе первичного раскалывания. В этом случае выступ и плечики несут следы забитости. Трасологический анализ данной группы выявил на некоторых экземплярах единичные линейные следы в виде неглубоких узких рисок, перпендикулярных или наклонных к кромке ударной площадки “плечика”. Кромка, как правило, забита и слегка скруглена. Не имея пока возможности определить функцию этих артефактов, можно сказать, что следы изношенности не могут быть связаны с первичным раскалыванием.

На основании изученного материала можно считать, что круг орудий пушкаревского поселения значительно шире известной, классической группы орудий.

АБРАМОВА, З.А. 1979. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск.

БЕЛЯЕВА, В.И. 1991. Быт и хозяйство человека каменного века Деснянского полесья // Первые научные чтения. Новгород-Северский.

1994. Каменный инвентарь, традиции и среда эпохи верхнего палеолита // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит—средневековье): 38—48. Санкт-Петербург.

БОРИСКОВСКИЙ, П.И. 1953. Палеолит Украины // Материалы и исследования по археологии СССР 40. Москва.

СЕМЕНОВ, С.А. 1957. Первобытная техника. (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // Материалы и исследования по археологии СССР 54. Москва.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ТИХВИНСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1995 г. на Ю и СВ Тихвинского р-на Ленинградской обл. экспедициями ТИМАХМ и РЭМ обнаружены и частично исследованы археологические памятники неолита и средневековья. Число неолитических памятников на этой территории невелико, что, однако, не дает оснований для суждения о слабой заселенности края в древнейшую эпоху (Рябинин, Урбан 1988:58), а свидетельствует лишь о недостаточной археологической изученности басс. рр. Сяси и Паши. Так, уже первое обследование Капшозера показало перспективность проведения здесь дальнейших изысканий.

В ходе разведки на Ю берегу Капшозера в 0,5 км к В от д. Усть-Капша, у понтонного моста была обнаружена неолитическая стоянка (рис.1). Памятник расположен в самом узком месте озера (110 м). Площадка сильно залесена. Восточная часть стоянки уничтожена при строительстве дороги и моста через Капшозеро. Подъемный материал встречен на протяжении 200 м вдоль береговой линии. Культурный слой зафиксирован на 1-й озерной террасе (2 м над ур. воды) и на коренном берегу, сложенном песчаниковыми породами. Высота площадки — 5,6 м над ур. воды. На террасе, в шурфе (1x2 м) был обнаружен переотложенный культурный слой — сильно гумусированный коричневатый песок с включениями редких фрагментов железистого песчаника и угольков. Собрано 68 фрагментов керамики: обжиг черепков неравномерный; в качестве примесей использовались песок и мелкотолченая дресва; толщ. стенок сосудов 0,6—1,0 см; элементы орнамента — круглые ямки с плоским или коническим дном (отдельные фрагменты имеют на внутренней поверхности жемчужины), оттиски крупно и мелко зубчатого

Рис. 1. Ситуационный план стоянки Усть-Капша.

гребенчатого штампов, оттиски гладкого, парного штампов, насечки. Орнамент зонален, как правило, ряды ямок чередуются с оттисками разного вида штампов. Часть сосудов, вероятно, были изготовлены методом подлепа (сохранился фрагмент глиняной ленты). Представлены венчики сосудов 4 типов: прямой, утолщенный, срез края скошен внутрь, выступает снаружи и внутри, орнаментирован наклонными оттисками гребенчатого штампа; прямой, слегка утолщен, срез края скошен внутрь, орнаментирован оттисками косо поставленного гребенчатого штампа; прямой, слегка утолщен, срез края не скошен, орнаментирован оттисками короткого гребенчатого штампа; прямой, срез края не скошен, не орнаментирован (рис.2:1–3).

На разрушенном участке стоянки и на песчаной отмели озера собран разнообразный кремневый инвентарь. Это, главным образом, кремневые отщепы и осколки кремня. Орудия представлены скребками (рис.2:5–7,9), отбойником, обломком сланцевого шлифованного орудия (вероятно тесла) со следами вторичной обработки — боковые грани оформлены крупной ретушью (рис.2:8). Скребки нескольких типов: боковые на отщепах с округлым рабочим краем; на обломке отщепа подтреугольной формы, с одним вытянутым концом, рабочий край обработан крутой ретушью; концевые на отщепах, с высоким рабочим краем; миниатюрные (дл. до 2,0 см). Один скребок изготовлен на массивном отщепе подчетыреугольной формы с боковой и продольной рабочими гранями, концевая рабочая грань с выемкой обработана крутой ретушью; вероятно, орудие могли использовать для обработки выгнутых поверхностей. В переотложенном культурном слое вместе с керамикой обнаружен миниатюрный

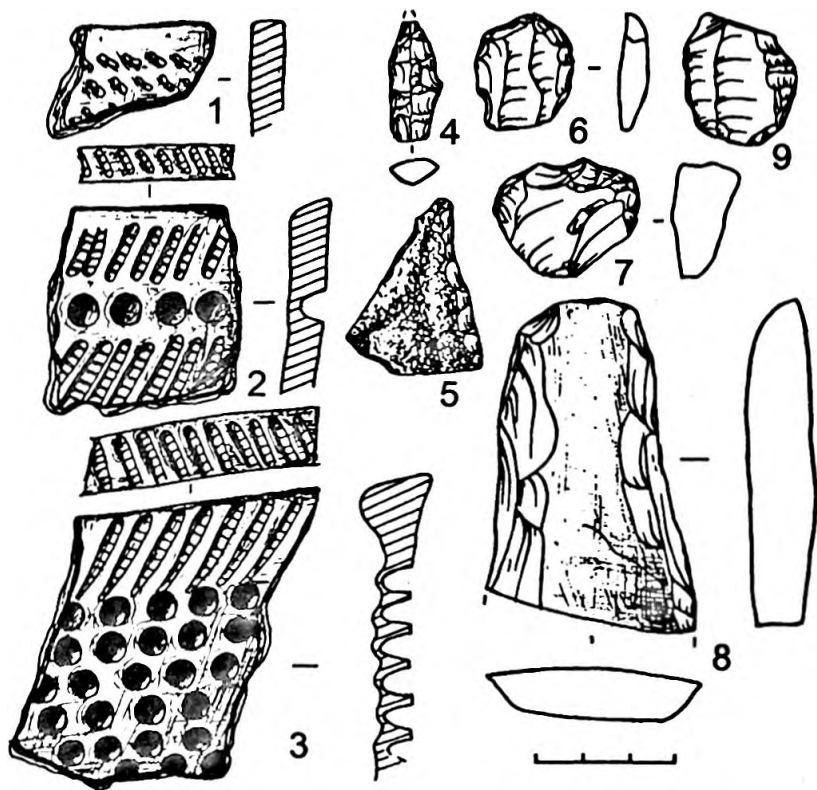

Рис. 2. Неолитическая стоянка Усть-Капша: 1-3 — керамика; 4 — наконечник стрелы; 5-7 — скребки; 8 — орудие из сланца.

листовидный двустороннеобработанный наконечник стрелы (рис.2:4). На памятнике найдены заготовки орудий и обломки нуклеусов различной формы, в т. ч. многоплощадочных. Часть орудий изготовлена из местного серого валунного кремня. Аналогии материалу стоянки Капшозеро известны в нижнем течении р. Паши (Усть-Рыбежна) и на р. Луненке (Устье). Открытый памятник можно отнести к этому же кругу древностей и датировать эпохой развитого неолита.

Для выяснения плотности заселения долины р. Сясь в неолитическое время, в районе стоянки Устье — крайней восточной

точки распространения культуры гребенчато-ямочной керамики, была осмотрена территория правого берега р. Сясь, с В прилегающая к Ильинскому пог. В 1993 г. здесь были обнаружены следы разрушенного неолитического памятника. Стоянка Свирь-I расположена на правом берегу р. Сясь в 0,5 км к В от д. Свирь, в 0,5 км к СВ от стоянки Устье, в 150 м от моста, на краю второй надпойменной террасы, на высоте 4 м над ур. воды. Культурный слой (отложения темно-серого суглинка) сохранился по самому краю террасы, под береговым валом, образованным в результате напаша, остальная часть стоянки разрушена пахотой. На пахоте и в шурфе (1x1 м) обнаружено 25 фрагментов керамики (вероятно, от 2 сосудов), хорошо обожженных, с большим содержанием мелкооточенной дресвы, песка. Толщина стенок сосудов 0,8–1,0 см. Черепки орнаментированы чередующимися рядами ямок и наклонных отпечатков гладкого штампа. 3 фрагмента венчиков сосудов прямые, слегка утолщены, срез края не скошен, не орнаментирован (рис.4:3,4). Орудия представлены 2 концевыми скребками и ножом. Один из скребков (подъемный материала) изготовлен на обломке отщепы; второй (из шурфа) – на отщепе подтреугольной формы, с высоким рабочим краем (рис.4,1). Орудие, которое типологически определено как нож, изготовлено на широкой пластине (шир. до 1,8 см) и оформлено противлежащей приостряющей ретушью по продольным краям (рис.4:2). Кроме того, в шурфе обнаружен обломок кремневого нуклеуса.

К В от стоянки Свирь-I, на мысу, образованном Федоровским руч. и правым берегом р. Сясь, на распаханном поле было зафиксировано пятно серой золистой гумусированной супеси, маркирующей разрушенный памятник Свирь-II; подъемный материал неолитического облика включал только кремневый инвентарь: отщепы (часть со следами подработки), скребки, обломки нуклеусов. Скребки (6) нескольких типов: концевой на отщепе подчетыреугольной формы; на обломках отщепов различной формы, с высоким рабочим краем; на крупном отщепе трапециевидной формы, три его грани – боковые и концевая – обработаны; один скребок изготовлен на отщепе вытянутой формы, обработана выступающая округлая центральная часть боковой грани (рис.4: 5–7). Нуклеусы многоплощадочные, неопределенной формы. Материалы стоянок Свирь-I и Свирь-II аналогичны находкам из I культурного слоя стоянки Устье; возможно, на каком-то отрезке времени памятники существовали одновременно.

При изучении памятников каменного века встает вопрос об

источниках сырья, используемого при изготовлении орудий. Ряд исследователей указывали на каньон р. Рагуши, как наиболее перспективный по поиску мест древних горных выработок и кремнедобывающих мастерских (Рябинин, Урбан 1988:58). Обследования территории Вепской возвышенности в 1995 г. показало, что большое количество конкреций кремня содержится в моренных холмах. На участке между дд. Боброзеро и Пожарище (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.) обнаружены многочисленные обломки кремня желтого, коричневого, красноватого цветов. В верховьях р. Лиди также много светло-серого кремня. Серый кремень плохого качества встречается почти повсеместно: от района д. Тервиничи до Хмелеозера (Лодейнопольский р-н). Видимо, кремень, используемый неолитическим населением Северо-Востока Ленинградской обл., имел местное происхождение.

Для изучения средневековой поселенческой ситуации в Посясье, были продолжены обследования в окрестностях пог. Ильинского. В 1994–95 гг. здесь открыт комплекс из 3 разновременных селищ и кургана. Памятники находятся в урочище “Петровское” (правый берег р. Сясь), в 1,5 км от пос. Свирь.

Пос. Петровское-II (ок. 80x50 м, мощн. слоя — более 1 м) расположено на склоне долины в 150 м от р. Сясь (рис.3:2), на выс. 16–18 м над ур. воды. Под верхним слоем распаханной коричневой супеси залегают слои, образовавшиеся в результате пожара, ниже, непосредственно на материке, слой слабогумусированного песка, в котором обнаружены фрагменты сосудов, а также находки XI–XII вв. — времени функционирования селища. Исследован позднесредневековый жилой дом (ок. 48 м²) с печью-каменкой, основание которого было углублено в предматериковый песок. В культурном слое обнаружено 377 фрагментов гончарной посуды (79 венчиков); 50 фрагментов сосудов на плечиках и по тулову орнаментированы однорядными волнами, линиями; шейка не орнаментирована. На 1 фрагменте зафиксированы ногтевые углубления, в еще одном случае — каннелюры на шейке сосуда. Анализ керамики позволяет говорить о местном производстве посуды, происходящей из постройки. В слое пожара найдены железная спица для прикрепления кудели к прялке и железный ключ.

Пос. Петровское-III (90x70 м) расположено на 3-ей речной террасе и пологом участке склона долины (рис.4:3), на выс. 14–16 м над ур. воды. Северную окраину памятника перекрывает селище Петровское-II. Культурный слой (коричневая супесь

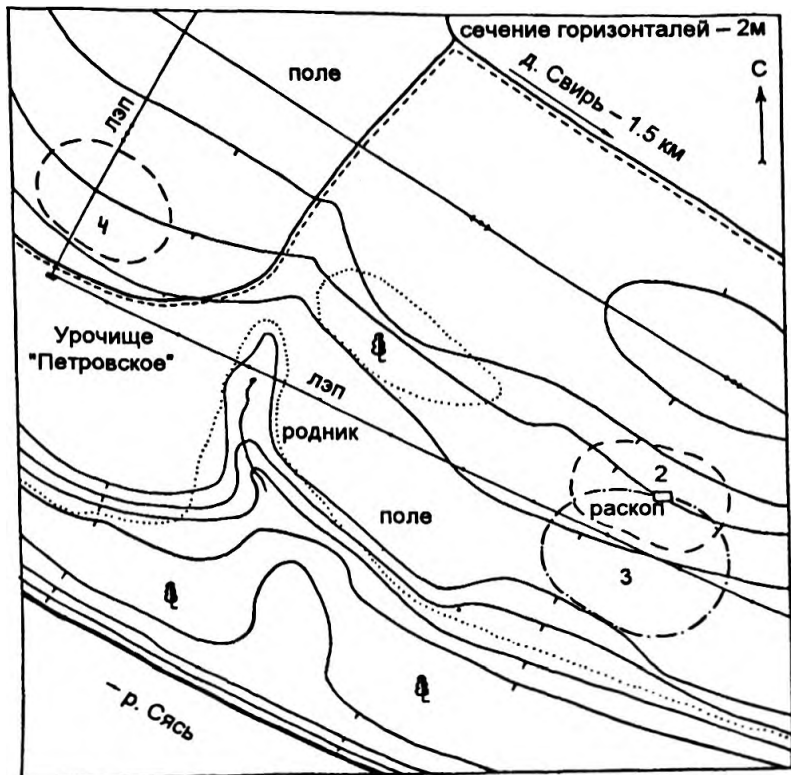

Рис. 3. Ситуационный план расположения поселений в урочище "Петровское": 2 - пос. Петровское-II; 3 - пос. Петровское-III; 4 - пос. Петровское-IV.

толщ. до 0,35 м) распахан до материка. После глубокой вспашки на селище обозначились углистые пятна с включениями колотого валунного камня, костей животных и керамики, маркирующие углубленные в материк сооружения. По керамике поселение датировано сер. XI - XII вв. В слое песка под постройкой найден серебряный, позолоченный, орнаментированный перстень-печатка (появляются в кон. XII в.; рис.4:9); из этого же слоя происходит прекрасно сохранившаяся зооморфная подвеска "конь на змее" из медного сплава (по терминологии Л. А. Голубевой; рис.4: 8). Отливка изделия хорошего качества. Аналогия этой находке известна в богатом детском погребении кон

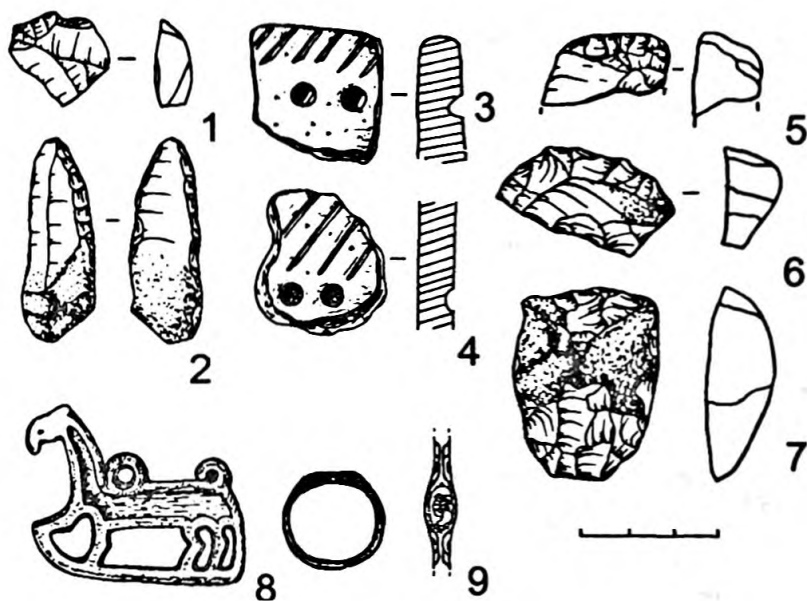

Рис. 4. Находки со стоянок Свирь-I и Свирь-II и из археологических раскопок пос. Петровское-II: 1, 5-7 - скребки; 2 - нож; 3, 4 - керамика; 8 - подвеска "конь на эмсе"; 9 - перстень (1, 2, 5-7 - кремь; 3, 4 - глина; 8 - цветной металл, 9 - серебро).

XII в. из курганного мог. у д. Кяргино-Круглицы (1949 г., А. М. Линеvский, кург. №5).

Пос. Петровское-IV (70x50 м) обнаружено в 250 м к 3 от описанных памятников, в непосредственной близости от бывшей усадьбы М. Н. Бутковича "Петровское". Оно занимало ЮЗ часть склона долины (рис.3:4). Культурный слой памятника - серо-коричневый суглинок мощн. до 0,4 м. Керамический материал включал фрагменты сосудов XIV-XIX вв., в том числе привозной новгородской посуды - обломки белоглиняных горшков с линейным и волнистым орнаментом. Интерес представляет фрагмент позднесредневековой фляжки, внешняя поверхность которой покрыта поливой; вокруг горла, на боковой поверхности сосуда сохранились следы орнамента - концентрические кружки, ребра окружности украшены насечками, напоминающими

отпечаток веревочки. Сосуд изготовлен из серой глины с примесью мелкого песка, после обжига внутренняя поверхность приобрела коричневатый цвет. В подобной фляжке в 1907 г. в районе Канонерки, рядом с дачей Шуберта найден клад серебряных монет времени Ивана Грозного (Гамченко 1909:3–4). На ЮВ окраине поселения, на пахоте, был найден железный ключ от кубического замка.

На берегу р. Сясь, напротив селища XI–XII вв. на краю 1-ой надпойменной террасы, на выс. 4 м над ур. воды зафиксирован курган выс. более 2 м, вершина насыпи округлая. В ЮЗ части курган поврежден недавней грабительской ямой. Насыпь сооружена из желтого материкового песка, по структуре однородна. У 3 полы кургана прослеживается заплывший ровик.

РЯБИНИН, Е.А., Ю.Н.УРБАН. 1988. Древняя история Тихвинского края по археологическим данным // Тихвинский сборник I: 56–58. Тихвин.

ГАМЧЕНКО, С.С. 1909. Исследования сестрорецких курганов в 1907 году // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества 8, 2: 3–4. Санкт-Петербург.

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ЗЕМЛЯНКИ 2 ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОДАКИ

Пос. Бодаки (Збаражский р-н, Тернопольская обл.), расположенное в 1 км к С от одноименного современного села на склоне высокого левого берега р. Горынь, открыто в 1938 г. польским археологом А. Цинкаловским (Cynkalovski 1961:13). В 1967 г. работы на памятнике были возобновлены Т. А. Поповой и Е. Н. Черныш (1967:40–43). Регулярные раскопки в Бодаках проводятся с 1987 г. Н. Н. Скакун. Памятник относится к этапу VII Триполья (Попова, Черныш 1967:40; Виноградова 1983:7).

Поселение (ок. 150x200 м) с 3 ограничено небольшим оврагом с выходами кремня. Культурный слой залегает на глуб. 0,2–0,35 м. Месторождение кремня в 0,4 км от памятника вместе с многочисленными находками на поселении кремневых отходов дали возможность рассматривать Бодаки как поселение-мастерскую (Скакун 1990:30).

В статье рассмотрен комплекс керамики из землянки 2, раскопанной в 1993–95 гг. в 3 части поселения. После расчистки, сооружение (3,5x2 м) приобрело вид восьмеркообразного в плане углубления, вытянутого с В на З. Землянка расположена на склоне, поэтому С ее стенка более высокая. К В стенке примыкал очаг, в 3 части выявлена округлая яма (диам. 2 м, глуб. 1,2 м от ур. пола В части).

Над землянкой в пахотном слое обнаружено большое число отходов кремнеобрабатывающего производства, фрагменты керамики, мелкие кусочки обмазки, Вероятно, когда землянка перестала функционировать как жилище или мастерская, ее стали использовать в качестве ямы для отходов. Прослойки

* С 1987 г. исследовано 250 м²; обнаружено 17 хозяйственных ям, 3 землянки, углубленное жилище с глинобитной конструкцией (Скакун 1984–1987; 1989–1994; Скакун, Старкова, Амосов, Тарасов 1994:182). Археологический материал сосредоточен, в основном, в жилищах, которые, судя по однородности найденной в них керамики, были одновременными.

заполнения отличаются друг от друга цветом. Верхняя, темно-серая, имеет много золистых включений. Следующая, желтовато-серая прослойка, в нижней части переходит в темно-коричневый слой. В этом слое у В стенки землянки обнаружен прямоугольный очаг (20x45 см, глуб. ок. 13 см), его стенки и дно обмазаны тонким слоем глины. Насыщенное золой заполнение содержит мелкие угольки, кусочки обмазки, фрагменты керамики. Многочисленные кремневые отщепы и нуклеусы свидетельствуют, что на этом уровне землянку, по-видимому, использовали как мастерскую. В нижней части очаг имел материковую подсыпку толщ. 3–4 см, а еще ниже приобрел вид овального углубления (150x110 см, глуб. 70 см) с вертикальными, ровными, хорошо прокаленными стенками. Здесь резко сократилось количество отходов кремневого производства и увеличилось число обломков сосудов, вероятно, в это время землянка функционировала только как жилище. Судя по толщине заполнения, период существования жилища был более длительным по сравнению с периодом существования мастерской.

Керамика из землянки 2 по составу теста разделяется на кухонную и столовую. В отдельную группу выделена посуда с примесью толченой ракушки (как инокультурный элемент – результат влияния соседних степных культур; Скакун, Старкова, Риндюк 1995:46). Найдены в основном обломки сосудов (ок. 2000). В работе учтены венчики, донца и археологически целые сосуды.

Кухонная керамика (ок. 20% от всей посуды землянки) изготовлена из серой или коричневой глины с примесью органики и крупного шамота, обожжена неравномерно. На поверхности сосудов часто видны следы заглаживания (вероятно, пучком травы), иногда встречается лощение. Основные формы: миски и горшки.

Миски – самый многочисленный тип посуды – встречены на всех уровнях землянки примерно в равном соотношении. По особенностям формы выделено 3 вида мисок (рис. 1:1–3): усеченно-конические, полусферические и т. н. котлы.

Усеченно-конические миски (диам. венч. 8–16 см, выс. 4–7 см) имеют слегка отогнутый наружу, а иногда прямосрезанный с утолщением венчик (рис. 1:1). Поверхность обычно довольно тщательно заглажена, орнамент отсутствует, лишь одна миска сверху по венчику имеет точечные наколы (рис. 1:1).

Сравнительно небольшие полусферические миски (диам.

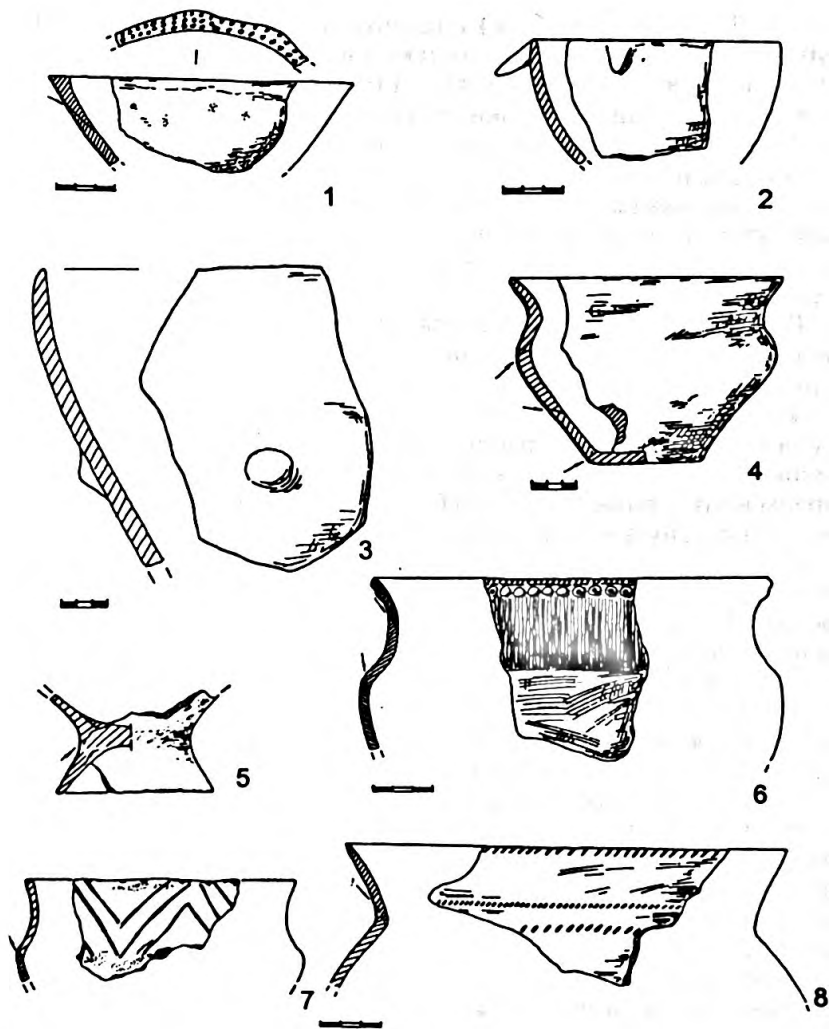

Рис. 1. Бодаки, землянка 2. Фрагменты кухонной керамики: 1 – усеченно-коническая миска; 2 – полусферическая миска; 3 – котел; 4, 6, 7 – горшки; 5 – подставка для миски; 8 – горшок с примесью ракушки в тесте.

венч. 6–11 см, выс. 4–6 см) с шероховатой, иногда со следами грубого сглаживания поверхностью, часто имеют у венчика парные или одиночные налелы-рожки (рис.1:2).

Котлы — крупные глубокие миски (диам. венч. 16–25 см, выс. 15–30 см) с заглаженной поверхностью. В одном случае в нижней трети котла имеются одиночные пупырчатые выступы (рис.1:3). Все котлы найдены в самом верхнем слое и, возможно, не связаны с функционированием жилища, а относятся к тому времени, когда землянку уже использовали в качестве ямы для отходов.

В самом нижнем слое землянки найдены 2 подставки для мисок (диам. 10 см, выс. 3 см; рис.1:5). Поверхность их тщательно залощена.

Фрагменты горшков найдены в среднем и нижнем слоях землянки примерно в равных пропорциях. Выделено 2 типа горшков: сильнопрофилированные средних размеров, с низким горлом и отгнутым венчиком и более крупные, с высоким горлом и слегка отогнутым венчиком.

Горшки 1 типа (5 экз.; диам. венч. 11–20 см, выс. 6–16 см; рис.1:4) имеют лощеную поверхность. Орнамент отсутствует или состоит из насечек, нанесенных сверху по венчику и в один ряд по плечикам.

Горшки 2 типа (7 экз.) — это крупные сосуды (диам. венч. 16–30 см, выс., вероятно, 18–25 см). Поверхность 6 горшков шероховатая (у 2 из них отчетливо видны следы сглаживания), одного — лощеная. Горшки с шероховатой поверхностью орнаментированы вертикальными расчесами на горле и жемчужинами на венчике (рис.1:6), а также оттисками гребенчатого штампа (сверху на венчике и на плечиках) и парными налелами на плечиках. Лощеный горшок имеет прочерченный геометрический орнамент и следы красной краски на внешней поверхности (рис.1:7).

Столовая посуда (80%) изготовлена из плотного теста с примесью песка, иногда — мелкого шамота и равномерно обожжена. Орнаментировано ок. 85% столовой посуды. Роспись монохромная, в отдельных случаях — бихромная. На многих фрагментах она не сохранилась. Определенный вид росписи всегда соответствует определенной форме сосуда. В землянке 2 представлены: столовые миски, кубки, горшки-кратеры, горшки с отогнутым венчиком, зерновики.

Миски (ок. 50% столовой посуды) в основном повторяют

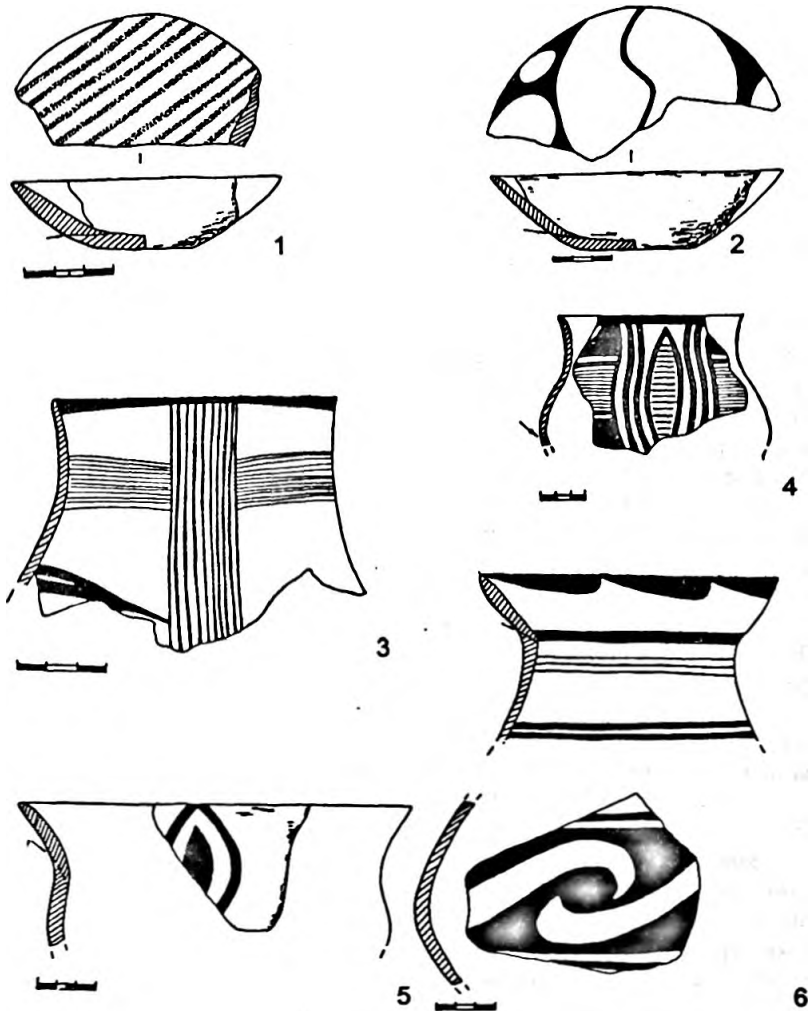

Рис. 2. Бодаки, землянка 2. Фрагменты столовой керамики: 1, 2 — миски; 3 — кубок; 4, 5 — горшки-кратеры; 6 — горшок с отогнутым венчиком.

формы кухонных (исключение — котлы). Наиболее распространенная форма — усеченно-коническая (рис.2:1,2; диам. венч.

9–35 см, выс. 2,5–10 см). Полусферические миски представлены лишь несколькими фрагментами с очень плохо сохранившейся росписью. Наиболее крупные усеченно-конические миски найдены исключительно в нижнем слое. Роспись монохромная, нанесена темно-коричневой или красной краской на естественный фон, покрывает, как правило, внутреннюю (или и внутреннюю, и внешнюю) поверхность. Наиболее распространенный орнамент – параллельные прямые линии (рис.2:1) или сочетание концентрических кругов и волнистых линий (“змей”; рис.2:2).

Кубки – кругло- и плоскодонные (диам. венч. 5–6 – 10–13 см – венчик часто овальный в плане, выс. 8–13 см; ок. 25% столовой посуды) присутствуют во всех слоях землянки примерно в равном соотношении. Роспись стандартна: сочетание вертикальных и горизонтальных тонких линий, нанесенных темно-коричневой или красной краской на естественный фон (рис.2:3).

Горшки-кратеры (ок. 10 экз.) – сосуды средней величины (диам. венч. 18–23 см, выс. 14–18 см); находились в нижнем слое жилища. Роспись монохромная – темно-коричневой краской по естественному фону. Орнамент в виде глазков сохранился лишь на нескольких фрагментах (рис.2:4,5).

Горшки с отогнутым венчиком (диам. венч. 10–15 см, выс. 20–25 см; ок. 18 экз.), встречены преимущественно в самом верхнем слое землянки, когда ее уже, по-видимому, использовали как хозяйственную яму, и в самом нижнем – землянке-жилище. Все горшки имеют стандартную, практически одинаковую монохромную роспись, покрывающую верхние 2/3 сосуда; ее основной элемент – S-видная бегущая спираль на тулове (рис.2:6).

Зерновики – самые крупные сосуды, имели высокое цилиндрическое горло диам. 10–12 см, грушевидное тулово диам. до 30–40 см и выс. ок. 50 см. Судя по количеству фрагментов, в землянке было 2–3 зерновика. Они найдены в самом нижнем слое. Орнамент не сохранился.

Отдельную группу составляют несколько фрагментов керамики с примесью толченой ракушки (рис.1:7). Этот инокультурный элемент присутствует в комплексах многих трипольских поселений (Мовша 1961:186–199). Все фрагменты найдены в верхней части самого верхнего уровня землянки, что свидетельствует о позднем попадании их на поселение.

Керамический комплекс из землянки 2 в основном типичен для 2-ой пол. этапа VII среднего Триполья. В нем прослежива-

ются отдельные элементы незвиского типа керамики (Черныш 1962: 48), а также выделенных для этого времени локальных вариантов, в частности, залешицкого (Виноградова 1983:10–17).

Землянки восьмеркообразной формы широко распространены в Триполье. Особенность землянки 2 — два этапа ее функционирования (жилище и мастерская), связана с тем, что поселение Бодаки являлось поселением-мастерской. Предположение Н. Н. Скакун об использовании землянки 2 сначала в качестве жилища, а затем как мастерской, сделанное на основе распределения по уровням кремневого инвентаря и отходов производства, подтверждается и анализом керамического комплекса.

- ВИНОГРАДОВА, Н.М. 1983. Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры. (Периодизация, хронология, локальные варианты). Кишинев.
- МОВША, Т.Г. 1961. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века // Советская археология 2: 186–199.
- ПОПОВА, Т.А., Е.К.ЧЕРНЫШ. 1967. Трипольское поселение у с. Бодаки // Записки Одесского археологического общества 2 (35): 173–179.
- СКАКУН, Н.Н. Отчеты о полевых исследованиях Энеолитического отряда ЛОИА АН СССР на поселении Бодаки в 1984–1987 гг. Архив ЛОИА АН СССР. Ленинград.
- СКАКУН, Н.Н. Отчеты о полевых исследованиях Энеолитического отряда ЛОИА АН СССР (с 1992 г. — ИИМК РАН) на поселении Бодаки в 1989–1994 гг. Архив Института археологии НАН Укр. Киев.
1990. Вивчення енеолітичного поселення — майстерні біля с. Бодаки // Тези доповіді і повідомлень I Тернопільської обл. наукової історико-краєзнавчої конф.: 43. Тернопіль.
1993. Развитие кремнеобработывающего производства в эпоху развитого энеолита в Юго-Восточной Европе // Тез. докл. конф. “Трипольська культура України”: 60. Львів.
- СКАКУН, Н.Н., Е.Г.СТАРКОВА, Д.А.АМОСОВ, В.А.ТАРАСОВ. 1994. Применение магнитной съемки при исследовании поселения трипольской культуры у с. Бодаки // Тез. докл. межд. конф. “Применение методов естественных наук в археологии”: 182–183. Санкт-Петербург.
- СКАКУН, Н.Н., Е.Г.СТАРКОВА, Н.В.РИНДЮК. 1995. Северо-западные памятники Триполья и соседние культуры // Тез. докл. конф. “Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита — бронзы Средней и Восточной Европы”: 45–46. Санкт-Петербург.
- CYNKOZOWSKI, A. 1969. Osiedle kultury tripolskiej u Bodackach nad Horynien // WA XXXIV.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКОВИДНЫХ ПСАЛИЙ С ШИПАМИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Появление дисковидных псалиев (далее д/п) связано, как известно, с возникновением колесниц (Кузьмина 1994). Они получили быстрое распространение на смежных территориях, поэтому многочисленные находки д/п и орнамент на них стали центральным звеном первых моделей и схем культурных связей различных археологических культур на территории Восточной Европы и Карпато-Балканского региона. В связи с этим остро встал вопрос о возможности классификации и картографии находок. После публикации работы А. Можолитч (Mozsolics 1953) было разработано несколько классификационных схем д/п (Кузьмина 1980; 1994; Зданович 1986; Смирнов 1961; Оапсеа 1977). Но все они не дали требуемого результата либо из-за недостаточного количества материала, используемого авторами, либо из-за неудачного выбора классификационных признаков. Ныне имеется достаточное количество д/п (71 экз.), что позволяет вновь обратиться к проблеме.

Все известные дисковидные псалии с шипами, относящиеся к классу предметов с уплощенным щитком, можно классифицировать по способу крепления шипов к щитку псалия: 1) псалии с монолитными шипами; 2) псалии со вставными шипами.

В группе 1 шипы вытачивали вместе со щитком. Шипы имеют разную форму. Чаще всего встречаются шипы конусообразной формы, сужающиеся к рабочему концу заостренной, либо сглаженной овальной формы; особо выделяются псалии, у которых шипы имеют фигурную форму, как на предметах из комплекса Синташта (Генинг, Зданович, Генинг 1992) и Большекараганского мог. (Древности Урало-Казахстанских степей 1991); на экзем-

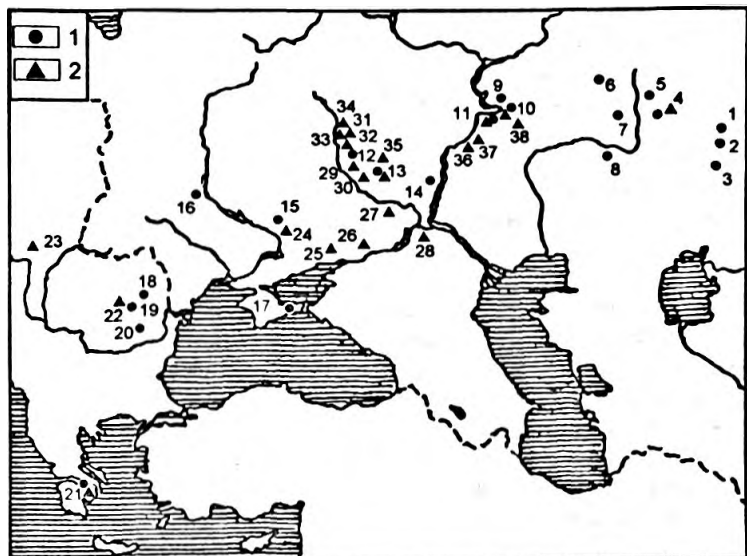

Рис. 1. Распространение дисковидных псалий (1 — с монокристаллическими шипами, 2 — со вставными шипами): 1 — пос. Петровка II; 2 — пос. Новоникольское I; 3 — мог. Берлик; 4 — Синташта; 5 — мог. Большекараганский; 6 — пос. Баланбаш; 7 — мог. Тавлыкаевский; 8 — пос. Кулевичи III; 9 — пос. Суруж; 10 — VI Утевский мог.; 11 — мог. Потапово; 12 — пос. Отрожское; 13 — Филатовский мог.; 14 — Софьинский кург.; 15 — пос. Богуслав; 16 — кург. Трахтемирова; 17 — пос. Каменка; 18 — пос. Кырломанешти; 19 — пос. Сарата-Монтеору; 20 — пос. Ульмени; 21 — Микены; 22 — пос. Кындешти; 23 — пос. Оарте де Сус; 24 — мог. Березовка; 25 — Ильичевка; 26 — кург. Богоявленский; 27 — кург. Кондрашовка; 28 — мог. Баранниково; 29 — кург. Введежи; 30 — Власовский мог.; 31 — мог. Староюрьево; 32 — Селезневский мог.; 33 — Кондрашкинский кург.; 34 — мог. Печеево; 35 — мог. Большая Дмитриевка; 36 — кург. Старицкое; 37 — мог. Бородаевка; 38 — мог. Красноселка.

В шпалах из шахтной гробницы IV Микен (Оапсеа 1977) ребра шипов не сглажены, а имеют четыре хорошо выделенные плоскости.

В группе 2 форма шипов, как правило, такая же. Сама же система крепления вставных шипов различна: чаще всего встречаются д/п, у которых шипы крепятся в специально вырезанных отверстиях на щитке псалия с помощью различных нарезок, а головка шипа украшена орнаментом. На некоторых псалиях шипы крепятся в специально вырезанных пазах с обратной стороны щитка с помощью шпонок, как на предмете из мог. Б.

Дмитриевка (не опубликовано), или проходят насквозь, как на д/п из Филатовского (не опубликовано) и Кондрашкинского кург. (Пряхин, Беседин 1992). Иногда встречаются псалии, на которых только один шип является вставным (VI Утевский мог., см.: Кузьмина 1980; Филатово, погр. 5). Количество шипов на разных экземплярах — 3—4.

Группы псалиев можно разделить на подгруппы по признаку наличия/отсутствия планки для крепления наносного ремня; встречаются планки овальные, прямоугольные, треугольные, трапециевидные, планки в форме сегмента, планки удлиненные с овальным концом (мог. Бородаевка, не опубликовано) или с четко очерченными углами (Кулевичи III, пос. Новоникольское 1; Зданович 1986). На предмете из Большекараганского мог. край планки выполнен волнистой линией. Большое количество псалиев не имеет выделенной планки. На таких предметах отверстия для наносного ремня расположены на самом щитке.

Две подгруппы можно разделить на разряды по форме щитка. Большинство предметов имеют щиток в форме окружности. Часто встречаются псалии с овальным и сегментовидным щитком (усеченный на одну четверть, две четверти или три четверти круга). Несколько экземпляров имеют подпрямоугольный (Краснополье, не опубликовано) или трапециевидный (пос. Оарте де Сус; Vogoffka 1994) щиток. И только пара псалиев, происходящих из пос. Баранниково (не опубликовано), индивидуальна, здесь щиток выполнен в форме трехлепестковой розетки (три соединенные окружности).

Псалии можно разделить также на 3 типа по способу крепления ремней оголовья: 1) псалии, выполненные без специально сделанного отверстия, когда ремни оголовья крепились непосредственно к центральному отверстию на щитке для крепления удила; 2) псалии со специально просверленным отверстием на щитке, причем встречаются как предметы с такими отверстиями в противоположной части щитка относительно отверстий для наносного ремня, так и в той же части; 3) псалии с отверстиями, просверленными в другой боковой плоскости.

Типы по деталям формы щитка можно разделить на варианты, признаки которых уже упоминались выше.

Если свести все данные воедино, то получается следующая классификация:

- I. Псалии с плоским щитком и монолитными шипами:
 - A) без выделенной планки:

- 1) круглый щиток, I-ый способ крепления рем. ог.
- 2) круглый щиток, II-ой способ крепления рем. ог.:
- а) отверстие для крепления рем. ог. и наносных рем. в разных частях щитка;

б) в одной части щитка.

3) сегментовидный щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

4) овальный щиток, II-ой способ крепления рем. ог.

Б) с выделенной планкой:

1) сегментовидный щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

а) по форме щитка – $3/4$ круга;

б) $2/4$ круга;

в) $1/4$ круга.

2) сегментовидный щиток, II-ой способ крепления рем. ог.

3) овальный щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

II. Псалии с плоским щитком и вставными шипами:

А) без выделенной планки:

1) круглый щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

2) овальный щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

Б) с выделенной планкой:

1) круглый щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

2) круглый щиток, III-ий способ крепления рем. ог.

3) сегментовидный щиток, I-ый способ крепления рем. ог.

4) сегментовидный щиток, II-ой способ крепления рем. ог.

5) сегментовидный щиток, III-ий способ крепления рем. ог.

а) с круглым центральным отверстием;

б) с прямоугольным отверстием.

6) овальный щиток, III-ий способ крепления рем. ог.

Некоторые находки выделяются в особые типы:

IB4 – псалии с плоским прямоугольным щитком, с монолитными шипами, с выделенной планкой и I-ым способом крепления рем. ог.

IIA3 – псалии с плоским трапециевидным щитком, со вставными шипами, без выделенной планки и II-ым способом крепления рем. ог.

IIA4 – псалии с плоским щитком, выполненным в виде трехлепестковой розетки, со вставными шипами, без выделенной планки и II-ым способом крепления рем. ог.

Размеры псалиев варьируют, но псалии со вставными шипами гораздо крупнее, чем с монолитными (Пряхин, Беседин 1992).

Что касается орнамента, то в основном орнаментирован сам щиток и стык щитка и планки (т. н. хорда). У д/п со вставными

Псалии с плоским щитком

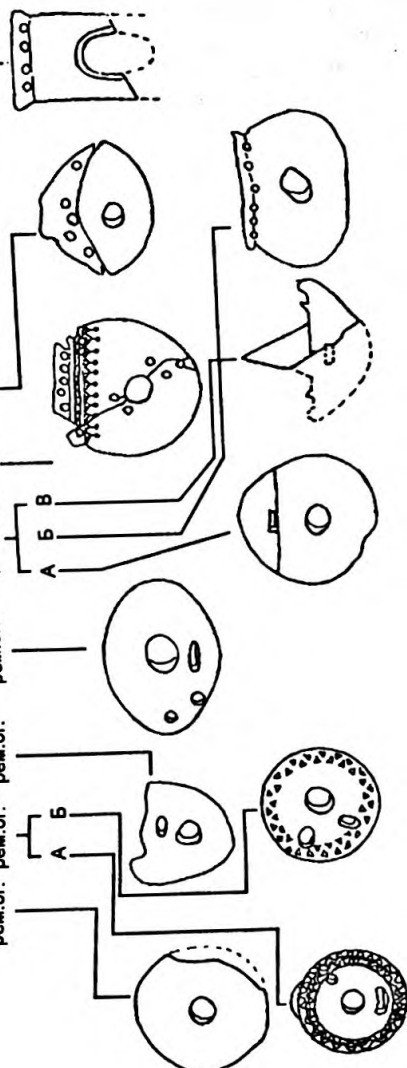
С монолитными щитами

Без выделенной планки

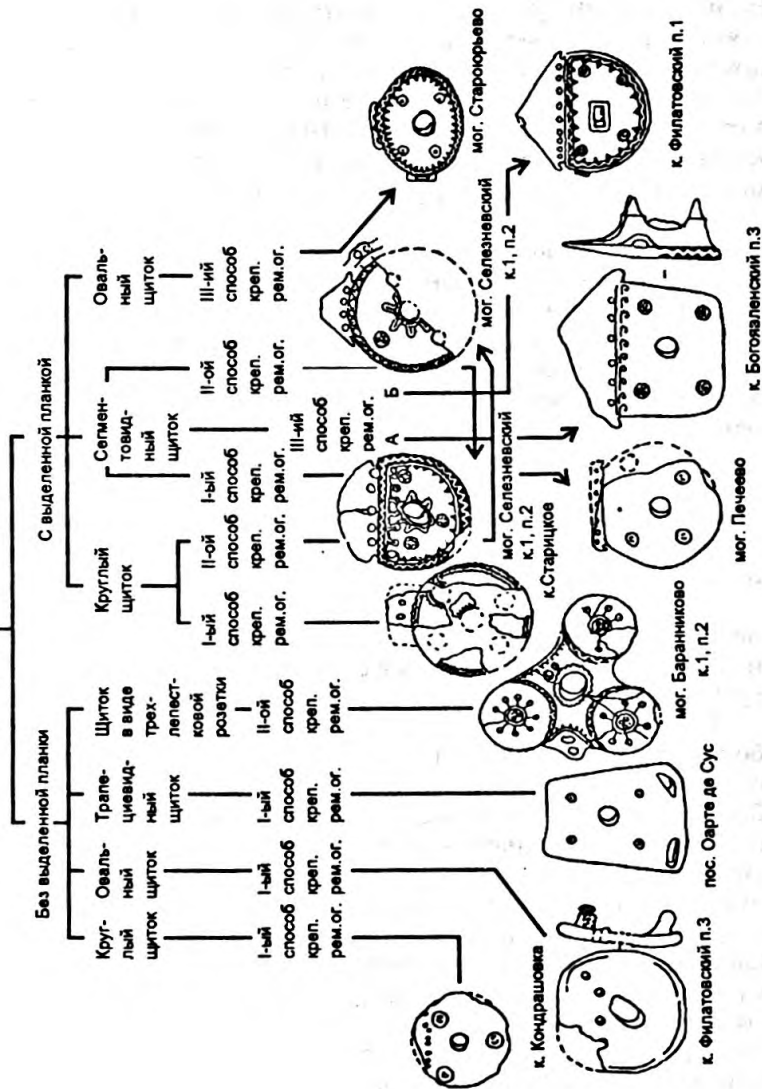
- Круг-
лый
щиток
 - Сегмен-
товый
щиток
 - 1-ый
способ
креп.
рем.ог.
 - II-ой
способ
креп.
рем.ог.
 - Оваль-
ный
щиток
 - 1-ый
способ
креп.
рем.ог.

С выделенной планкой

- Сегмен-
товый
щиток
 - 1-ый
способ
креп.
рем.ог.
 - II-ой
способ
креп.
рем.ог.
- Оваль-
ный
щиток
 - 1-ый
способ
креп.
рем.ог.
- Прямо-
уголь-
ный
щиток
 - 1-ый
способ
креп.
рем.ог.

Псаллии с плоским щитком
Со вставными шипами

шипами часто украшается центральное отверстие и головка шипов. Правда, встречается орнаментация щитка псаля и в другой плоскости относительно центрального отверстия предмета, рядом с отверстием для ремней оголовья (Богоявленский кург.; Пряхин, Беседин 1992). Только на одном предмете из Филатовского мог. украшена и тыльная сторона изделия. Весь орнамент выполнен в карпато-микенском и восточно-европейском стилях.

Таким образом, дисковидные псалии с шипами являются первичными относительно бесшипных предметов. По-видимому, впервые они появляются на территории Восточной Европы (экз. с пос. Каланбаш, абашевская культура; Кузьмина 1980). Это тип IA₁ по описанной выше классификации — псалии с монолитными шипами, круглым щитком и I-ым способом крепления рем. ог. Но следует отметить, что подобный же тип встречается и на территории Карпато-Балканского культурного региона уже с характерным местным орнаментом, где, видимо, этот тип псалиев также является первичным, однако, археологических данных по относительной хронологии д/п из данного региона, пока недостаточно.

Значительные изменения в форме д/п происходит в типе IB: появляется планка для наносного ремня, наиболее распространенной формой щитка становится сегмент. Орнамент также присутствует только на предметах из Карпато-Балканского региона.

Псалии со вставными шипами, по-видимому, появляются в более позднее время, и первичным здесь, вероятно, можно считать тип IIA₁, который схож с типом IA₁. Интересной особенностью является отсутствие орнаментации даже на предметах с территории Карпато-Балканского культурного региона (пос. Оарте де Сус). Исключение составляет пара псалиев из Бараниково. Они украшены в карпато-микенском стиле, но следует отметить, что форма предметов отличается от всех известных — щиток выполнен в форме трехлепестковой розетки. По-видимому, следующей ступенью развития д/п является выделение планки для крепления наносного ремня. Эти псалии распространены также в обоих культурных регионах и относятся к типу IIB. Следует отметить, что на таких д/п уже присутствует карпато-микенский орнамент. Но данный тип псалиев продвигается на восток только до территории Волго-Донского междуречья, хотя 2 псаля этого типа происходят и из Южного Зауралья. Кроме того, в описываемом типе распространен тип III крепления

ремней оголовья (отверстие в боковой плоскости).

Таким образом, псалии с шипами возникают, видимо, на территории Южного Зауралья в Петровско-Синташтинской культуре XVII—XVI вв. до н. э. Затем д/п распространяются по степной полосе до территории Румынии и Греции, где получают характерный орнамент, и, возможно, позже тип ПБ псалиев с карпато-микенским орнаментом проникает на территорию Восточной Европы и присутствует здесь, видимо, как особый парадный тип д/п.

Позже, д/п с шипами переходят в бесшипный алакульский тип псалиев, который получает распространение и в Восточно-Европейском, и в Карпато-Балканском регионах.

Доказательством выдвинутых выше положений может служить археологическая ситуация: наиболее распространенным типом псалиев на территории Карпато-Балканского культурного региона в это время является стержневой тип, поэтому, учитывая небольшое (21 экз.) количество д/п с данной территории можно предположить, что распространение этого типа предметов здесь является результатом влияния Восточно-Европейских культур.

ПАМЯТНИКИ, ГДЕ ОБНАРУЖЕНЫ ДИСКОВИДНЫЕ ПСАЛИИ С ШИПАМИ

1. Поселение Петровка II (Зданович 1986).
2. Поселение Новоникольское I (Зданович 1986).
3. Могильник Берлик (Зданович 1986).
4. Комплекс Синташта (Генинг 1992).
5. Большекараганский могильник (Древности Урало-казахстанских степей 1991).
6. Поселение Баланбаш (Кузьмина 1980).
7. IV Тавлыкаевский могильник (Васюткин 1985).
8. Поселение Кулевчи III (Зданович 1986).
9. Поселение Суруж (Пряхин 1976).
10. VI Утевский могильник (Кузьмина 1980).
11. Могильник Потапово (Васильев 1994).
12. Поселение Отрожское (Кузьмина 1980).
13. Филатовский могильник (Синюк 1995).
14. Софьинский курган (Пряхин 1988).
15. Курган Введежи (материал не опубликован).
16. Власовский могильник (Синюк 1995).
17. Могильник Староюрьево (Пряхин 1971).

18. Селезневский могильник (материал не опубликован).
19. Кондрашкинский курган (Пряхин 1992).
20. Могильник Пичаево (Моисеев 1995).
21. Могильник Большая Дмитриевка (Матюхин 1994).
22. Курган Старицкое (Дремов 1991).
23. Могильник Бородаевка (Памятники Срубной культуры 1993).
24. Могильник Краснополье (Малов 1983).
25. Могильник Красноселка (Пряхин 1992).
26. Могильник Березовка (материал не опубликован).
27. Поселение Ильичевка (материал не опубликован).
28. Богоявленский курган (Пряхин 1992).
29. Курган Кондрашовка (Латынин 1965).
30. Могильник Баранниково (материал не опубликован).
31. Поселение Богуслав (материал не опубликован).
32. Трахтемирово (Oancea 1976).
33. Поселение Каменка (Рыбалова 1966).
34. Поселение Кырломанешти (Oancea 1976).
35. Поселение Сарата-Монтеору (Oancea 1976).
36. Поселение Ульмени (Oancea 1976).
37. Поселение Кындешти (Oancea 1976).
38. Поселение Оарте де Сус (Vogoffka 1994).
39. Микены (Oancea 1976).

ВАСИЛЬЕВ, И.Б., П.Ф.КУЗНЕЦОВ, А.П.СЕМЕНОВА. 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

ВАСЮТКИН, С.М., Н.С.ГОРБУНОВ, А.Х.ПШЕНИЧНИЮК. 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья: 67–38. Уфа.

ГЕНИНГ, В.Ф., Г.Б.ЗДАНОВИЧ, В.В.ГЕНИНГ. 1992. Синташта. I. Челябинск. 1991. Древности Урало-Казахстанских степей. Челябинск.

ДРЕМОВ, И.И. 1991. Погребение из кургана у с. Старицкое // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 203: 101–105.

ЗДАНОВИЧ, Г.Б. 1986. Щитковые псалии из Среднего Пришмья // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 135: 60–65.

КУЗЬМИНА, Е.Е. 1980. Еще раз о дисковидных псалиях Евразийских степей // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 161: 8–21.

1994. Откуда пришли индоарии? Москва.

ЛАТЫНИН, Б.А. 1965. Архаические круглые псалии с шипами // Материалы и исследования по археологии СССР 130: 201–204.

МАЛОВ, Н.М. 1983. Конструктивные особенности псалия из Краснополя // Советская археология 4: 204–209.

МАТЮХИН, А.Д. 1944. Из истории исследования Большедмитриевского курганного могильника // Материалы научно-практ. конф. по проблемам сохранения археологического наследия: 33–93. Саратов.

- МОИСЕЕВ, Н.Б., К.Ю.ЕФИМОВ. 1995. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.): 71–81. Самара.
- ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ. ВОЛГО-УРАЛЬСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ. 1993. Свод археологических источников VI–10. Саратов.
- ПРЯХИН, А.Д. 1976. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- ПРЯХИН, А.Д., Ю.П.МАТВЕЕВ. 1988. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж
- ПРЯХИН, А.Д., В.Н.БЕСЕДИН. 1992. Щитковые (дисковидные) псалии со вставными шипами с территории Восточной Европы // *Sbornik Praci Filosoficke fakulty. Vrnenske University* 37: 51–60.
- РЫБАЛОВА, В.Д. 1966. Костяной псалий с поселения Каменка близ Керчи // *Советская археология* 4: 178–181.
- СИНЮК, А.Т., И.А.КОЗМИРЧУК. 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.): 37–72. Самара.*
- СМИРНОВ, К.Ф. 1961. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // *Советская археология* 1: 46–72.
- BOROFFKA, N.G.O. 1994. Die Wietenberg-Kultur. // *Ein Beitrag zur Erforschung der Bronzezeit in Südosteuropa. Bonn.*
- MOZSOLICS, A. 1953. Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin de Carpathes // *Acta Archaeologica Hungaricae* 3: 69–111.
- OANCEA, A. 1976. Branches de mors au corps en forme de disaue // *Thraco-Dacica* 1: 59–75.

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ VI–V ВВ. ДО Н. Э.

Начало монетного дела Пантикапея, согласно общепринятому мнению, относится ко 2-ой пол. VI в. до н. э. (Зограф 1951:164; Шелов 1949:15; Schwabacher 1968:16; Анохин 1986:136). Принадлежность монет (*Л.с.*: изображение львиной головы в фас; *О.с.*: вдавленный квадрат) данному полису с самого начала не вызывала никакого сомнения.

Типология пантикапейской чеканки разработана на сегодняшний день достаточно хорошо, начиная с работ А. Л. Бертье-Делагарда (1913), А. Н. Зографа (1951), Д. Б. Шелова (1956) и кончая книгой В. А. Анохина (1986). Несмотря на многочисленные недостатки последней (Фролова 1988:122–143; 1992:197–234), эта работа является наиболее полной и подробной по интересующему нас периоду (VI–V вв. до н. э.).

В данной статье мы пытаемся дать несколько иную, чем у В. А. Анохина, относительную хронологию пантикапейских выпусков. Для удобства будем обозначать пантикапейские серии как Па–1, 2, ..., “аполлонийские” — Ап–1, 2, ... и рядом — обозначения Анохина: П–1, 2, ... и А–1, 2, ... соответственно. Представленная ниже схема практически полностью соответствует схеме (к сожалению, слишком общей) Д. Б. Шелова (1956).

В качестве основного источника использованы монеты VI–V вв. до н. э. из коллекции Гос. Эрмитажа (196 экз.), а также описания и фотографии монет из публикаций по данному вопросу.

Па–1 (П–1; П–2); *Л.с.*: голова льва в фас на все монетное поле, изображение львиной морды очень грубое, резкими штрихами. *О.с.*: — следы от прутьев штемпеля (рис.1:1). Тетробол. В. А. Анохин вполне справедливо помещает этот экземпляр на первое место в ряду пантикапейской чеканки. В эту же серию можно, вероятно, включить и триобол — *Л.с.*: львиная голова в

фас, изображение нечеткое и весьма схематичное. *О.с.:* след чекана, приобретающего форму вдавленного квадрата (рис.1:2). Этот экземпляр имеет столь же архаический облик, однако, у Анохина он составляет уже следующую (П-2) серию, с чем трудно согласиться. Во-первых, Анохин считает, что выпуск каждой новой серии происходит в среднем через 10 лет. Однако, при сравнении указанных типов, характера их реверса, можно предположить, что разрыв во времени между ними весьма невелик. Во-вторых, мало вероятно, что в течение столь значительного для человеческой жизни периода (10 лет!) население Пантикапея и его соседей обходилось всего одним, причем самым крупным после драхмы, номиналом (Фролова 1988:124).

Изображения на аверсе первых серий по характеру их проработки и выполнению довольно разнообразны, поэтому порядок выпусков мы можем определить только по характеру реверса — по его трансформации в декоративный элемент.

Па-2 (П-5). *Л.с.:* голова льва в фас. Выполнено в традиции предыдущей серии, но с более тщательной прорисовкой носа и глаз. *О.с.:* вдавленный квадрат, в свою очередь разделенный на четыре квадрата (рис.1:3-6). Эта серия включает четыре номинала: драхма, триобол, гемиобол, впервые появляется самый младший номинал — тетартеморий с муравьем на аверсе. Изображение предельно просто — 3 овальных фрагмента друг над другом, лапки практически не видны. Необходимо отметить, что монеты с изображением муравья порой считали эмиссией Мирмекия (Шелов 1949; 1956:29), но сейчас уже нет сомнения, что это чеканка Пантикапея (Зограф 1951:166; Анохин 1986:136-138; Виноградов 1992:99; Фролова 1988:205).

Па-3 (П-3; П-4). *Л.с.:* голова льва в фас. *О.с.:* вдавленный квадрат, приобретающий более сложный рисунок напоминающий крылья мельницы (рис.1:7-10). Драхма, триобол, гемиобол, тетартеморий. В этом выпуске изображение львиной морды более реалистично, на триболе например, весьма четко выделена грива. Но фигурка муравья, из-за чрезмерной детализации, утратила всякое сходство с этим насекомым. У В. А. Анохина эта серия предшествует нашей Па-2. Однако, более детальная и тщательная проработка львиной головы на аверсе, и, главное, смена простого квадрата на более сложный чекан “крылья мельницы” на реверсе, который, в свою очередь, в следующей серии Па-4 приобретает форму квадрата с таблетками, дает основания утверждать, что именно такое соотношение выпусков демонстри-

рует развитие монетного типа.

Па-4 (П-6). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетками (триобол), на остальных номиналах — квадрат с четырьмя выпуклыми точками (рис.1:11-13). Триобол, гемиобол, тетартеморий.

Па-5 (П-7). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетками (диобол), на гемиоболе — четыре выпуклые точки (рис.1:14). Именно с этой серии изображение львиной головы приобретает канонический облик (как бы склоненной, смотрящей вниз), просуществовавший вплоть до IV в. до н. э., когда полностью меняется характер аверса.

Необходимо отметить, что в этих сериях (Па-4, Па-5) имеются экземпляры с двумя точками, причем в количественном отношении они превосходят монеты с четырьмя точками (таблетками) в несколько раз, типологически полностью им соответствуя. Вероятно, вслед за В. А. Анохиным нужно признать их “аполлонийской” союзной чеканкой (1986:12-13,136-137).

Па-6/1 (П-8). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетками, на двух — четырехлучевые звезды в шахматном порядке (рис.1:15-17). Триобол, диобол, гемиобол, тетартеморий. Здесь мы впервые сталкиваемся с таким добавочным элементом как звезда, просуществовавшим до руб. V-IV вв. до н. э. Впоследствии он надолго исчезает с боспорских монет.

Па-6/2 (А-3). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с восьмилучевой звездой в бусинной квадратной рамке (рис.1:18-20). Триобол, гемиобол, тетартеморий. На младших номиналах рамка отсутствует.

Эти 2 типа (Па-6/1 и Па-6/2) сведены в одну серию по следующим причинам. Во-первых, наблюдается явное сходство в трактовке изображения львиной головы на диоболе Па-6/1 и триоболе Па-6/2, (рис.1:16,18), она более округлая, чем на других экземплярах данной серии, причем полоска кожи, как бы окаймляющая львиную морду, придает ей сходства больше со шкурой, чем с живым зверем. Во-вторых, именно со следующего выпуска (Па-7) на монетах появляется восьмиконечная звезда — как отличительный признак пантикапейской городской чеканки при сохранении характера реверса как на типе Па-6/1. Что является основанием для такого предположения? А. Н. Зограф в своей работе отметил, что добавочный символ нередко может развиться в самостоятельный монетный тип и обратно — утратив подобное значение, сохраниться лишь в качестве марки монет-

ного двора или эмблемы магистрата (1951:58), скорее всего, мы имеем дело именно с таким случаем. Кроме того, необходимо учесть наличие монет с надписью АПОЛ, по версии Ю. Г. Виноградова — эмиссии военной симмахии и религиозной амфикистии боспорских городов (Толстикова 1984:47, прим. 95). Принимая во внимание характер изображения головы льва на л.с. монет с надписью АПОЛ, занимающий промежуточное положение между типами Па-6/1 и Па-7, можно предположить, что выпуск данной “аполлонийской” серии синхронен выпуску Па-6/1. Возможно, столь кардинальная смена типов объясняется необходимостью найти наиболее оптимальный вариант для разделения “аполлонийской” и собственно пантикапейской эмиссий.

В. А. Анохин приписывает Па-6/2 храму Аполлона (1986:12—13,137), культ которого вместе с сюжетом львиной головы заимствован из Милета, метрополии Пантикапея (Шелов 1951:48). Но звезда, благодаря которой В. А. Анохин, вероятно, и считает тип Па-6 храмовой эмиссией, никогда не фигурировала в качестве атрибута данного божества. Кроме того, весьма непонятной выглядит ситуация, когда данный дифферент (восьмиконечная звезда) свободно перемещается по выпускам, преследующим разные цели и требовавшим строгого различия.

Па-7 (П-9). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетами, на таблетах в шахматном порядке буквы ПА и восьмилучевые звезды. Буквы развернуты друг к другу на 180° (рис.1:21—24). Драхма, диобол. На гемиоболе и тетартемории — четырехлучевые звезды, скорее всего, это обусловлено невозможностью вырезать полное количество лучей из-за малых размеров данных номиналов.

Буквы, как на этой, так и на последующих сериях, в большинстве случаев следует читать против часовой стрелки с правого нижнего квадрата.

Па-8 (П1-10). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетами, на таблетах буквы ПАН и восьмилучевая звезда (рис.1:25—27). Диобол, гемиобол, тетартеморий.

Па-9 (П-11). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный квадрат с четырьмя таблетами, в центре восьмилучевая звезда, на трех таблетах по букве П-А-N, на четвертой — две буквы П1 (рис.1:28—30). Диобол, гемиобол, тетартеморий.

Па-10 (П-12). *Л.с.*: голова льва в фас. *О.с.*: вдавленный

квадрат с восьмилучевой звездой, вокруг надпись ПАНТИ (рис.1:31–33). Диобол, гемиобол, тетартеморий.

Па–11 (П–13). Л.с.: голова льва в фас. О.с.: вдавленный квадрат с головой барана вправо, сверху надпись ПАНТИ (рис.1:34–36). Голова барана имеет несколько квадратную форму. Диобол, гемиобол, тетартеморий.

На тетартемории надпись сокращена до трех букв – ПАН.

Последней серией, завершающей эмиссию V века до н. э., вероятно, следует считать монеты с головой льва в фас на Л.С. и головой барана влево, внизу шестилучевая звезда, сверху надпись ПАНТИ – Па–12 (А–8) (рис.1:37–39). Тетробол, диобол, гемиобол. На гемиоболе, как и на тетартемории предыдущей серии, сокращенная надпись – ПАН.

В. А. Анохин и этот последний выпуск относит к храмовой эмиссии, одновременной пантикапейской серии – л.с.: голова льва в фас; о.с.: голова барана влево, внизу осетр, сверху надпись ПАНТИ (рис.1:40–42). Но, принимая во внимание характер изображения головы барана и способ размещения надписи (на монетах со звездой надпись помещена еще в традициях предшествующих серий, т. е. в строчку, в то время как на экземплярах с осетром она закругляется, что характерно уже для монетного дела IV в. до н. э.), можно предположить, что время изготовления Па–12 раньше, нежели монет с изображением осетра.

Что заставляет причислить вышеуказанную серию к пантикапейской городской эмиссии? Главным образом, наличие звезды, хотя Анохин использует ее как доказательство аполлонийской чеканки (1986:14). Но, скорее всего, сокращение количества лучей (шесть против восьми) говорит о потере этим дифферентом своего значения – “марки” монетного двора Пантикапея, т. к. “аполлонийская” чеканка в посл. четв. V в. до н. э., вероятно, уже прекратилась, в связи с распадом боспорского союза.

Таким образом, основная схема относительной хронологии выглядит в нашем понимании следующим образом:

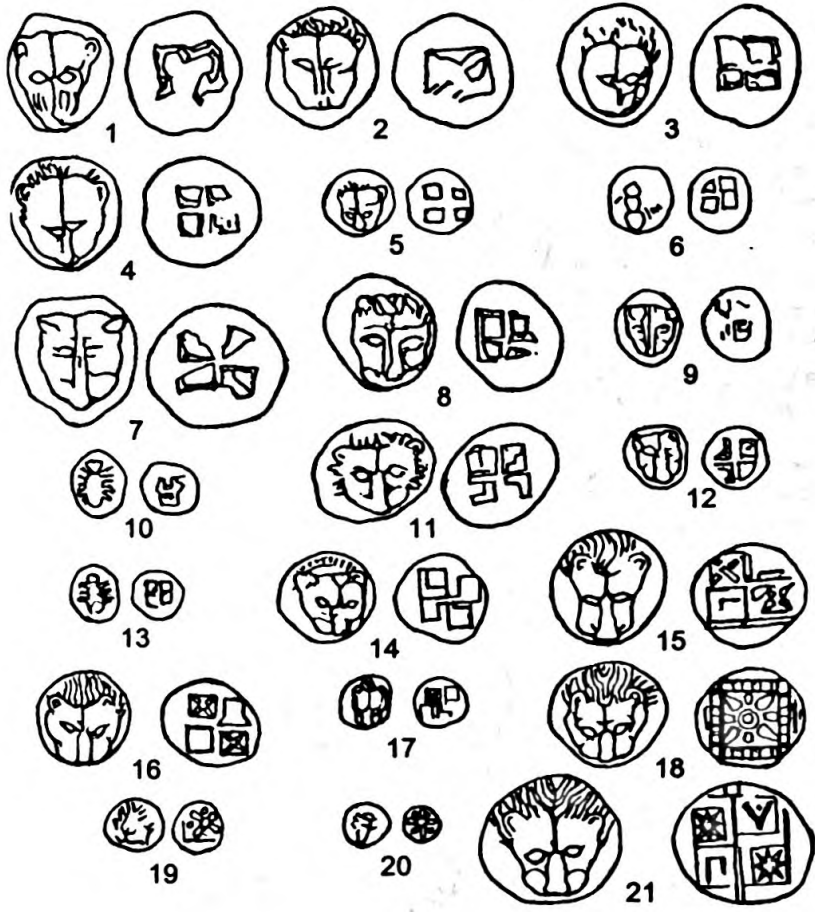
Автор	Па–1	Па–3	Па–3	Па–4	Па–5	Па–6/1	Па–6/1
Анохин	П–1; П–2	П–5	П–3 П–4	П–6	П–7	П–8	А–3
Автор	Па–7	Па–8	Па–9	Па–10	Па–11	Па–12	
Анохин	П–9	П–1–	П–11	П–12	П–13	А–8	

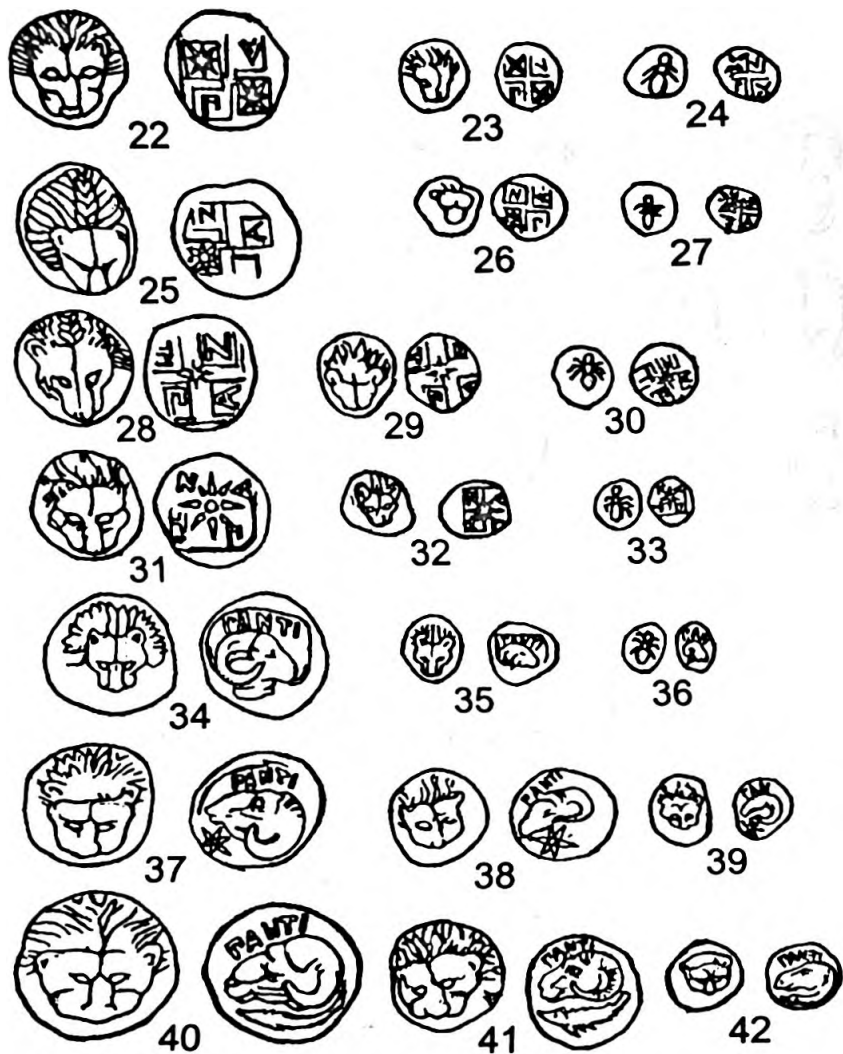
Как представляется, именно в таком порядке должно идти развитие пантикапейского монетного типа с посл. тр. VI по кон. V в. до н. э.

- АНОХИН, В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.
- БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД, А.Л. 1913. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // Нумизматический сборник 2: 1-88. Санкт-Петербург.
- ВИНОГРАДОВ, Ю.А. 1992. О полисах на Боспоре // Материалы конф. "Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура": 21-22. Севастополь.
- ЗОГРАФ, А.Н. 1951. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР 16. Москва. Ленинград.
- ТОЛСТИКОВ, В.П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства // Вестник древней истории 3: 24-49.
- ФРОЛОВА, Н.А. 1988. Проблемы монетной чеканки Боспора VI-II вв. до н. э. (по поводу выхода книги В. А. Анохина "Монетное дело Боспора." Киев, 1986) // Вестник древней истории 2: 122-143.
1992. Монетное дело Боспора VI в. до н. э. — середина IV в. до н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора: 187-247. Москва.
- ШЕЛОВ, Д.Б. 1949. К вопросу о монетах боспорских городов Аполлонии и Мирмекия // Вестник древней истории 1: 143-153.
1951. К вопросу об изображении львиной головы на ранних боспорских монетах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР XXXIX: 45-52.
1956. Монетное дело Боспора VI-II вв. до н. э. Москва.
- GIEL, Chr. 1868. Kleine beitrage zur Antiken numismatik sudrusslands Moskau. Herbeck.
- SCHWABACHER, W. 1968. Porträitkunst auf Griechischen Münzen vor Alexander dem Grossen // Archäologischer Anzeiger 83, 4. Berlin. S. 795-796.

Таблица 1.

1. Тетробол – по (Анохин 1986: таб.1,1).
2. Триобол – по (Анохин 1986: таб.1,2).
3. Драхма – по (Анохин 1986: таб.1,7).
4. Триобол – по (Анохин, 1986: таб.1,8).
5. Гемиобол – ГЭ, №26360.
6. Тетартеморий – ГЭ, №26371.
7. Драхма – по (Анохин 1986: таб.1,3).
8. Триобол – ГЭ, №26368.
9. Гемиобол – ГЭ, №26362.
10. Тетартеморий – по (Анохин 1986: таб.1,6).
11. Триобол – ГЭ, №26373.
12. Гемиобол – ГЭ, №26385.
13. Тетартеморий – ГЭ, №26396.
14. Диобол – ГЭ, №26404.
15. Триобол – ГЭ, №26441.
16. Диобол – по (Анохин 1986: таб.1,20).
17. Гемиобол – по (Анохин 1986: таб.1,21).
18. Триобол – ГЭ, №26420.
19. Гемиобол – ГЭ, №26421.
20. Тетартеморий – ГЭ, №26423.
21. Драхма – ГЭ, №26429.
22. Диобол – по (Анохин 1986: таб.1,30).
23. Гемиобол – ГЭ, №26489.
24. Тетартеморий – ГЭ, №26492.
25. Диобол – по (Анохин 1986: таб.1,36).
26. Гемиобол – ГЭ, №26485.
27. Тетартеморий – ГЭ, №26523.
28. Диобол – по (Анохин 1986: таб.1,39).
29. Гемиобол – по (Анохин, 1986: таб.1,40).
30. Тетартеморий – по (Анохин 1986: таб.1,41).
31. Диобол – ГЭ, №26518.
32. Гемиобол – по (Анохин 1986: таб.1,46).
33. Тетартеморий – по (Guel Chr. 1886: Taf.III,12)
34. Диобол – по (Анохин, 1986: таб.1,54).
35. Гемиобол – по (Анохин 1986: таб.1,55).
36. Тетартеморий – ГЭ, №26496.
37. Тетробол – по (Анохин 1986: таб.1,70).
38. Диобол – ГЭ, №26544.
39. Гемиобол – по (Анохин 1986: таб.1,72).
40. Драхма – ГЭ, №26540.
41. Диобол – по (Анохин 1986: таб.1,68).
42. Гемиобол – ГЭ, №26535.

Продолжение таблицы 1.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ САКСКИХ ПЛЕМЕН

Накопление материала по ранним кочевникам Евразийских степей способствовало повышению интереса к социальной структуре их общества. Анализ материала позволил создать схемы социальной стратификации, развития погребального обряда для скифского, тагарского, алтайского регионов ранних кочевников. Выработаны общие и локальные критерии социальной стратификации. Значительный интерес для этой темы представляют сакские памятники Южного Казахстана и горных районов Средней Азии, характеризующиеся концентрацией "царских" курганов, а также существованием мощных кочевых объединений, известных из письменных источников.

Однако, после выхода работы К. А. Акишева (Акишев, Кушаев 1963), исследовавшего мог. Бешатыр и предложившего схему социальной стратификации сакской знати, социологические вопросы затрагиваются лишь в отдельных работах и посвящены, главным образом, интерпретации конкретных курганов либо могильников.

Данная ситуация объясняется, несмотря на значительный объем работ, проведенных в последние десятилетия, недостаточной освещенностью исследованных памятников в литературе. Публикуются наиболее характерные курганы и могильники, часто отрывочно и неполностью. Кроме того, ограбленность большинства курганов делает особо актуальными такие критерии, как трудовые затраты на сооружение насыпи и погребального сооружения, а также качественные отличия погребального обряда.

В этом отношении интересны погребения мог. Туура-Суу и Ачик-Таш. Они включают 2 типа погребальных сооружений — в каменных ящиках с пристройками и в грунтовых ямах, при этом курганы с ящиками крупнее курганов с ямами (Мокрынин,

Гаврюшенко 1975).

Пять погребений с ящиками мог. Туура-Суу имеют средние размеры насыпи $18,7 \times 1,8$ м, пять погребений в ямах — $9,5 \times 0,6$ м. Два кургана с ящиками мог. Ачик-Таш — $21 \times 1,8$ м. Средние объемы насыпей, соответственно, 250 м^3 , 21 м^3 и 310 м^3 , т. е. трудовые затраты на сооружение только насыпей курганов с ящиками, превосходят ямные в 12–15 раз. Из 3 курганов на р. Бже наиболее крупный содержал погребение в каменном ящике (насыпь $24 \times 2,5$ м, 570 м^3 ; Акишев, Акишев 1978).

В кург. 15 мог. Бесшатыр (18×2 м, 260 м^3) обнаружено “подобие каменного ящика” (Акишев, Кушаев 1963). Такие соответствия прослеживаются и среди могильников тасмолинской культуры. Из 31 опубликованного кургана раннего этапа этой культуры 3 содержат захоронения в каменных ящиках, 2 из них имеют данные по размерам насыпи: $20 \times 1,4$ м, 228 м^3 (мог. на р. Карасай, кург. 1) и овальная $11-15 \times 1$ м, 67 м^3 (мог. Ботакара, кург. 1; Кадырбаев 1966).

Размеры большинства тасмолинских курганов — $6-13 \times 0,3-0,8$ м ($5-50 \text{ м}^3$, 24 шт.), 6 курганов — $16-20 \times 1,2-1,6$ м, в т. ч. с каменным ящиком и 1 — рассмотренный овальный. Об особом погребальном обряде в последнем захоронении свидетельствует прокаленность стен ящика и находка в нем обожженного черепа.

Для 2-ого периода культуры каменные ящики не упомянуты.

Проблемы каменных ящиков специально не исследованы. Широко распространенные в эпоху бронзы и переходный к раннему железному веку период, в ряде регионов они сосуществуют с иными погребальными обрядами на протяжении всего скифского периода (Алтай, Тува). На территории сакской общности каменные ящики распространены неравномерно. К. И. Ташбаева, обобщившая данные по погребальному обряду саков Тянь-Шаня, пришла к выводу о сосуществовании их с ямными погребениями VII–V вв. до н. э. и преимущественном сосредоточении в Алтайской долине (1987:11). А. Н. Бернштам рассматривал такие памятники как пережиток эпохи бронзы, а К. А. Акишев отмечает, что они характерны для сакского периода Семиречья (1963:89). Большинство опубликованных погребений переходного, а также сакского и усуньского периодов в каменных ящиках не превосходят своими размерами стандартные погребения и расположены под небольшими насыпями (Измайловка, Аламышик, Каргалы I и др.).

На протяжении своего существования погребальный обряд

сакских племен не претерпевал качественных изменений. Курганы датируются, главным образом, на основании инвентаря. Выделяются 2 основных периода — VII—VI и V—III вв. до н. э. Ранний период отмечен небольшим количеством памятников и малой величиной курганов. С V в. количество памятников увеличивается, появляется огромное количество погребений знати (Акишев 1994), что свидетельствует о развитии социальных отношений.

Рассмотренные памятники тяготеют к раннему периоду, либо рубежу двух периодов. Раннесакским временем датируются тасмолинские курганы с ящиками, кург. на р. Биже; к VI—V вв. отнесены мог. Туура-Суу и Ачик-Таш. Бесшатырский кург. ограблен. Единственное погребение, содержащее датирующий материал, относится к V в. до н. э.

В то же время, конструктивные особенности больших Бесшатырских кург. (сооружения на горизонте, примитивность конструкции, генетическая связь с комплексами позднебронзового века, отсутствие аналогов в курганах V—III вв.) позволяют предположить более раннее сооружение основной части могильника.

Таким образом, можно предположить существование на раннем этапе у ряда сакских племен традиций сооружения каменных ящиков для знати.

АКИШЕВ, К.А. 1994. Феномен элитарных курганов Северного Тянь-Шаня // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (материалы заседаний "круглого стола" 22–24 декабря 1994 г. Санкт-Петербург): 8–11. Санкт-Петербург.

АКИШЕВ, К.А., А.К.АКИШЕВ. 1976. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана: 38–63. Алма-Ата.

АКИШЕВ, К.А., Г.А.КУШАЕВ. 1963. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата.

КАДЫРБАЕВ, М.К. 1966. Памятники Тасмолинской культуры // Маргулан, А.Х., К.А.Акишев, М.К.Кадырбаев, А.М.Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана: 303–443. Алма-Ата.

МОКРЫНИН, В.П., П.П.ГАВРЮШЕНКО. 1975. Курганы сакского времени долины реки Тон // Археологические памятники Прииссыккулья: 52–82. Фрунзе.

ТАШБАЕВА, К.И. 1987. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (вопросы хронологии и локальных вариантов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ленинград.

ПОДВЕСНЫЕ СОСУДЫ В ПАМЯТНИКАХ ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ

Подвесные сосуды, иначе говоря, сосуды с ушками для подвешивания — одна из ярких особенностей таштыкского керамического комплекса. Такие сосуды происходят из склепов, связанных с ними поминальных сооружений и так называемых “камешковских выкладок”, пока спорных по характеру, хотя и имеющих много оснований считаться поминами (Вадецкая 1986:146). В грунтовых могилах — другом типе погребальных памятников, представляющих начальный этап таштыкской культуры, подвесные сосуды не встречаются. Подобно значительной части керамики из склепов, подвесные сосуды появляются на Енисее внезапно и не имеют продолжения в керамической традиции культуры енисейских кыргызов. Аналогии или прототипы не известны, так что вопрос о происхождении сосудов с ушками пока остается открытым; как и большинство других таштыкских сосудов, они различны по фактуре поверхности. То есть для подвесных сосудов характерны те же особенности, что и для таштыкской керамики в целом, так что они являются ее полноправными представителями.

Л. Р. Кызласов разделил подвесные сосуды на два типа по форме ушек: сосуды типа I имеют цилиндрические ушки с вертикальными отверстиями, у сосудов типа II ушки уплощенные, с отверстиями, расположенными горизонтально. У тех и других на последнем (IV) этапе появляется носик-слив (1960:50,52). Затрагивая вопросы территориального распределения разных типов керамики, Л. Р. Кызласов писал об отсутствии сосудов типа I на правом берегу Енисея, а сосуды типа II, напротив, считал характерными только для правобережных склепов (1960:66).

Теперь после раскопок многих новых памятников, стало ясно, что оба типа сосудов встречаются на обоих берегах Енисея;

само же разделение подвесных сосудов на 2 основные группы сохраняется. Для удобства обозначим их как ПВ (с вертикальными отверстиями в ушках) и ПГ (с горизонтальными отверстиями).

После раскопок на Тепсее особое внимание сосудам ПВ уделил М. П. Грязнов, включив их в число 3 основных типов сосудов, специфичных для тепсейского этапа таштыкской культуры; двумя другими он назвал бочонковидные и “сосуды со сливом и валиковым орнаментом”, отметив, что между тремя типами “наблюдаются различные переходные формы” (1971:36).

На сегодня известно 42 сосуда с ушками, включая фрагменты (30 — ПВ, 12 — ПГ); большая часть из них опубликована.

Среди сосудов ПВ можно выделить две основные группы по характерным для большинства сосудов формам. К первой относятся сосуды оригинальной формы без горла; орнамент часто расположен в средней части тулова на уровне ушек, а не в верхней, как у остальных типов (рис.1:1,2). Вторая группа представлена сосудами с высоким сужающимся горлом, иногда подчеркнутым пояском орнамента; некоторые по форме напоминают бомбовидные сосуды (рис.1:3). Однако пока эти группы просто являются формальными элементами классификации, так как никаких особенностей в их распространении по памятникам не наблюдается. Важно другое — не все сосуды ПВ вписываются в эти основные группы, в частности по форме: существует ряд единичных сосудов с ушками, одни из которых являются, по сути, бочонкообразными, другие — простыми банками с округлыми боками, к которым прилеплены “чужие” ушки; третьи выделяются слишком широкой придонной частью (рис.1:4–7). Отличие между этими сосудами и ПВ основных форм подчеркивается и качеством изготовления: ПВ основных форм ровные, имеют гладкую, горизонтально залощенную поверхность; остальные ПВ асимметричны, у них шершавая, иногда вертикально заглаженная поверхность, стенки более толстые. Создается впечатление, что эти “остальные” сосуды пытаются выдать за “настоящие” ПВ, хотя манера их исполнения совсем иная. Вероятно, мы сталкиваемся здесь со случаем подражания специфическим, мастерски выполненным сосудам. Так как эти случаи не единичны, то вполне может быть поставлен вопрос о явлении подражания или имитации в таштыкской керамической тради-

* Благодарю М. П. Завитухину, Э. Б. Вадецкую, Е. Д. Паульса за предоставленную мне возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

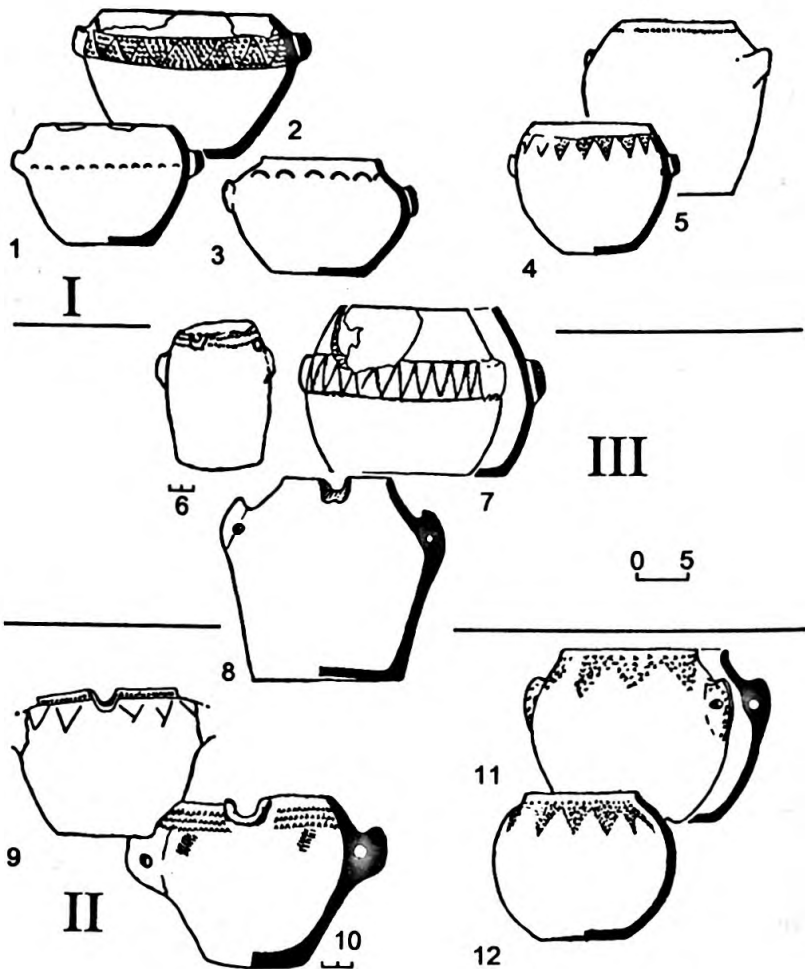

Рис. 1. Подвесные сосуды таштыкской культуры.

I. ПВ: 1-3 и их имитации: 4, 5 - Тепсей III (по М. П. Грязнову);
 II. ПГ: 9 - Ташеба (раскопки Е. Д. Паульса, 1990 г.); 10 - Степановка II (по Д. Г. Савинову); 11 - Тепсей IV; 12 - шаровидный - Тепсей III (по М. П. Грязнову).

ции. Причины этого явления могут быть разнообразны, и нет пока оснований для предпочтения какой-то одной, хотя факт наличия сосудов-образцов и сосудов-подражаний подчеркивает неоднородность таштыкской керамики и делает необходимым, по возможности, подробное описание сосудов в публикациях.

Что касается широкодонных сосудов, то они отличаются от всех ПВ еще и вертикально вытянутой формой ушек и наличием носика-слива (рис.1:6,7), а также значительной толщиной стенок и тяжеловесностью. Отметим, что по тем же признакам выделяется из массы таштыкских сосудов и ПГ из Уйбата (рис.1:8). По общему облику эти сосуды напоминают часть среднеазиатской керамики (в первую очередь, из-за широкого дна), среди которой, по-видимому, им и следует искать аналогии.

Из 30 сосудов ПВ 23 происходят с правобережья Енисея. Характерно, что здесь они встречены только в поминальных комплексах на р. Тубе (Тепсей III, IV, Суханиха), в других же районах правого берега их нет. Но в этих других районах нет и раскопанных поминов, в склепах же на правом берегу ПВ не известны. То есть, на правобережье Енисея эта форма сосудов была связана только с поминальными сооружениями. Кстати, ПВ были не единственной "поминальной" формой: таковой можно считать и сосуды с выступами на венчике (изначально связанные, по-видимому, с кокзельской керамической традицией). Как и ПВ, они не встречены ни в одном из склепов правого берега, но присутствуют во многих поминальных комплексах (Тепсей III, Суханиха, Туба). Еще одной особенностью поминальных приношений было то, что в них не ставили сосуды на поддоне, широко представленные в склепах. Таким образом,

- * Неизвестно, был ли слив у тепсейского сосуда — у него выломан край венчика как раз в месте возможного расположения слива. По свидетельству М. П. Грязнова, этот сосуд был поврежден и затем починен (замазан глиной) еще в древности (1979:138).
- ** На Тепсее 3 крупных ПВ отнесены к детским мог. 37, 39 (Грязнов 1979: рис. 72: 14, 18, 33; в таблице сос. 18 ошибочно отнесен к мог. 40, о чем позволяют судить Отчет и полевые чертежи за 1968 г.). Эти 2 могилки располагались под каменной выкладкой, относящейся к кыргызской мог. 28; здесь же была могила подгорновского времени и таштыкские помины 60, 61. Все памятники расположены довольно тесно, точных границ ямок из-за песчаного грунта проследить не удалось. Помины и детские могилки находились примерно на одной глубине, хотя сосуд из мог. 39 был на 10 см ниже уровня скелета. В поминах 60, 61 найдены аналогичные ПВ. В целом для детских могил Тепсея характерны маленькие баночные и тюльпановидные сосудики. Все это позволяет говорить о принадлежности ПВ из мог. 37, 39 к поминам, не прослеженным в ходе раскопок (Грязнов 1979:134, 152; архив ИИМК, д.72, 1968, л.28—29; д.72Д, л.21, 23).

для поминальных памятников выделялся особый набор керамики, отличный от погребального.

На левом берегу Енисея ПВ и сосуды с выступами на венчике встречаются и в склепах (Уйбатский, Изыхский, Ташебинский чаатасы). Не исключено, что комплексы некоторых склепов включали “поминальные” формы керамики, тогда как в других они выделялись для поминальных действий вне склепа, причем материалы позволяют говорить о локальном характере этого отличия — разнице в обычаях правого и левого берегов Енисея.

Серия подвесных сосудов с горизонтальными отверстиями в ушках (12 экз.). Л. Р. Кызласов отнес все известные ему ПГ (в 1960 г. их было 5) к одному типу (1960: 53). Сегодня, после привлечения новых материалов, ясно, что ПГ разделяются на 2 группы. В 1-ую обособляются 5 ПГ с орнаментом из треугольных фестонов, заполненных наколами. Это тонкостенные сосуды с округлым туловом без горла, имеющие гладкую горизонтально ложеную поверхность (рис.1:11). Интересно, что по всем этим признакам они совершенно аналогичны шаровидным сосудам, представляющим, по сути, те же ПГ, только без ушек и слива (рис.1:12). При создании типологии их даже можно было бы отнести к одному типу. Все ПГ этой группы (ПГ-1) имеют сходные размеры и производят впечатление как бы изготовленных одним мастером. Особенно это проявляется в манере орнаментации: оконтуривающие линии фестонов едва видны, внутри фестона наколы расположены хаотически; верхний ряд наколов состоит из двух частей, соответствующих половинкам сосуда (на каждой из них наколы направлены в противоположные стороны). Эта манера орнаментации характерна только для сосудов рассматриваемой формы, т. е. ПГ-1 и шаровидных. Известны и другие варианты той же орнаментальной схемы, но они встречаются на сосудах иных форм.

2-ая группа ПГ (ПГ-2) представлена 3 сосудами с орнаментами из рядов наколов “отступающей лопаткой” и сходными формами тулова (рис.1:9,10). Они имеют мало общего с сосудами ПГ-1, в т. ч. и по качеству изготовления, и не похожи на шаровидные.

Картографирование памятников, в которых встречены ПГ

- * В типологии Л. Р. Кызласова шаровидные сосуды не выделены в отдельный тип, на его таблицах представлен только 1 сосуд сходного облика. Не упоминал о сосудах подобной формы и С. В. Киселев. На всей территории таштыкской культуры сейчас известно около 15 таких сосудов, 8 из них украшены треугольными фестонами с наколами.

показывает, что ПГ-1 (как и шаровидные с тем же орнаментом) концентрируются только в районе р. Тубы на правом берегу Енисея; ПГ-2 (как и шаровидные с другими орнаментами), напротив, разнесены на большое расстояние друг от друга. Таким образом, на значительной части территории распространения таштыкской культуры 2 разных типа сосудов (ПГ-2 и шаровидные) существовали независимо друг от друга, не пересекаясь типологически. Однако, на небольшом участке правобережья они как бы объединяются, становясь полностью идентичными, отличаясь только тем, что у одних есть ушки, а у других нет. По видимому, ПГ-1, будучи обособленными, являлись каким-то ответвлением от ПГ-2 или от шаровидных. Мы снова сталкиваемся с отличием керамики центрального района правобережья Енисея от сосудов других территорий, что подтверждается и другими материалами. Скорее всего здесь, в районе р. Тубы, намечается еще один локальный вариант таштыкской культуры, к которому относятся Тепсей III, IV, Суханиха, Туба, Усть-Тесь, Дальняя Чея и пос. Крестик.

Итак, не считая имитаций, выделяются по 2 группы сосудов ПГ и ПВ, а также 3 широкодонных подвесных сосуда. Последние очень специфичны, сильно отличаются от других таштыкских, производят впечатление “чужих” даже в разнообразной таштыкской традиции и не отнесены ни к одной из выделенных групп).

Предложенная классификация подвесных сосудов позволяет наметить некоторые пути их распространения в Минусинской котловине. Особенно интересны в этом отношении широкодонные сосуды. С одной стороны, они имеют особое, отличное от других, происхождение, с другой, представляют как бы точку соприкосновения ПГ и ПВ, так как среди них есть и те, и другие. Допустив, что ПГ и ПВ отражают разные традиции, кажется возможным предложить следующий сюжет, пока, правда, не претендующий на завершенность и полную доказуемость.

Уйбатский широкодонный сосуд (рис.1:8) представляет исходный вариант сосудов ПГ-2, то есть он (как и аналогичные ему, но пока неизвестные нам сосуды) дал начало этому виду подвесных сосудов. Об этом свидетельствует максимальная концентрация широкодонных сосудов именно на Уйбате II, и ни на одном из них нет (еще нет?) таштыкского орнамента. В то же время редкие широкодонные сосуды с типичным таштыкским орнаментом найдены в поминах Тепсея: по форме они уже почти не отличаются от обычных бочонкообразных таштыкских сосу-

дов (Грязнов 1979: рис.77:6,8). На Уйбате II найден и сосудик с резным арочным орнаментом, известным в керамике грунтовых могил (ГЭ, колл. 1664/16; Вадецкая 1992:241), что может свидетельствовать о ранней дате комплекса. Следовательно, ПГ-2 развивались в направлении от уйбатского широкодонного, а не наоборот. Тогда с местом его происхождения можно связывать и появление ПГ-2.

Широкодонные ПВ (рис.1:6,7) представляют другой, тупиковый вариант развития, ведущий начало от уйбатского сосуда: в них столкнулись две традиции — ПВ и ПГ. Эти сосуды сделаны в соответствии с основными приемами, характерными для исходной модели (широкое дно, толстые стенки, тяжеловесность, носик-слив), изменено самое специфическое — форма ушек с принципиально иначе расположенными отверстиями. Однако, по-новому сделанные ушки оказались необычно “длинными”, вытянутыми вниз. То есть, в этих сосудах отразились, с одной стороны, традиционные черты, а с другой — попытки сделать ушки так, как это было принято у таштыкских ПВ; по инерции они сохраняли размеры, обычные для плоских ушек ПГ. На тепсейском сосуде (рис.1:7) попытка использовать какой-то местный прием выразилась еще и в размещении орнамента на уровне ушек (рис.1:1).

В итоге складывается впечатление, что широкодонные ПВ появились в результате того, что широкодонные ПГ (типа уйбатского) попали в новую для них среду, знакомую с ПВ и воспроизвелись с учетом местных обычаев. Иными словами, из двух традиций одна уже была известна, а другая появилась позднее. На мой взгляд известными, то есть несколько более ранними, были подвесные сосуды с вертикальными отверстиями в ушках. Во-первых, ни в одном из склепов Уйбатского чаатаса нет ПГ, но имеется несколько ПВ (Киселев 1949:234—239; Кызласов 1960:II), тогда как в тепсейском комплексе известны и те, и другие (Грязнов 1979: рис.78;83). Во-вторых, судя по описаниям и известным материалам Уйбата I, керамика этого памятника, в большей степени, чем других, близка традиции таштыкских грунтовых могил. Об этом говорит, в частности, обилие сосудов, украшенных резными арками, котловидных и бомбовидных с орнаментами, характерными для керамики предшествующего времени, на что указывал и автор раскопок (Киселев 1949:238,239). Здесь же на кубковидном сосуде встречен орнамент в виде пояска со свисающей спиралью, аналогичный узору

на котловидном сосудике из мог. Барсучиха II (Баркова 1975: рис.4:3). Таким образом, относительно ранняя дата уйбатских склепов и наличие в них одного типа сосудов (ПВ) при отсутствии другого (ПГ) позволяют предполагать, что 1-й тип появился на Енисее раньше 2-го. Если сказанное хотя бы отчасти верно, то намечается выход на решение вопроса о хронологическом соотношении таштыкских склепов по керамическим материалам, но это уже тема отдельного исследования.

- БАРКОВА, Л.Л. 1975. Таштыкский могильник Барсучиха II // Первобытная археология Сибири: 165–173. Ленинград.
- ВАДЕЦКАЯ, Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Ленинград.
1992. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время: 236–246. Москва.
- ГРЯЗНОВ, М.П. 1971. Миниатюры таштыкской культуры (Из работ Красноярской экспедиции 1968 г.) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 13: 34–106.
1979. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее: 89–146. Новосибирск.
- КИСЕЛЕВ, С.В. 1949. Древняя история южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР 9. Москва. Ленинград.
- КЫЗЛАСОВ, Л.Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.

САСАНИДСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ГНЕЗДОВА

Исторические связи Древней Руси с Востоком давно привлекают внимание археологов и историков. Эти контакты фиксируются многочисленными находками арабских дирхемов, каменных и стеклянных бус, раковин каури и др. в кладах, могильниках и поселениях. Среди уникальных для памятников IX–X вв. произведений восточного искусства следует назвать сасанидскую печать, найденную на Гнездовском поселении.

Раскопки участка селища на правом берегу р. Свинец при ее впадении в Днепр, были начаты в 1967–68 гг. (Ляпушкин 1968: 43–44; 1969:66–67) и продолжены в 1970 г. Печать найдена в 1970 г. в заполнении канавки, тянувшейся от бер. р. Свинец к 3. Канавка находилась на Ю окраине производственного комплекса. Длина раскопанной части канавки ок. 16 м, шир. 0,5–1,1 м, глуб. 0,5 м; заполнение — серый гумусированный песок. Здесь найдены фрагменты керамики и костей, камни, куски шлаков и обломки тиглей, половинка пуговицы, фрагмент биконического пряслица из розового шифера, 2 стеклянные (синяя и зеленая) бусины и железный предмет. Вещи, найденные в канавке, не составляли единого комплекса и могли попасть в нее в разное время.

Найденная печать (ГЭ, ОАВЕиС №3115) сделана из коричневого халцедона. По форме она относится к так называемым “ложным перстням” и имеет просверленную дырочку для подвешивания (диам. 4 мм). Форма щитка — эллипсоидная (16x15 мм); выс. печати — 20 мм. На щитке печати изображены 2 обращенные друг к другу птицы, с загнутыми короткими клювами, округлой грудью и короткими широкими хвостами. Птицы сидят на рогах быка, изображенного в профиль — влево. Техника резьбы — инталия и штриховая резьба; рисунок — четкий. Вся печать

* Благодарю В. А. Булкина (СПбГУ) и Р. С. Минасяна (Гос. Эрмитаж) за предоставление неопубликованных материалов и помощь при написании статьи.

отполирована. Она хорошо сохранилась и не имеет видимых следов повреждений или ремонта.

Рассматриваемая печать принадлежит к многочисленной группе гемм, происходящих из Ирана эпохи Сасанидов. Аналогии ей известны как в самом Иране (Хуннар ва Мардум 1970:9), так и

Рис. 1. Сасанидская гемма из Гнездовского селища.

на сопредельных с ним территориях: в Туркмении, Узбекистане, Афганистане, Грузии и др. (Ершов 1959:23,23а; Лордкипанидзе 1954; Пугаченкова 1957:64—67). Больше всего такого рода гемм происходит из Ирана. Массовость этого материала сравнима только с монетами (Борисов, Луконин 1963:6,12). На геммах вырезали портреты как правило официальных лиц, а также изображали зверей, птиц, знаки и др. Легенды на резных камнях содержали, главным образом, имена владельцев, к тому же часто с их титулами и обозначением должностей.

Большинство резных камней были вставлены в перстневые оправы. Цельнокаменные геммы (какой является гнездовская) имеют специально созданные для печатей формы и рассчитаны на ношение их на цепочке или шнуре (Максимова 1950:239).

Резные камни служили преимущественно печатями. Значение их как украшений было второстепенным. Печать была необходимой принадлежностью каждого человека, обладавшего известным достатком, она служила своего рода гарантией неприкосновенности личного имущества. Наряду с этим, печати широко применяли и для скрепления письменных документов как частных, так и официальных (Максимова 1950:238). Печати также имели сакральные функции — их использовали как амулеты, обереги от зла, о чем говорят находки сразу нескольких гемм в одном захоронении (Ершов 1959:178; Максимова 1950:239).

В произведении XI в. “Ноуруз-наме” (“Книга о Новом годе”), приписываемой обычно знаменитому астроному и поэту О. Хайяму, описывается значимость обладанием печати (в данном

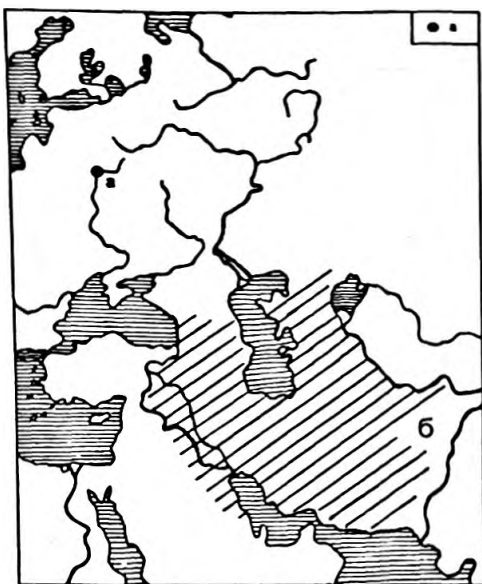

Рис. 2. Восточная Европа, Ближний Восток и Средняя Азия: а) место находки сасанидской геммы; б) ареал распространения сасанидских гемм.

случае — перстня с печатью): “Перстень — украшение очень хорошее и на пальце подобающее. Вельможи говорят: “Не человек тот, у кого нет перстня”. Перстень с печатью был признаком мужественности полной, и мудрости великой и был надежным амулетом. ...Письмо вельможи без печати — от слабости разума и нечистых помыслов...”. “Письмо без печати, как голова без кулаха (шапки)... Если письмо не запечатано, то читает его кто хочет...”. “Все украшения, которые есть у людей, иногда нужно носить, иногда — не нужно, и лишь перстень с печатью подобает носить всегда”

(Кхаууат 1933:26—29, перевод В. Г. Луконина.).

Печати были принадлежностью не только представителей местной знати, но также вошли в обиход достаточно широких слоев населения. Рассматриваемая печать как раз относится к такому роду гемм. Если на официальных печатях вельмож и жрецов часто вырезали их портрет со всеми регалиями, соответствующими их сану, то на “рядовых” печатях изображали зверей и птиц, представлявших пережитки старых верований, отражения сказок о создании мира и живых существ (Тревер 1933:5). Почти все мотивы, имеющиеся на резных камнях сасанидского Ирана, можно представить как иллюстрации к “Авесте”. Так истолковываются сюжеты сасанидских печатей в работе, посвященной символике сасанидской глиптики (Ackermann 1938:784,815). Почти все изображения, встречающиеся на сасанидских геммах, связаны, по мнению Ф. Аккерман, с разного рода религиозными представлениями и астральными культами.

Существовало множество символических значений для каждого образа. Так, напр., изображение быка-зебу, вырезанного на гнездовой печати, могло символизировать первозданного быка, Вретрагну — бога победы (второе перевоплощение этого божества), звезду Тиштрия (Сириус, ее символ “златорогий бык”), одного из трех “ашаванов”-праведников (Бертельс 1924:6–8; 1960:37–40). Изображения птиц, цветов и др. посвящались многим богам зороастрийского пантеона, и, особенно, “амеша спента” — “великим бессмертным” (Борисов, Луконин 1963:35). Птиц, изображенных на гнездовой печати, можно сравнить с авестийскими Амру и Чамру, которые напоминают Сирина и Алконоста древнерусских сказаний (Бертельс 1960:33), а также Хугина и Мунина древнескандинавской мифологии (Младшая Эдда 1994:59,166).

До недавнего времени существовала проблема датировки резных камней, так как большая часть сасанидских гемм — это случайные находки, известные по различным музейным коллекциям, и только малая их часть происходит из археологически датированных слоев. Эта проблема была решена В. Г. Лукониным, который использовал для датировки гемм, имеющих надписи и изображения портретов, иконографические особенности портретов, палеографический анализ надписей и сходные признаки на рельефах, монетах, тореvтике (Борисов, Луконин 1963:12–22). Гораздо сложнее обстоит дело с резными камнями, с изображениями только зверей, птиц и др. Здесь большую роль играют параллели из других памятников иранского искусства. Характер и стиль изображений на геммах развивается по тем же законам, что и характер и стиль изображений в тореvтике, на монетах и рельефах (Вайнберг, Кругликова 1984:177–182). В тореvтике, например, были определены разные школы, мастера и локальные особенности, а также время их существования (Orbeli 1938:716–770). В целом, сасанидские геммы датируются III–VII вв. Косвенным датирующим признаком могут быть формы печатей. Так называемые “ложные перстни” не встречались в раннесасанидский период и появились лишь с V в. Довольно долго считали, что геммы, имеющие штриховую технику резьбы, существовали в парфянскую эпоху. Однако, В. Г. Луконин вполне убедительно показал, что геммы вырезанные в штриховой манере, независимо от сюжетов изображенных на них, относятся к VI — нач. VII вв. (Борисов, Луконин 1963:23–29).

Рассматриваемая печать датируется VI — нач. VII вв. в соответствии с аналогиями, штриховой манерой резьбы, а также по форме (Bivar 1961:104, №119886; Борисов, Луконин 1963:596–598, №601; Лордкипанидзе 1954:90–91).

Картирование сасанидских гемм данного типа показывает существование определенной области их производства, которой был Сасанидский Иран. Геммы этого типа были дешевой работы, вырезались на дешевых камнях, выходили из мастерских в массовом количестве и расходились на большой территории.

Решая вопрос вероятного проникновения печати в Гнездово, нельзя исключать возможности попадания ее непосредственно в VI–VII вв. Е. А. Шмидт, изучая выходы культурных отложений в месте, где возник Гнездовский комплекс памятников IX — нач. XI вв., пришел к выводу, что это место было заселено уже во 2-ой и 3-ей четв. I тыс. н. э. Здесь обнаружены фрагменты керамики и железный серп этого времени (Шмидт 1974:154–156). Прибрежная часть с остатками поселения была основательно потревожена при насыпании курганов в X в.

Однако, более вероятно попадание печати в Смоленское Поднепровье в период функционирования Гнездовского комплекса IX — нач. XI вв. Хорошо известно, что в курганах и кладках Восточной Европы и Урала имеются восточные вещи VI–VIII вв., попавшие сюда не ранее IX в. (Даркевич 1976:147). Гнездово не исключение в этом отношении. Возникновение поселения отнесено И. И. Ляпушкиным отнесено к нач. IX в. (1968:43–99).

Топография находок импорта, а также письменные источники, при рассмотрении обширных регионов, могут указать наиболее вероятные пути сообщения. Сасанидские геммы вместе с другим иранским импортом распространялись вдоль южного побережья Каспийского моря на Кавказ. Дорога на Северный Кавказ (где также известны находки сасанидских печатей) вела через “Аланские ворота” (Дарьяльское ущелье), что зафиксировано находками (Бусятская 1979:83–84,87; Хенниг 1961:180). Активно функционировал и путь вдоль западных берегов “Хазарского” (Каспийского) моря (Заходер 1962:24). Не позднее IX в. был освоен путь из Черного в Азовское море и вверх по Дону, что фиксировано серией кладов арабского серебра (Булкин, Мачинский 1986:15–21). Прямое указание на существование традиционного пути по Дону в IX в. есть у Ибн Хордадбега

* Благодарю А. Б. Никитина (Гос. Эрмитаж) за помощь при определении типа печати и ее датировки.

(Заходер 1967:84,85). С Верхнего Подонья путь шел к Верхнему Поднепровью, в Гнездово, Верхней Волге, а далее к центрам Северной Руси — Новгороду и Ладоге. Путь Кавказ—Ладога документирован находкой скарабея в Ладоги (Давидан 1988:112—116).

Несмотря на уникальность находки сасанидской геммы для Восточной Европы, для Гнездова она не выглядит изолированным фактором и лишь дополняет известную картину культурных связей этого центра.

БЕРТЕЛЬС, Е.Э. 1924. Отрывки из Авесты // Восток IV: 1—11.

1960. История персидско-таджикской литературы. Москва.

БОРИСОВ, А.Я., В.Г.ЛУКОНИН. 1963. Сасанидские геммы. Ленинград.

БУЛКИН, В.А., Д.А.МАЧИНСКИЙ. 1986. Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне: 13—37. Сыктывкар.

БУСЯТСКАЯ, Н.Н. 1972. Художественное стекло стран Ближнего Востока на территории Восточной Европы (X—XIV вв.) // Вестник Московского Гос. университета. История, 2: 83—90.

ВАЙНБЕРГ, Б.И., И.Т.КРУГЛИКОВА. 1984. Монетные находки из раскопок Дильберджина // Древняя Бактрия 3. Москва.

ДАВИДАН, О.И. 1988. Скарабей Старой Ладоги // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 29: 112—116.

ДАРКЕВИЧ, В.П. 1976. Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. Москва.

ЕРШОВ, С.А. 1959. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР V: 160—204. Ашхабад.

ЗАХОДЕР, Б.Н. 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. I. Москва.

1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. II. Москва.

ЛЕОНТЬЕВ, А.Е., 1986. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 183: 3—9.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ, М.Н. 1954. Геммы Государственного музея Грузии. Каталог гемм, найденных в Самтавро в 1940—41 и 1946—48 гг. I. Тбилиси.

ЛЯПУШКИН, И.И. 1968. Новое в изучении Гнездова // Археологические открытия 1967 года: 43—44. Москва.

1969. Исследование Гнездовского поселения // Археологические открытия 1968 года: 66—67. Москва.

МАКСИМОВА, М.И. 1950. Геммы из некрополя Мцхеты-Самтавро (Раскопки 1938—1939 гг.) // Вестник Гос. музея Грузии 16В: 221—274. Тбилиси.

МЛАДШАЯ ЭДДА. 1994. Москва.

ОРБЕЛИ, И.А., К.В.ТРЕВЕР. 1935. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. XLXII. Ленинград.

ПУГАЧЕНКОВА, Г.А., 1954. Геммы из Мерва // Известия АН Туркм. ССР 3: 65—73. Ашхабад.

ТРЕВЕР, К.В. 1933. Сасанидское серебро и бронза. [Каталог]. Ленинград.

- ХЕННИГ, Р. 1961. Неведомые земли. II. Москва.
- ШМИДТ, Е.А. 1974. К вопросу о древних поселениях в Гнездово // Материалы по изучению Смоленской обл. VIII: 150—164. Смоленск.
- ACKERMANN, PH. 1938. Sasanian Seals // A Survey of Persian Art I: 784—815. London. New York.
- BIVAR, A.D.H. 1969. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British museum. Stamp Seals II: The Sāsānian Dynasty. London.
- KHAYYAM, O. 1933. Nowruz Naham. Persian text. Ed. by M.Minovi. Tehran.
- ORBELI J. 1938. Sāsānian and early Islamic Metallwork // A Survey of Persian Art I: 716-770. London. New York.

КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ V–IX ВВ. В ЗАКУБАНЬЕ

Территория левобережья Кубани от Черного моря на западе и до р. Лабы на востоке, ограниченная на юге предгорьями Кавказа, в средние века была местом расселения предков современных адыгов, известных в письменных источниках, как зихи и касоги. Археологические исследования здесь ведутся с конца XIX в., открыто более 20 памятников 2-ой пол. I тыс. н. э., систематизированы отдельные категории находок, сделаны выводы о хронологии, периодизации и этнической принадлежности памятников (Алексеева 1971; Амброс 1989; Дмитриев 1982; Ловпаче 1984).

Настоящая работа посвящена систематизации керамики из мог. Закубанья V–IX вв. К работе привлечены материалы следующих могильников: Борисовский (Саханев 1914), Агойский (Миллер 1909), Абрау-Дюрсо (Дмитриев 1979; 1982), Сопино (Анфимов 1980), Пашковский (Покровский 1936), Ленинохабльский (Тарабанов, 1984), Псекупский (Ловпаче 1985), Тауйхабль, Казазово (Тарабанов 1983; 1983а), Ясеновая поляна (Дитлер 1961), Губские навесы (Аутлев 1961), Колосовка (Дитлер 1985). В этих могильниках обнаружено ок. 360 сос.; большая их часть не реконструирована и не опубликована. Нами учтено 140 сос.

Процентное соотношение погребений с керамикой к общему количеству погребений в могильниках различно. Так, в Абрау-Дюрсо погребения с керамикой составляют 17%, в Борисовском – 6%, Сопино – 34%, в Агойском – 75%, Пашковском – 60%, в Ленинохабльском – 29%, Псекупском – 64%, Тауйхабле – 8%, в Казазовском – 3%, в Губских навесах – 67%, в Колосовском – 20%. Наибольшее количество погребений с керамикой, сосредоточено, в основном, в памятниках центральных районах Закубанья. Женских погребений с сосудами обычно почти в 2 раза больше, чем мужских. Сосуды чаще всего находятся в ногах погребенных; если сосудов несколько, то они могут находиться у

Рис. 1. Типы керамики. Кувшины: 1, 2 — тип 1 (Ясеновая поляна, п.1; Ленинохавль, п.187); 3 — тип 2 (Агой, п.6); 4 — тип 3 (Абрау-Дюрсо, п.408); 5 — тип 4 (Ленинохавль, п.57); 6 — тип 5 (Абрау-Дюрсо, п.500); 7 — тип 6 (Агой, п.13); 8 — тип 7 (Абрау-Дюрсо, п.517). Горшок: 9 — Псекупс, п.13. Кружки (Псекупс): 10 — тип 1 (п.4); 11 — тип 2 (п. 4); 12 — тип 3 (п. 13). Миски: 13 — тип 1 (Абрау-Дюрсо, п.219); 14 — тип 2 (Ясеновая поляна, п. 5).

головы или (реже) у туловища.

В погребениях представлена столовая, кухонная и тарная керамика. Сосуды, которые использовали как урны в захоронениях с кремациями (высокие горшки, амфоры) не учитываются. Работа по классификации керамики велась с использованием методики разработанной Н. Я. Мерпертом, Б. А. Шрамко, С. А. Плетневой и обобщенной В. Б. Ковалевской (1981).

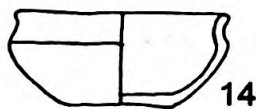
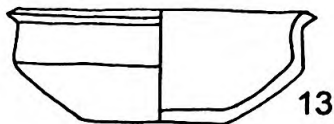
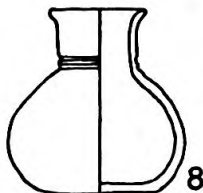
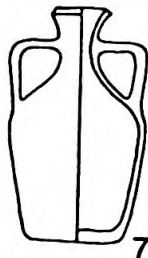
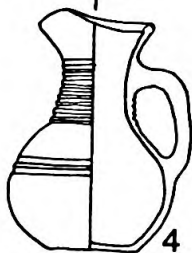
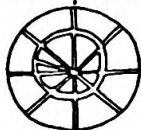
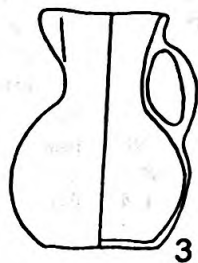
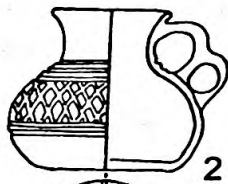
Столовая керамика (87%).

По мнению В. Б. Ковалевской, такое соотношение “ни в коей мере не характеризует особенностей гончарного производства, оно является отражением особенностей погребального обряда, когда кладут не столько заупокойную еду, сколько заупокойное питье” (1981:43). В этой группе представлены кувшины, кружки, миски.

Кувшины.

Тип 1 (29% от общего количества сосудов) — невысокие (средняя выс. 12 см) кувшинчики с одной ручкой, широким приземистым туловом и высоким раструбом-горлом. Форма довольно стандартна, варианты зависят от изменений высоты и диам. горла, диам. тулова, места расположения наиболее широкой части тулова (рис.1:1). Ручки 5 кувшинов — зооморфные (рис.1: 2). Большая часть кувшинов этого типа — серого цвета, однако, встречаются единичные красные и черные экземпляры. Орнаментировано 50% сосудов. Наиболее распространенный мотив орнамента — горизонтальные желобки у основания горла и в наиболее широкой части тулова. На донцах 6 сосудов имеются штампы в виде вписанного в круг креста и прямой сетки. Кувшины 1 типа представлены во всех могильниках, кроме Борисовского.

Тип 2 (11%). Кувшины с одной ручкой (средняя выс. ок. 27 см). Горло широкое, венчик слегка сдавлен, образуя слив. Все сосуды сероглиняные, выполнены на гончарном круге, не орнаментированы (рис.1:3). Обнаружены 15 экз. в причерноморских памятниках V—VI вв.: Сопино, Борисовском, Агойском мог..

15

16

Тип 3 (3%). Кувшины (средняя выс. 24 см) с одной ручкой, широким туловом, высоким расширяющимся горлом, изогнутым венчиком (т. н. "ойнохоевидный" слив). Сосуды гончарные, сероглиняные; орнаментированы горизонтальными желобками в 8—10 рядов по горлу (рис.1:4). У одного сосуда — ручка витая с двумя налепами в верхней части. Все 4 кувшина этого типа происходят из мог. Абрау-Дюрсо.

Тип 4 (3%). Кувшины (средняя выс. 21 см) с одной ручкой, широким приземистым туловом и высоким узким горлом. Высота горла составляет $\frac{2}{5}$ от высоты сосуда. Край венчика вытянут в удлиненный слив. Все сосуды, кроме 2 черных — сероглиняные; орнаментированы горизонтальными желобками по горлу и наиболее широкой части тулова. В некоторых случаях поверхность кувшинов покрыта сплошным вертикальным лощением (рис.1:5). Подобные сосуды входят в круг комплексов салтовомаяцкой культуры и известны по всей территории ее распространения (Плетнева 1967:115). В Закубанье они обнаружены в мог. Ленинохабльском, Псекупском и Губском.

Тип 5 (4%). Высокие (средняя выс. 28 см) стройные кувшины с одной ручкой и высоким цилиндрическим горлом; по венчику — небольшое валикообразное утолщение. Все кувшины гончарные, красного цвета; орнаментированы двумя желобками по горлу (рис.1:6). Обнаружены в Абрау-Дюрсо и Сопино.

Тип 6. Высокие (около 27 см) кувшины с двумя ручками с широким туловом. Горло сравнительно короткое — $\frac{1}{4}$ высоты сосуда. Кувшины сероглиняные и красноглиняные, выполнены на гончарном круге (рис.1:7). Найдено всего 3 таких сосуда в мог. Агойском, Сопино, Казазовском.

Тип 7. Невысокие кувшины (средняя выс. 13 см) без ручек. Высота горла составляет примерно $\frac{1}{3}$ высоты сосуда; тулово округлое, пропорциональное. Все кувшины гончарные, сероглиняные (рис.1:8). Обнаружено 4 таких сосуда — в Абрау-Дюрсо, Сопино, Ясеновой поляне.

Кружки — 2-ая по численности группа сосудов (14%), все они гончарные, сероглиняные. Кружки с черной, красной или коричневой поверхностью встречаются редко. Орнаментированы горизонтальными желобками в один или несколько рядов.

Тип 1. Кружки цилиндрические (выс. 10—11 см; рис.1:10).

Тип 2. Кружки, слегка конической формы с более широким устьем (выс. ок. 9 см; рис.1:1).

Тип 3. Кружки с вогнутыми стенками и биконические (выс.

IXв.													
VIIIв.													
VIIв.													
VIв.													
Vв.													

т2 т5 т6 т3 т7 МИСКИ т1 т4 т1 КРУЖКИ
 ГОРШКИ

Рис. 2. Хронологическое положение типов сосудов V–IX вв. в Закубанье.

13,5 см; рис.1:12).

Кружки всех трех типов обнаружены только в мог. Ленино-хабльском, Псекупском и Казазовском.

Миски (8 экз. — 3%).

Тип 1. Миски с прямыми, почти вертикальными бортами и уплощенным венчиком (диам. ок. 20 см). Бортик высокий, занимает от 1/2 до 2/3 высоты миски (рис.1:13).

Тип 2. Миски с вогнутым бортом и венчиком, сильно отогнутым наружу (диам. ок. 20 см). Бортик составляет 1/4 от высоты сосуда (рис.1:14).

Миски обоих типов гончарные, сероглиняные. Обнаружены в мог. Сопино, Абрау-Дюрсо, Пашковском, Ясеновой поляне.

Кухонная керамика представлена 8 горшками (выс. ок. 10 см, диам. тулова — 9 см), обнаруженных в мог. Сопино, Борисовском, Пашковском, Псекупском, Полосовском. Тулово округлое с отогнутым наружу венчиком (рис.1:9). Горшок почти биконической формы со слегка выделенным сливом найден в Сопино.

Сопоставляя керамику из погребений с другими предметами инвентаря, можно определить время существования отдельных типов сосудов (рис.2). Так, кружки и кувшины 1 типа с зооморфными ручками существуют с нач. V до IX вв., время распространения основной массы кувшинов 1 типа — от руб. V–VI вв. до IX в. Кувшины 2, 3, 5, 6 типов, а также все миски датируются V — кон. VI вв. Кувшины 4 типа характерны для кон. VII — IX вв. Горшки были распространены в V–VIII вв.

Приведенные датировки основаны на анализе находок. Сте-

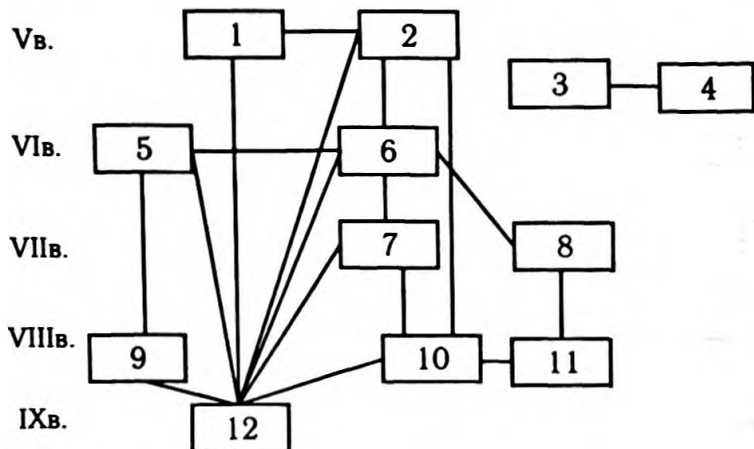

Рис. 3. Граф связей между памятниками: 1 – Абрау-Дюрсо, 2 – Сопино, 3 – Борисовский; 4 – Агойский, 5 – Ясеновая поляна, 6 – Пашковский, 7 – Тауйхабль, 8 – Казазово, 9 – Губские навесы, 10 – Ленинохабль, 11 – Псекупс, 12 – Колосовка.

пень сходства между могильниками Закубанья V–IX вв. определялась по методике Г. А. Федорова-Давыдова (1987:136–141). Наиболее тесные связи прослеживаются между мог. Тауйхабльским, Ясеновой поляной, Губскими навесами VI–VII вв., а также мог. Колосовским IX–X вв.: связующим звеном между ними являются кувшины 1 типа. Для мог. Псекупского, Казазовского и Пашковского характерно присутствие кувшинов 1 типа и горшков. Кувшины 1 типа, горшки и миски связывают мог. Сопино и Пашковский. Агойский и Борисовский мог. выделяет наличие в погребениях кувшинов 2 типа. Судя по керамике, эта пара памятников с другими могильниками Закубанья связана очень слабо.

Кроме связей по распределению типов керамики на памятниках, выявляются группы памятников, близких друг другу территориально. Граф связей (рис.3) показывает наличие 3 групп: 1. Ясеновая поляна, Колосовка, Губские навесы – памятники предгорных территорий Северо-Западного Кавказа; 2. Мог. Пашковский, Тауйхабльский, Ленинохабльский, Казазовский, Псекупский представляют степные районы; 3. Мог. Абрау-Дюрсо, Сопино, Борисовский и Агойский – памятники Причерноморья. Граф связей показывает, что большинство могильников являлись

долговременными. Выделяются лишь Борисовский и Агойский, время существования которых — V—VI вв.

- АЛЕКСЕЕВА, В.П. 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Москва.
- АМБРОЗ, К.В. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. Москва.
- АНФИМОВ, Н.В. 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века: 92—213. Москва.
- ДИТЛЕР, П.А. 1961. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фаре // Сборник материалов по археологии Адыгеи II: 149—160. Майкоп.
1985. Могильник Колосовка №1 // Вопросы археологии Адыгеи: 114—141. Майкоп.
- ДМИТРИЕВ, В.А. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // Советская археология 4: 212—229.
1982. Раннесредневековые фибулы из Дюрсо // Древности эпохи переселения народов: 69—107. Москва.
- КОВАЛЕВСКАЯ, В.Б. 1979. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки // Свод археологических источников E1-2. Москва.
1981. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав 2: 43—52. София.
- ЛОВПАЧЕ, Н.Г. 1984. Погребальный обряд средневековых адыгов и место керамики в сопровождающем инвентаре // Вопросы археологии Адыгеи: 128—156. Майкоп.
1985. Могильники в устье р. Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи: 16—64. Майкоп.
- МИЛЛЕР, А.А. 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия археологической комиссии 33: 71—102.
- ПЛЕТНЕВА, С.А. 1957. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // Материалы и исследования по археологии СССР 142. Москва.
- ПОКРОВСКИЙ, М.В. 1936. Пашковский могильник №1 // Советская археология 1: 159—169.
- САХАНЕВ, В.В. 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. Петроград.
- ТАРАБАНОВ, В.А. 1983. Средневековый могильник у а. Казазово // Историческая этнография II. Ленинград.
- 1983а. Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа: 93—97. Ростов-на-Дону.
1984. Средневековые погребения Ленинохабльского могильника // Вопросы археологии Адыгеи: 165—169.

К ПРЕДИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА НА СЕВЕРЕ РУСИ

Первые достоверно христианские древности на территории древнерусского государства появляются, на наш взгляд, в Ладого во вт. четв. IX в. Речь идет о находке т. н. "фризского кувшина" из кург. 7 в уроч. Плакун в Старой Ладого (Корзухина 1971:59-64; Назаренко 1985:156-169).

По мнению В. И. Равдоникаса, мог. Плакун является первым курганным некрополем в Приладожье, который можно определенно и надежно связать с норманнами. Могильник датирован 850-925 гг. и соотнесен с Рюриком и его дружиной (Дубов, Кирпичников, Лебедев 1986:194). Здесь раскопано 15 погребальных сооружений, среди которых — труположение в камере, 9 кремаций, а в 5 насыпях погребений не обнаружено. Кург. 7 был возведен над женским трупосожжением в ладье. В составе инвентаря были 2 гончарных кувшина, представленные многочисленными фрагментами.

В историко-археологической литературе кувшины получили название "фризских". Подобные кувшины были найдены в разных частях Балтийского региона как в погребениях, так и на поселениях (около 20 пунктов; Херрман 1986:104; рис.2). Сосуды (выс. 24-26 см) изготовлены на гончарном круге из хорошо отмученной глины. Ручка массивная с продольным пазом. Они характеризуются устойчивой формой и оригинальным орнаментом из оловянной фольги. В орнамент входит мальтийский крест. Массивный налипной носик соединен небольшим отверстием с внутренней полостью кувшина и также покрыт оловянной фольгой. Очевидно, он служил для дозирования находящейся внутри жидкости. Такая конструкция не позволяла использовать сосуд в чисто утилитарных целях.

По единодушному мнению ученых, сосуды производили в Дорестаде и бытовали в сер. IX в. ограниченное время (Arbman 1937:101; Jankun 1963:196; Selling 1955:47,58). Удивитель-

ное сходство кувшинов наводит на мысль, что они происходят из одной мастерской. Д. Селлинг убедительно показала, что сосуды очень быстро оказались в погребениях, так как в быту из-за своей конструкции не прижились. Кувшины не имеют следов длительного употребления, и это сводит к минимуму возможность их утилитарного использования.

Изображение креста — символ безусловно христианский, хотя этот элемент использовался и в светской орнаментике. И, все-таки, для рассматриваемой группы сосудов христианская символика орнамента представляется несомненной. В этом отношении любопытен кувшин из погр. 597 в Бирке. Под его носиком тоже изображен крест, в углах которого помещены фигуры из ромба и треугольника, напоминавшие рыб. Рыба же, как известно, являлась одним из христианских символов. Находки сосудов в важнейших религиозных центрах своего времени (Дорестад, Лоршский мон., Бирка) могут свидетельствовать об изготовлении их для нужд церкви и миссионерской деятельности.

Вопрос о назначении сосудов остается спорным. Селлинг полагала, что они применялись как литургические сосуды для совершения мессы, так как “ценные металлические сосуды не посылались в такой сомнительный форпост миссионерской деятельности как Бирка” (1955:59). Исследовательница приводит мнение Листеля, согласно которому сосуды представляют собой кувшины типа *ugseus*, применявшиеся для омовения рук священником во время мессы (1955:55). Янкун и Херрман полагали, что кувшины использовались как тара для литургического вина (Jankun 1963: 195; Херрман 1986:104) и связывали сосуды с миссией Св. Ангария (Jankun 1963:196; Selling 1955: 59), с которой началась христианизация Скандинавии (830–865).

Св. Ангарий был отправлен в Бирку (Средняя Швеция) императором Людовиком Благочестивым вместе с монахом Витмаром после крещения датского конунга Харальда Ворона в Майнце в 826 г. Стараниями миссионеров была построена первая церковь в Бирке, а проповедь христианства была специально разрешена королевским советом. В Бирке был поставлен епископ Гумберт. Ангарий стал архиепископом гамбургским. Однако, вт. пол. IX — перв. пол. X вв. — время языческой реакции. Последние известия об активности христианской Церкви в Бирке относятся к 936 г. и связаны с епископом Унно. Фактически, христианизация Скандинавии завершилась лишь в 90-х гг. XI в. крещением Швеции (Ковалевский 1977:93–98; Лебедев 1985:114).

Для понимания роли и значения фризских кувшинов в жизни общества своего времени важную информацию дает анализ материалов раскопок мог. Бирка 1940—1943. Все погребения, в которых найдены кувшины (№№457, 551, 758, 854, 1158, III-1932), находятся севернее крепости. Именно здесь находится наиболее поздняя часть могильника, здесь обнаружены все безусловно христианские погребения, отсюда происходят крестики с расширяющимися концами. Из погребений с находками кувшинов отметим №№551 и 597 с наиболее выраженными христианскими признаками. В камерном погр. 854 фризский кувшин соседствует с молоточком Тора (Arbman 1943:326,330). Это известного рода синкретизм, характерный для многих новопросвещенных народов, в частности для Швеции (Петрухин 1978).

Погр. №№457, 754, 1158, а также найденное под городским валом погр. III-1932, содержавшие фрагменты фризских кувшинов совершены по обряду трупосожжения. Такая же картина зафиксирована и в Ладого. Однако это не противоречит высказанной оценке сосудов. Подчеркну, что погребальный обряд зависел прежде всего от тех, кто погребал, а не от тех, кого погребали. Христианские миссии IX в. делали на севере лишь первые шаги, и новообращенные продолжали жить в среде своих сродников-язычников, вряд ли составляя сплоченные общины. Потому в последний земной путь их провожали язычники, совершавшие ритуальные действия в соответствии с господствовавшими в обществе представлениями о погребальном обряде.

В свете сказанного существенным представляется рассказ о погребении женщины из Жития Св. Ангария, приведенный Янкуном (Jankun 1963:190): жившая в Бирке христианка Фридебург просила своих родственников влить ей в рот перед смертью несколько глотков вина вместо причастия; вино для этой цели хранилось в специальном сосуде. Не случайно многие фризские кувшины найдены в женских погребениях^{*}: большинство христиан того времени были женщины, более эмоциональные, нежели мужчины, и более восприимчивые к такому нравственному

* В погр. №551 отсутствует курган, правда, могила обозначена камнями. Отмечена ЮЗ ориентировка погребенной, найдены гвозди от гробища (Arbman 1943:173—174). Погр. №597 без кургана, но и без гроба, ориентировка западная. В обеих могилах погребальный инвентарь практически отсутствует.

** На это обратила внимание Г. Ф. Корзухина (1971:63), а в самое недавнее время специально комментировал Г.С. Лебедев (1995: 67—70).

учению как христианство.*

В кург. 7 были найдены бусы из рубчатой серебряной проволоки. В погр. 581 и III-1932 в Бирке найдены такие же бусы, что указывает на возможную синхронность погребений. Совстречаемость рубчатых бус и фризских кувшинов привела Г. Ф. Корзунину к мысли, что сосуд попал в Ладогу, предварительно побывав в Скандинавии. Правда, Ладога имела с Фрисландией и самостоятельные контакты (Давидан 1968:61–68).

С влиянием христианской погребальной традиции можно связать и камерное погребение в кург. 11 того же могильника (Назаренко 1985:162,168). Погребение было совершено в деревянном ящике на дне большой могильной ямы. Погребенный был положен головой на СЗ на деревянном возвышении наподобие небольшой кровати. Камеру закрывал настил из досок, на которых были сложены обломки каменных плит и камни, прикрытые сверху ладьей или ее частью. Насыщенность почвы влагой сохранило дерево, но совершенно уничтожила металлический инвентарь погребения. Дендрохронологический анализ спилов показал, что деревья были срублены между 880–900 гг. (Назаренко 1985:165). Следовательно, само погребение можно датировать посл. четв. IX в. Это первое трупоположение на Северо-Западе Руси в исторический период, что весьма важно при решении вопроса о причинах смены кремации ингумацией. Типологически оно близко к камерным погребениям типа Е (по Г.С. Лебедеву), связанным с высшим слоем раннефеодальной иерархии в Швеции, соприкоснувшийся с “континентально-германскими традициями”, но сохранивший дружинно-торговые атрибуты сожжения в ладье (Лебедев 1985:80–82). Возникновение обряда связывают с влиянием христианизации. Скандинавы заимствовали идею трупоположения, как более репрезентативную. Замечу, что погребение в кург. 11 мог. Плакун — это первое камерное погребение на Руси, которое можно поставить в типологическую взаимосвязь с серией подобных срубно-камерных погребений Среднего Поднепровья, Тимерева, Гнездова, Пскова и Удряя.

* Сказывалось, если не было главным, и то, что жены умирали дома, в то время как мужья часто погибали на чужбине в далеких походах.

** Это первое трупоположение на Северо-Западе Руси в исторический период, что существенно при решении вопроса о причинах смены кремации ингумацией.

- ДАВИДАН, О.И. 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладogi // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 10: 61–68. Санкт-Петербург.
- ДУБОВ, И.В., А.Н.КИРПИЧНИКОВ, Г.С.ЛЕБЕДЕВ. 1986. Русь и варяги // Славяне и скандинавы: 189–297. Москва.
- КОВАЛЕВСКИЙ, С.Д. 1977. Образование классового общества и государства в Швеции. Москва.
- КОРЗУХИНА, Г.Ф. 1971. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 125: 59–64.
- ЛЕБЕДЕВ, Г.С. 1985. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Ленинград.
1995. Сакральная топография Ладogi в “Чуде Георгия о Змие” и женская субкультура раннехристианского Севера // Ладoga и Северная Русь. Материалы чтений, посвященных памяти Анны Мачинской. Старая Ладoga, 21–22 декабря 1995 г.: 65–70. Санкт-Петербург.
- НАЗАРЕНКО, В.А. 1985. Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладoga: 156–169. Ленинград.
- ПЕТРУХИН, В.Я. 1978. О картине мира у скандинавов язычников (по памятным камням V–XI вв.) // Скандинавский сборник 23: 148–165. Таллин.
- ХЕРРМАН, И. 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы: 8–128. Москва.
- ARBMAN, H. 1937. Shweden und das karolingische Reich. Stockholm.
1943. Birka I. Die Graber. Text. Tafeln. Uppsala.
- JANKUN, H. 1963. Harthabu, ein Handelsplatz Wikingerzeit. Neumünster.
- SELLING, D. 1955. Wikingerzeitliche und Frühmittelalterliche Keramik in Sweden. Stockholm.

О РОЛИ СВИНЦОВО-СИЛИКАТНОГО СТЕКЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ СТЕКЛОДЕЛИИ

Стекло — сложный многокомпонентный расплав — в течение минимум 4-ех тысячелетий являлось излюбленным материалом для изготовления посуды и украшений. Существовали и иные сферы применения стекла, но таких случаев немного. Так как в разное время в центрах стеклопроизводства для приготовления стекла использовались отличающиеся технологические приемы и не совпадающее по составу сырье, в рецептуре стекла может быть отражена специфика периода и региона его производства.

Это утверждение, сейчас бесспорное, таковым стало не так уж давно. В 1-ом выпуске “Известий института археологической технологии” М. В. Фармаковский призывал в программной статье “Задачи раздела керамики и стекла” сопоставлять выводы “новейших ученых, занимающихся не историей или выяснением художественного значения античного стекла, но его техникой и химией”. Однако, в другой статье того же издания он отмечал (1922:47,74), что “...стекло переходит, как готовое, угонченное знание постепенно — от народа к народу, из страны в страну, из столетия в столетие, не изменяясь по существу (курсив мой — Я. Ф.). Обескураживающими были и результаты первых, несистематизированных химических анализов стеклянных изделий. “К химикам попадали случайные, в основном античные стекла, основной состав которых мало отличался от современных оконных или бутылочных” (Шапова 1972:12). При этом, многообразие и яркость форм, а также массовость и археологически улавливаемая серийность некоторых категорий изделий из стекла (в первую очередь, бус) создавали, вероятно, соблазн ограничиться простым визуальным осмотром, тем более, что такой подход, безусловно информативный, отличается общедоступностью и дешевизной.

Тем выше заслуга отечественных и зарубежных исследователей, доказавших, что “существует реальная возможность по составу стекла определять характер сырьевых материалов, из которых оно было изготовлено, а вместе с этим — и центр его производства” (Галибин 1985:38), и проследивших динамику развития стеклоделия в разных регионах. Это позволило использовать рецептуру стекла как своеобразный хронологический индикатор.

С технологической точки зрения химический состав стекла логично представлять в виде 3 групп элементов:

- стеклообразующие вещества, дающие в расплаве собственно стекло;
- технологические добавки, способные придать стеклу определенные качества (цвет, прозрачность, матовость и др.);
- примеси, попадающие в стекло помимо воли мастера, как загрязнители элементов первых двух групп.

По сырьевому признаку стекла могут быть зольными, содовыми и бесщелочными (свинцовыми, свинцово-бариевыми). Возможны и комбинации — свинцово-щелочные стекла. В свою очередь, химический состав золы, применяемой в стеклоделии, зависит от того, из какого растения получена зола (например, галофиты, морские и древесные растения имеют золу разного состава). Существует и более сложная зависимость от вегетативного периода, органа растения, его возраста и др. (Цинзерлинг 1922). Такое разнообразие позволяет свести воедино археологическую и технологические (в том числе химическую) типологии применительно к древним изделиям из стекла. Разными путями к такому мнению пришли практически все ведущие специалисты в этой области отечественной археологии — М. А. Безбородов, З. А. Львова, В. А. Галибин, Ю. Л. Шапова и др.

Процесс изготовления стекла — сложная процедура, включающая приготовление шихты, варку стекла, формирование изделия и его декорировку. Стадии эти могут быть разнесены как в пространстве, так и во времени. Письменные источники и археологические материалы говорят о широком распространении в средние века торговли ингредиентами шихты, стеклянными полуфабрикатами — трубочками, слитками и т. д., даже стеклянным боем. Сами стеклянные изделия, естественно, тоже были предметами оживленной торговли. К этому можно добавить передвижения мастеров-стеклоделов — как по собственной инициативе, так и в результате каких-либо поли-

тических катаклизмов, включая насильственное переселение. Наконец, известны случаи отрыва информации о технологических навыках от носителей этих навыков — трактат Теофила, например, носит явно прикладной характер, в том числе и в части, посвященной стеклоделию (Теофил 1963). Все это говорит об определенной интернационализации как изделий из стекла, так и рецептов их изготовления. Как обычно, ситуация усугубляется терминологическим разнобоем, порождающим кажущиеся парадоксы — “сирийское стекло” не обязательно сирийское, с “восточным” стеклом работают мастера Северной Европы, “античный” рецепт существует большую часть средневековья. В связи с этим, актуальной представляется задача определения самого понятия “древнерусское стекло”. Необходимо учитывать, что, если некоторые технологические приемы и химические рецепты стекла носят интернациональный характер, то рецептурные особенности использования технологических добавок, логичнее связывать с конкретными мастерскими, чем с ремесленной традицией крупной социально-политической общности, будь то город, княжество или Древняя Русь в целом.

Сама возможность существования на Руси в домонгольский период собственного стеклоделия долгое время оспаривалась. Н. П. Кондаков, напр., полагал, что “стеклянные изделия доставляли на Русь исключительно из Сирии” (Каргер 1959:403).

Ситуация стала меняться после того, как в 1948 г. Б. А. Рыбаков отметил, что собственное стеклоделие в домонгольской Руси все же существовало, не поднимая вопроса о времени его возникновения (1948:398). После открытий стекольных мастерских сомнения отпали сами собой — но это было лишь после 1950 г. В сущности, открытие производственных комплексов, связанных с изготовлением стекла, эмалей и поливы, были сделаны еще в начале века в Киеве и Старой Рязани, но эти факты не были должным образом оценены. Однако, если производство стеклянных изделий в Древней Руси споров теперь не вызывает, то само понятие “древнерусского стекла” все еще достаточно расплывчато. Можно говорить лишь о древнерусском варианте, или — в случае работы на привозных полуфабрикатах — древнерусском этапе более широкой технологической традиции. Существуют, правда, категории изделий из стекла, про которые можно говорить как о характерных именно для Древней Руси, независимо от того, по какому

рецепту изготовлено стекло (напр., пряслица и яйца-писанки), но случаи находок таких изделий очень редки.

Рецептурное своеобразие значительной части стекол Древней Руси известно с 1950 г., когда М. А. Безбородов опубликовал химический анализ стеклянного браслета из Гродно (1950). С тех пор разными исследователями были сделаны и систематизированы тысячи анализов. Хорошо известно, что особенностью древнерусского стеклоделия являются свинцово-силикатная и калий-свинцово-силикатная рецептуры.

Однако, если о калий-свинцово-силикатной рецептуре можно говорить, как о характерной именно для Древней Руси ("стекло этого класса... составляет... специфику, локальную особенность древнерусского стеклоделия домонгольского времени" — Шапова 1972:28), то о свинцово-силикатной рецептуре так однозначно сказать нельзя. Стекло сваренные по калий-свинцово-силикатному рецепту, помимо Древней Руси, встречаются лишь в одном регионе западнее Урала, имеющем собственную традицию стеклоделия — в Польше, да и то в незначительных количествах. Стекло подобного рецепта отмечено также на Дальнем Востоке среди разных по своему происхождению стекол чжурчженского круга древностей. В то же время свинцово-силикатное стекло известно (хотя и не особенно хорошо) в продолжительном временном интервале (VIII—XIII вв.) на очень протяженной территории (случаи изготовления стекла по такой рецептуре в более раннее время в данной работе не рассматриваются). Сюда входят Дальневосточный регион, Ближний Восток, Северный Кавказ, Подонье, приморские центры Польши и Юго-Западной Скандинавии. Интересно, что Ю. Л. Шапова, неоднократно отмечавшая свойственность свинцово-силикатного стекла стекольному производству Древней Руси вплоть до понимания этой рецептуры как "одной из ветвей древнерусского стеклоделия" (1972:188—189), в более поздней работе, отделяя "стекла древнерусские от стекол, с ними несхожих" (1978:219) не относит свинцово-силикатное стекло ни к одной из этих групп. Отмечаемая связь особенностей стекла указанных рецептур с номенклатурой изделий из них существенна для понимания ди-

* Наиболее полно случаи формальной идентичности древнерусского калий-свинцово-силикатного стекла некоторым чжурчженским образцам раскрыт в работе В. А. Галибина (в печати); за возможность ознакомиться с рукописью которой приношу автору глубокую благодарность.

намики развития отрасли производства (специализация, овладение новыми техническими приемами), но не стеклоделая в целом (Шапова 1972:189).

Возможности свинцово-силикатного стекла, вместе со сравнительной простотой изготовления и независимостью от ограниченных географическими и/или климатическими особенностями источников сырья, делают свинцово-силикатное стекло удобным для первых шагов стеклоделая на новой территории (свинец, как импорт, доступнее, чем сода природная и зола растений определенных видов). Тем интереснее наметившаяся, но не получившая почему-то развития в печати дискуссия о возможной генетической связи свинцово-силикатных стекол Древней Руси с предшествующими рубежу X—XI — нач. XII в. рецептурными аналогами Польского Поморья, Северного Кавказа и Подонья.

В литературе сформулированы следующие точки зрения:

1. Проникновение свинцово-силикатной рецептуры в Древнюю Русь с территории Хазарского Каганата (Северо-Кавказского, Донского или иного его региона). Такое мнение было осторожно высказано В.Б. Ковалевской (1959:53; 1984:158), но оспорено Ю. Л. Шаповой (1972:22).

2. Мнения о западно-европейском происхождении свинцово-силикатного стекла придерживается О. М. Олейников. Он идет даже дальше, высказывая предположение о возможном импорте свинцово-силикатного стекла на Русь из Западной Европы и позднее нач. XI в. (1993:37). Исследователь пишет о появлении свинцово-силикатного стекла в Западной Европе в X — нач. XI в. (Олейников, Олейникова 1994:219), из чего следует некоторое омолаживание начала производства такого стекла на Руси (если оно имело место, возможность чего исследователь не отрицает).

3. В докладе Р. Брилла в 1989 г. на XV Международном конгрессе по стеклу, промелькнуло (правда, без детальной аргументации) мнение о возможном дальневосточном истоке свинцово-силикатного стекла Древней Руси (Brill 1989:22).

4. Ю. Л. Шапова, говоря о появлении стеклоделая на Руси, придерживается мнения о сильнейшей, определяющей роли византийского стеклоделая “на уровне теоретическом. От византийцев заимствована основная технология и общий принцип” (1978:210). Это, видимо, относится и к свинцово-силикатному стеклу (византийскому стеклоделию не свойственному).

5. По мнению М. А. Безбородова, появление на Руси своего стеклоделия надо рассматривать как естественный эволюционный ход развития и распространения технического прогресса, не признающего никаких границ, в русле единого поступательного процесса технической эволюции. Полагая, что свинцово-силикатное стекло на Руси предшествовало калий-свинцово-силикатному, автор предполагал, что “древнерусское эмалевое производство оказалось предшественником стекольного дела”, хотя не исключал и иных вариантов (1956:5,258, 260).

К этому надо добавить мнение польской исследовательницы М. Декувны, считающей, что свинцово-силикатное стекло есть результат развития старого “античного рецепта содового стекла (через промежуточную стадию свинцово-щелочных стекол) и генетическая линия восходит к западно-европейским мастерским позднеримского и раннесредневекового времени (1980:385). Видимо, с этой точкой зрения отчасти солидаризируется О. М. Олейников (1993). На Северный Кавказ и в Подонье свинцово-силикатное стекло, по мнению М. Декувны, попадало с территории Польши или Древней Руси (1980:385). Мнение В. А. Галибина по степени осторожности смыкается с точкой зрения М. А. Безбородова.

Крайнее разнообразие мнений можно объяснить недостаточностью источниковой базы, в первую очередь — неравномерностью исследования древнего стекла разных регионов. Необходимо, однако, отметить, что роль знания о химическом составе стеклянных артефактов для решения практических археологических задач, в первую очередь, связанных с хронологией весьма велика. Непонятны сомнения, высказанные в связи с отнесением свинцово-силикатного стекла к древнерусскому. Несмотря на кажущуюся смысловую близость, термины “древнерусское стекло” и “стекло, характерное для Древней Руси” не тождественны. В самом деле, при всей технологической “неполноценности”, свинцово-силикатное стекло присутствует в материальной культуре Древней Руси от зарождения собственного стеклоделия, весь домонгольский период, не вытесняясь окончательно никаким другим рецептом, в то время как во всех указанных выше регионах, где найдены химико-технологические аналогии и где имеет смысл говорить о собственном стеклоделии VIII—XIII вв., рецептура эта (по самым разным причинам) не прижилась. Характер Дальневосточного стеклоделия, японский и чжурчженьский варианты,

настолько сложны и дистанцированы географически и по номенклатуре изделий, что являются, скорее, исключением, подтверждающим правило; связано ли это с конвергентным развитием технической мысли в схожих природных условиях, живучестью древних ханьских традиций, каким-то образом транслированных через несколько столетий или с иной причиной — сказать пока трудно.

Вопрос о времени и происхождении самого первого свинцово-силикатного древнерусского стекла остается открытым. Один из путей решения его — в количественных анализах смальт Десятинной церкви. Работа, проделанная М. А. Безбородовым, И. Н. Качаловым, В. В. Варгиным, В. И. Конновым, пока не позволяет сделать каких-либо определенных выводов, кроме присутствия смальт нескольких разных рецептов. Желтые глухие фрагменты смальты из раскопок Д. В. Милеева 1914 г., удельный вес которых был определен В. Н. Конновым (Шелковников 1965:23), безусловно содержат свинец в большом количестве, но до проведения количественных анализов нельзя сказать, в какой роли выступает свинец — цвето или стеклообразующей.

Все больше данных при этом свидетельствует, что роль стеклянных бус могла далеко выходить за пределы сугубо эстетической. Работы З. А. Львовой (1977) свидетельствуют о недооценке огромной роли бус в международной торговле серебром и мехами. Локализация части бус в погребениях Дмитриевского мог. — в кольчужных сумочках или кучкой в стороне от погребенного — побудили С. А. Плетневу предположить, что в этом случае бусы могли выступать “как мелкая монета” (1989:192). Похожее мнение М. В. Фехнер (1959) адресовала древнерусской деревне.

В заключение можно сказать, что правильное понимание вопроса о первом древнерусском (свинцово-силикатном) стекле, времени его возникновения и истоках, является моментом исключительной важности. Активное храмовое строительство, начавшееся в кон. X в. требовало массового производства смальты и поливных плиток. Динамика международной торговли, в свою очередь, требовала приемлемого эквивалента для обмена у охотников лесной зоны на пушнину — с учетом роли серебра во взаимоотношениях Востока и Запада. Упомянутая Ибн Фадланом цена (дирхем за бусину) делает проблему насыщения лесной зоны Восточной Европы продуктами стекло-

деля далекой от отстраненного теоретизирования: экономическая выгода производства своего стекла в центрах, приуроченных к речным торговым путям, представляется очевидной. Способность несложного в производстве свинцово-силикатного стекла заполнить означенные ниши минимальными затратами для организаторов производства, будь то центральная власть или частные лица, как представляется, была показана. При этом продукция первых древнерусских стеклоделов должна была выдержать конкуренцию с продукцией традиционных на этот момент центров производства стекла (как по полному производственному циклу, так и из привозных полуфабрикатов) — Византией, Ближним Востоком, Северной и Западной Европой, а, возможно, и Средней Азией.

- БАХТАДЗЕ, Р.А., В.Б.ДЕОПИК. 1963. Химико-технический анализ раннесредневековых бус Северного Кавказа // Средневековые памятники Северной Осетии. Материалы и исследования по археологии СССР 114: 148–151.
- БЕЗБОРОДОВ, М.А. 1950. Русское стекло XII в. // Доклады АН СССР LXXIV: 787–790. Москва.
1956. Стеклоделие Древней Руси. Минск.
- ГАЛИБИН, В.А. 1985. Особенности состава стеклянных бус Иволгинского могильника хунну // Древнее Забайкалье и его культурные связи: 33–37. Новосибирск.
- (в печати). Состав стекла, как археологический источник
- КАРГЕР, М.К. 1959. Древний Киев. 1. Москва. Ленинград.
- КОВАЛЕВСКАЯ (ДЕОПИК), В.Б. 1959. Классификация бус Северного Кавказа IV–V вв. // Советская археология 3: 48–65.
1984. Кавказ и аланы. Москва.
- ЛЬВОВА, З.А. 1977. К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X – начала XI вв. в северные районы Восточной Европы // Археологический сборник Гос. Эрмитажа 18: 106–109.
- ОЛЕЙНИКОВ, О.М. 1993. К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия // Краткие сообщения Института археологии РАН 210: 32–39.
- ОЛЕЙНИКОВ, О.М., Т.И.ОЛЕЙНИКОВА. 1994. К вопросу о происхождении некоторых типов верхневолжских стеклянных бус // Тверской археологический сборник 1: 216–228. Тверь.
- ПЛЕТНЕВА, С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Москва.
- РЫБАКОВ, Б.А. 1948. Ремесло Древней Руси. Москва. Ленинград.
- ТЕОФИЛ. 1963. Записки о разных искусствах // Сообщение Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей 7. Москва.
- ФЕХНЕР, М.В. 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. 2. Труды Гос. Исторического музея 33: 149–224. Москва.
- ФАРМАКОВСКИЙ, М.В. 1922. Задачи разряда стекла и керамики. Римские стекловаренные печи // Известия института археологической технологии РАИМК 1. Петроград.

- ЦИНЗЕРЛИНГ, Е.В. 1922. О золе растений, применявшихся в стеклоделении XI—XVI вв. // Известия института археологической технологии РАИМК 1: 177—190. Петроград.
- ШЕЛКОВНИКОВ, Б.А. 1965. Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмальями // Советская археология 1: 206—224.
- ЩАПОВА, Ю.Л. 1972. Стекло Киевской Руси. Москва.
1978. О древнем стекловарении // Древняя Русь и славяне: 206—212. Москва.
- BRILL, R.Y. 1989. Jhoughts on the glass of Central Asia with analyses of some glasses from Afganistan // International Congress of glass XV 1989: 19—24. Leningrad. Moscow.
- DEKOVNA, M. 1980. Szklo w Europie nezesno-sredniowieczne. Wroclaw. Warszawa. Krakow. Gdansk.

ПЛИНФА СТАРОЙ ЛАДОГИ

Многолетние исследования памятников древнерусской архитектуры, позволили уточнить представления о строительной технике, материалах и организации строительства в Древней Руси. Однако, несмотря на информативную важность строительных материалов, до недавнего времени им уделялось недостаточное внимание. Что касается плинфы, то большинство исследователей древнерусской архитектуры принимали во внимание лишь ее формат, оставляя в стороне способ формовки, состав керамического теста, следы на поверхности, нахождение в кладке или забутовке и др. Более детальное изучение плинфы памятников архитектуры XII в. Старой Ладogi и сравнительная характеристика этих материалов позволили внести некоторые коррективы в прежние представления о производстве плинфы в Новгородской земле в XII в.

Мной была осмотрена плинфа ц. Климента, Успения Богородицы, Георгия, ц. на р. Ладожке и соб. Николая Чудотворца, из фондов Староладожского историко-культурного музея-заповедника, а также плинфа ц. Успения Богородицы в раскрытых участках кладки. Многие сведения о плинфе ц. Георгия Победоносца, ц. Успения Богородицы и соб. Николая Чудотворца получены из чертежей и отчетов института "Спецпроектреставрация". Однако, материал часто незначителен по объему и выводы, сделанные на его основе, предварительны. Полученные данные позволяют разделить плинфу староладожских памятников на несколько групп.

Плинфа ц. Успения Богородицы имеет ровный светло-коричневый или оранжевый цвет, в изломе изредка серо-черный, что свидетельствует о недостаточной степени обжига. В качестве отощителя использовался песок, крупных примесей замечено не было. В изломе изредка встречаются небольшие пустоты. Многие из осмотренных плинф имеют изогнутость (вогнута верхняя постель) и небольшие закраины на верхней постели со стороны торцов. Некоторые плинфы имеют закра-

ину на торцах со стороны одной из постелей, т. е., плинфа была сформована в жесткой рамке. Верхняя постель у этих плинф гладкая, нижняя — шероховатая. Более 50% плинфы имеет на нижней постели отпечатки травы. Изредка встречаются плинфы с отпечатками песка.

В результате промеров плинф ц. Успения Богородицы во взвешенном состоянии и в кладке установлен ее основной (30–38x17–18x4–5 см) и дополнительный формат (20–24x4–5 см, по выступающей на фасаде стороне). Сотрудниками института "Спецпроектреставрация" найдены фрагменты пятиугольных плинф-"зубчиков" и один целый "зубчик". Эти плинфы использовали для оформления карнизов по апсидам и закомарам и в аркатурном поясе барабана. Размеры зубчиков: 31–31,5x11–13x4–5,5 см.

Плинфа ц. Георгия по цвету, способу формовки и составу керамического теста похожа на плинфу ц. Успения Богородицы. Значительное количество плинфы имеет на нижней постели отпечатки травы, основной формат — 28–31x17–18,5x4–4,5 см (Старая Ладога 1987: л.38). Выявлена также почти квадратная плинфа: 17–18,5 x14–18 см (Старая Ладога 1991: л.8). "Зубчики" карнизов имеют размер 28x10–11x4–4,5 см (Старая Ладога 1987: л.38).

Плинфа ц. на р. Ладожке по цвету, способу формовки, составу керамического теста и отпечаткам на поверхности напоминает плинфу ц. Успения Богородицы и ц. Георгия. О формате плинфы ц. на р. Ладожке следует говорить с большой осторожностью — исследован лишь 1 целый экз. (29,5x17,5x5 см) и 1 фрагмент (23,5–?x17–?x5 см), происходящие из подъемного материала.

Плинфа соб. Николая Чудотворца имеет, как правило, светло-коричневый или оранжевый цвет. По способу формовки эта плинфа похожа на плинфу ц. Успения Богородицы и ц. на р. Ладожке. Верхняя постель гладкая, нижняя — слегка шероховатая. В некоторых случаях на верхней постели и на торцах видны следы скольжения правила. Характерной особенностью этой плинфы является то, что в качестве отошителя в керамическом тесте помимо песка часто присутствует кирпичная крошка. По формату ее можно разделить на 2 группы. Размеры Плинфы 1 группы (?x17–20x4–5 см) преобладает среди осмотренного материала. Размеры плинфы 2 группы: 23–24,5x17x5–6,5 см. Плинфа, описанная в отчете об архитек-

турно-археологическом исследовании собора в 1978 г. имеет размеры 29-?x17,5-18,5x7-7,5 см (Отчет 1979: л.2,10,11). Та же упоминается плинфа, из которой состояла закладка, закрывавшая крестчатую форму ЮЗ столба, с отпечатками травы на нижней постели (21,5-?x18-19x4,5-5 см; Отчет 1979: л.10). Можно предположить, что эта плинфа похожа на плинфу ц. Успения Богородицы, Георгия и ц. на р. Ладожке и применена в повторном использовании в более позднее время, о чем свидетельствует, в частности, скрепляющий ее раствор (Отчет 1979: л.10). Остальные группы плинфы этого храма можно, вероятно, считать разными форматами одного вида; видимо, из них и был вначале построен собор, о чем, в частности, свидетельствует фрагмент ?x15x4,5 см аналогичного способа формовки и состава теста, который, судя по ширине, мог быть "зубчиком" карнизов закомар или аркатурного пояса барабана.

Плинфа ц. Климента по способу формовки и составу теста напоминает вышеописанную плинфу других ладожских храмов, однако, формовка выполнена более аккуратно. Верхняя постель гладкая, нижняя — чуть-чуть шероховатая. Какие-либо следы на поверхностях практически отсутствуют. По формату плинфу этого храма можно разделить на три группы. Группа 1 (формат 31,5-32x19-20,5x4,5-5 см) явно преобладает; размеры плинфы группы 2 — 33,5x14,5-15x5 см, группы 3 — 35x21-25x6-6,5 см.

Плинфа ц. на р. Волхов имеет размер 7x4x1 вершков (31,5x18x4,5 см), на торцах некоторых экз. имеются изображения четырехконечных крестов (Бранденбург 1896:319,126). Это дает возможность предположить, что плинфа была сформована в разъемной рамке. Перечисленные выше различия плинфы ладожских храмов, сведенные для удобства в таблицу, позволяют предположить наличие нескольких групп плинфотворителей, принимавших участие в строительстве в Ладоге в XII в., а это, в свою очередь, ставит под вопрос правомерность мнения о существовании в Новгородской земле до кон. XII в. всего одной строительной артели и о новгородском, псковском и ладожском этапах ее деятельности.

Храм	Формат плитки (в см)	Рамка	Отпечатки на поверхности	Отош- итель
ц. Успения Богородицы	30—32x17—18x4—5 ?x20—24x4—5	жесткая	трава и песок	песок
ц. Георгия	28—31x17—18,5x4— 5,5 17—18x14—18x?	жесткая	трава и песок	песок
ц. на р.Ладожке	29,5x17,5x5	жесткая	трава	песок
ц. на р.Волхов	31,5x18x4,5 по В. В. Суслову	разъемная?	?	?
ц. Климента	31,5—32x19—20,5x4— 5 33,5x14,5—15x5 35x21—25x6—6,5	жесткая	—	песок
соб. Николая Чудотворца	21,5x18—19x4,5—5 ?x19—20x4—5 23—24,5x17x5—6,5 29x17,5—18,5x7—7,5	жесткая? жесткая	трава —	? песок

Материалы исследований старолadoжской плитки заставляют обратить внимание на другие памятники Новгородского круга зодчества, прежде всего псковские, которые по архитектурным формам и строительной технике ближе других к ладожским.

К сожалению, несмотря на то, что псковские храмы изучены лучше многих ладожских, о их плитке известно очень мало. Лучше других изучена плитка ц. Дмитрия Солунского и Троицкого соб. Исследования, проведенные В. Д. Белецким, позволили установить, что в керамическом тесте плитки этих храмов в качестве отошителя применяли кирпичную крошку. Основной формат плитки ц. Дмитрия Солунского — 31—32,5x23—24x4,5—5 (Белецкий 1971:272), плитка Троицкого соб. имеет почти квадратные пропорции (Белецкий 1996). Многие фрагменты плитки ц. Дмитрия Солунского, хранящиеся в Псковском государственном историко-культурном музее-заповеднике, имеют небольшую изогнутость (вогнута верхняя постель) и небольшие закраины на торцах со стороны верхней постели, что свидетельствует о формовке этой плитки в жесткой рамке. Иногда на торцах и на постельной стороне встречались следы песка и следы дождя. Можно предположить, что плитка ц. Дмитрия Солунского и Троицкого соб. относится к тому же виду, что и плитка Никольского соб. в Старой Ладоге.

По архитектурным формам ц. Климента в Ладогe наиболее близка Спасо-Преображенскому соб. Мирожского мон. К сожалению, плинфу Спасо-Преображенского соб. нельзя считать полностью изученной. Основной формат плинфы этого памятника 38x23 см (Мильчик, Штендера 1988:77), однако, данные Н. Н. Демичевой (1989:114) заставляют предположить еще несколько дополнительных форматов (напр., 35—39x23x5—5,5 см). Осмотренная в открытых участках кладки плинфа этого собора отличается аккуратной формовкой, однако, о способе формовки что-либо сказать очень сложно. Вполне возможно, что плинфа Спасо-Преображенского соб. Мирожского мон. похожа на плинфу ц. Климента.

По строительной технике и архитектурным формам ц. Успения Богородицы очень близка к соб. Иоанна Предтечи в Пскове. Плинфа этого собора имеет размеры 38x23x3,5—5 см (Михайлов 1988:95). Однако, вероятно предположить и плинфу других форматов в этом памятнике (Булкин 1980:4; Демичева 1989:144).

Осмотр плинфы в раскрытом участке кладки 3 стены показал, что большая часть плинфы имеет на торце закраины со стороны обеих постелей. Это свидетельствует, что рамка, видимо, была разъемной. Другая группа плинфы этого же участка кладки имеет закраину лишь со стороны одной постели или вовсе не имеет закраины: возможно, ее формовали в жесткой рамке.

Единственный экземпляр, осмотренный во взвешенном состоянии, имеет размеры 34—34,5x23x4—4,5 см. Закраины на поперечных торцах, расположенные со стороны обеих постелей, свидетельствуют о том, что поперечные борта рамки вынимались, а закраины на нижней постели со стороны торцов говорят о том, что продольные борта рамки были жестко скреплены между собой и сырец выколачивался из них после отнятия поперечных бортов. В качестве отошителя в тесте содержится песок.

С. П. Михайловым было замечено, что на нижней постели некоторых плинф есть отпечатки травы и песка. Однако, не установлено, можно ли отнести плинфу с отпечатками травы и песка к какой-то одной группе плинфы этого храма, выделенной по способу формовки, или этот признак является характерным для обеих групп. Если предположить, что следы травы были на плинфе, сформованной в жесткой рамке, то в

таким случае эта плинфа будет похожей на плинфу цц. Успения Богородицы, Георгия и ц. на р. Ладожке в Старой Ладоге. Обращает на себя внимание то, что плинфа ладожских и псковских храмов, за исключением соб. Иоанна Предтечи и Спасо-Преображенского соб. значительно меньше по размерам, чем плинфа храмов Новгорода 1-ой пол. XII в. Возможно, резкое уменьшение формата плинфы связано со строительством Троицкого соб. и ц. Дмитрия Солунского. Плинфа этих памятников значительно отличается от плинфы других построек Новгородской земли. С. В. Белецким высказано предположение, что эта плинфа по своим пропорциям напоминает плинфу южнорусских памятников. Возможно, использование такой плинфы при строительстве повлияло на производство плинфы в Новгородской земле, вызвав уменьшение ее формата.

К сожалению, о плинфе храмов Новгорода 1-ой пол. XII в., помимо ее формата, практически ничего не известно, а, следовательно, нельзя ничего сказать о том, когда появились различия в производстве плинфы в Новгородской земле. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более подробно исследовать плинфу псковских памятников, а также плинфу новгородских храмов 1-ой пол. XII в., прежде всего соб. Рождества Богородицы Антониева мон., цц. Иоанна Предтечи на Опоках, Успения Богородицы на Торгу, Бориса и Глеба в детинце. Однако выводы, сделанные на основе анализа только плинфы, нельзя считать абсолютно надежными (хотя бы из-за недостаточного во многих случаях количества материала). Они должны быть откорректированы посредством тщательного исследования и сравнительного анализа других строительных материалов, строительной техники, архитектурных форм, стенописи и т. д.

БЕЛЕЦКИЙ, В.Д. 1971. Клейма и знаки на кирпичах XII века из церкви Дмитрия Солунского в Пскове // Советская археология 2: 272-278.

БЕЛЕЦКИЙ, С.В. 1996. К вопросу о датировке домонгольских храмов Пскова // Проблемы истории древнерусской архитектуры. По материалам конференции памяти П.А. Раппопорта. Санкт-Петербург (в печати).

БРАНДЕНБУРГ, Н.Е. 1896. Старая Ладога. Санкт-Петербург.

БУЛКИН, В.А. 1980. Исследование Иоанновского собора в Пскове // Археологические открытия 1979 года: 4. Москва.

* Благодарю Н. К. Стеценко, С. В. Лалазарова, С. В. Белецкого и С. П. Михайлова за предоставленную информацию.

- ДЕМИЧЕВА, Н.Н. 1989. О датировке памятников домонгольского зодчества в Пскове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР 198: 112–117.
- МИЛЬЧИК, М.И., Г.М.ШТЕНДЕР. 1988. Угловые камеры собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой пол. XIII вв.: 77–94. Москва.
- МИХАЙЛОВ, С.П. 1988. Первоначальное убранство интерьера собора Иоанновского монастыря во Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура X – первой пол. XIII вв.: 95–100. Москва.
- ОТЧЕТ 1979 об архитектурно-археологических исследованиях в Никольском соборе в Старой Ладогe в 1978 году с камеральной обработкой коллекции/Архив Института “Спецпроектреставрация”, Т.3. кн.2. Ленинград.
- СТАРАЯ ЛАДОГА. 1987. Крепость. Церковь Георгия (Научно-проектная документация)/ Архив Института “Спецпроектреставрация”, Т.3. кн.11. ч.1. Ленинград.
- СТАРАЯ ЛАДОГА 1991. Крепость. Церковь Георгия (Научно-проектная документация)/ Архив Института “Спецпроектреставрация”, Т.3. кн.6, ч.4. Ленинград.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ КУШАВЕРЫ

В 1995 г. Новгородским отрядом Верхне-Мстинской экспедиции ИА РАН (нач. эксп. — И. В. Исланова, нач. отр. — Н. И. Петров) проведено обследование среднего течения р. Кушавера (басс. р. Молога, С часть Молого-Мстинского водораздела), для составления археологической карты окрестностей дд. Бельково и Степаново Хвойнинского р-на Новгородской обл (рис.1).

Первые сведения об археологических памятниках в среднем течении Кушаверы опубликованы А. И. Кулжинским (1861:156): "При селце Бельково три сопки, в виде сахарной головы, одна от другой в 10 саж., вышиною по 2, в окружности 50 саж." Эта группа сопок ("Бельково IV") включена в свод В. В. Седова (1970: №465). Жальник близ этой же деревни ("Бельково I") упомянут И. С. Романцевым (1911:102) и отмечен в своде Н. И. Репникова (1931: №767).

В 1926 г. в ходе "палеоэтнологического маршрутного обследования" заведующим Боровичским окружным краеведческим музеем С. Н. Поршняковым от жителей не существующей ныне д. Савино (в отчете Поршнякова — "Совина") были получены сведения о группе курганов на левом берегу р. Кушавера. В составе группы был указан 1 курган выс. ок. 2,5 м и до 10 невысоких (ок. 1,5 м) насыпей. Сам С. Н. Поршняков (1926: л.3) эти курганы не осматривал. Видимо, в данном сообщении отразились искаженные сведения о памятниках "Степаново V, VII, VIII" (соответственно — одиночный сопкообразный курган и 2 курганные группы).

В 1976 г. обследование окрестностей д. Бельково было принято Г. Н. Прониным (1976). Помимо уже известных памятников (группа сопок и жальник), исследователь зафиксировал здесь одиночную сопку и одиночный сопкообразный курган, а также 2 селища (соответственно — "Бельково VI, V, III, II"). В

1990 г. В. В. Мильковым (1990:лл.76–79, рис. 412) при проведении повторной фиксации данного комплекса памятников было выявлено селище “Бельково VII”. В 1995 г. в ходе наших полевых изысканий обнаружена одиночная сопка “Бельково VIII” и впервые зафиксирован комплекс памятников около д. Степаново, в состав которого входят 4 курганные группы, 3 одиночных кургана (в т. ч., 1 сопкообразный), одиночная сопка и селище.

Каталог памятников*

1. “Бельково VI” – одиночная сопка (выс. 2,7 м, диам. 29 м) в 1 км к С–СВ от д. Бельково, на краю прав. бер. р. Кушавера. Ров-подрезка и каменная обкладка по основанию насыпи не прослежены.

2. “Бельково VII” – селище (50х40 м, мощн. культ. слоя 0,15–0,2 м) на краю площадки прав. бер. р. Кушавера, в 40 м к Ю от сопки “Бельково VI”. В шурфе (16 м²) в Ю части селища встречена лепная керамика кон. I тыс. н. э.; несколько фрагментов гончарной керамики относятся к позднему средневековью.

3. “Бельково I” – жальник (ок. 60х40 м) в 0,4 км к З от д. Бельково, на краю площадки прав. бер. р. Кушавера. На территории могильника прослеживаются несколько каменных обкладок захоронений. Кроме того, из-под дна выступают камни, расположенные без какой-либо визуальной фиксируемой системы.

4. “Бельково II” – селище (480х60–140 м) в 0,5 км к ЮЗ от д. Бельково. Зона распространения культурного слоя поселения (мощн. 0,5–1 м) вытянута вдоль края прав. бер. р. Кушавера, на участке между жальником “Бельково I” и С окраиной селища “Бельково III”. Культурный слой содержит лепную керамику кон. I тыс. н. э. и раннегончарную керамику X–XII вв. (Мильков 1990:л.77).

5. “Бельково III” – селище (ок. 240х60 м) в 0,7–0,8 км к Ю–ЮЗ от д. Бельково, рядом с группой сопок “Бельково IV” и сопкой “Бельково VIII”, к Ю от селища “Бельково II”. Участки культурного слоя (мощн. 0,3 м) с лепной керамикой кон. I тыс. н. э., вытянуты вдоль края прав. бер. р. Кушавера (Мильков 1990: л.78).

6. “Бельково IV” – группа из 3 сопок в 0,6 км к ЮЗ от д. Бельково, на прав. бер. р. Кушавера, к В от селища “Бельково III”. Сопки (диам. 18, 20 и 17 м, и выс. 2,6, 2,4 и 3,8 м) повреждены поздними перекопами. Рвы-подрезки вдоль оснований насыпей не прослежены. В основаниях 2 сопок зафиксированы отдельные крупные валуны (наличие каменных обкладок?). По словам старожилки д. Бельково, при рытье ям, местные жители находили человеческие черепа.

7. “Бельково VIII” – одиночная сопка (19х15 м, совр. выс. 1,2 м) в 0,8 км к ЮЗ от д. Бельково, на краю прав. бер. р. Кушавера, в непосредственной близости от селища “Бельково III”. По словам старожилки д. Бельково, раньше сопка была выше, чем в настоящее время, однако, в дальнейшем она была значительно повреждена распашкой; из насыпи был выпахан человеческий череп. Ров-подрезка и каменная обкладка вдоль основания сопки не прослежены.

8. “Бельково V” – одиночный сопкообразный курган (диам. 21 м, выс. 1,4 м) на левом болотистом бер. р. Кушавера, на краю поросшего хвойным лесом всхолмления, в 0,9 км к ЮЗ от д. Бельково. Вдоль СЗ части основания кургана

* Порядковые номера памятников соответствуют номерам на карте (рис.1), наименования памятников – сочетание названия близлежащей деревни и римской нумерации – введены нами.

прослежен ров-подрезка (гл. 0,7 м, шир. 3–5 м). Каменная обкладка основания не зафиксирована. Насыпь повреждена поздними перекопами.

9. "Степаново II" — группа из 7 круглых курганов (диам. 10–20 м, выс. 1,4–1,6 м) в 1,2 км к СЗ от д. Степаново, на левом болотистом бер. р. Кушавера, на краю поросшего хвойным лесом всхолмления. Большинство курганов окружено по основанию рвами-подрезками, каменные обкладки не прослежены.

10. "Степаново I" — одиночная сопка (диам. 24 м, совр. выс. 3 м) на СЗ окраине д. Степаново, на правом возвышенном бер. р. Кушавера. Каменная обкладка и ров-подрезка у основания насыпи не прослежены. Центральная часть сопки уничтожены ямой бывшего картофелехранилища. По словам старожилки д. Степаново, "когда рыли на сопке, говорили, что находили кости" (человека?).

11. "Степаново IX" — селище (ок. 200х50 м) на З окраине д. Степаново, в 100 м к Ю от сопки "Степаново I", на краю площадки прав. бер. р. Кушавера. Зона распространения культурного слоя поселения (мощн. ок. 0,5 м) вытянута вдоль берега реки. В шурфе (8 м²) в центральной части памятника встречена лепная керамика кон. I тыс. н. э.; несколько фрагментов гончарной керамики — позднесредневековые. Аналогичен по составу и подъемный материал.

12. "Степаново III" — группа из 50 курганов в 1,4 км к ЮЗ от д. Степаново, на левом болотистом бер. р. Кушавера. Курганы находятся на поросшем хвойным лесом всхолмлении. Группа вытянута по линии Ю — С — СВ, вдоль бер. Кушаверы. Большинство курганов — круглые (диам. 3–24 м, выс. 0,2–1,9 м), 2 — подпрямоугольные (10х20 м и 8х11,5 м, выс. 0,7 и 0,6 м). Особый интерес вызывает комбинированная насыпь №13: в центральной части вершины подпрямоугольного кургана (14х43 м, выс. 1,1 м), представляющей собой плоскую площадку, располагается округлая насыпь (диам. 11,5 м, выс. 0,3 м). Вдоль оснований большинства курганов прослежены рвы-подрезки, следов кольцевых каменных обкладок не зафиксировано, в подавляющем большинстве случаев поздние перекопы в насыпях не обнаружены.

13. "Степаново IV" — одиночный подпрямоугольный курган (10х14,5 м, выс. 1 м) в 2 км к ЮЗ от д. Степаново, в 170 м к Ю от группы "Степаново III", на левом болотистом бер. р. Кушавера, на поросшем хвойным лесом всхолмлении. Окружен по основанию рвом-подрезкой, каменная обкладка не зафиксирована.

14. "Степаново VI" — одиночный круглый курган (диам. 18 м, выс. 0,5 м), в 2,3 км к Ю—ЮЗ от д. Степаново, в 125 м к Ю от кургана "Степаново IV", на левом болотистом бер. р. Кушавера, на краю поросшего хвойным лесом всхолмления. Окружен по основанию рвом-подрезкой, каменная обкладка не зафиксирована.

15. "Степаново V" — одиночный сопкообразный курган (диам. 29 м, выс. 2,7 м) расположен в 2,5 км к ЮЗ от д. Степаново, на левом болотистом бер. р. Кушавера, на поросшем хвойным лесом всхолмлении. Вдоль основания насыпи зафиксирован кольцевой ров-подрезка (шир. 3 м, глуб. 0,5–1 м). Каменная обкладка основания не прослежена. Памятник поврежден поздними перекопами.

16. "Степаново VII" — группа из 2 овальных (подпрямоугольных?) курганов (9х12 и 6х10 м, выс. 0,3 и 0,2 м) в 2,8 км к ЮЗ от д. Степаново на левом болотистом бер. р. Кушавера, на поросшем хвойным лесом всхолмлении. Вдоль оснований курганов прослежены рвы-подрезки, каменные обкладки не зафиксированы. Ориентировка группы в целом и насыпей — ЮЗ—З — СВ—В.

17. "Степаново VIII" — группа из 8 курганов в 3 км к Ю—ЮЗ от д. Степаново, на левом болотистом бер. р. Кушавера. В состав группы входят 1 круглый курган (диам. 6 м), 2 подквадратных (8х8 и 10х10 м), 1 овальный (8х10 м), 3 подпрямоугольных (8х9, 8х11 и 6х7 м). Насыпь №5 комбинированная: к круглому кургану

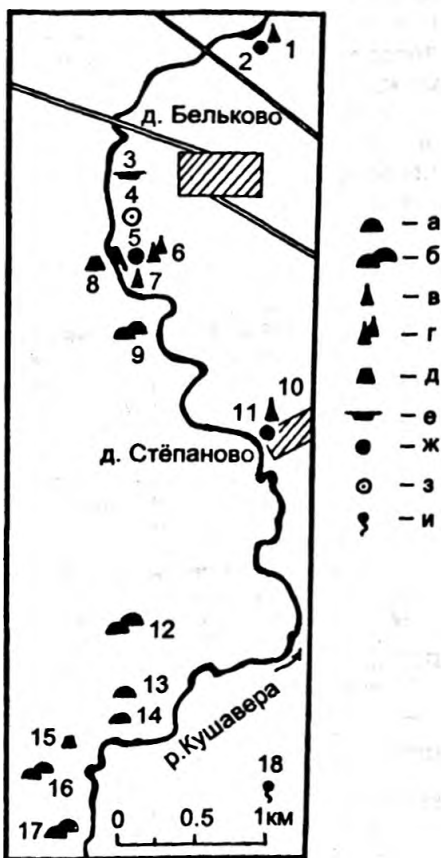
(диам. 8 м) примыкает овальный (5х7 м). Высота насыпей 0,2–0,5 м. Вдоль оснований курганов прослежены рвы-подрезки, каменные обкладки не зафиксированы. Насыпи группируются в 3 “цепочки”, ориентированные СЗ–ЮВ.

18. Почитаемый родник в 2,5 км к Ю от д. Степаново. Обычно подобные объекты не принято относить к числу археологических памятников, однако, их учет при составлении археологической карты представляется вполне оправданным (Панченко, Кузьмин 1988:98–101). Родник находится на правом болотистом бер. р. Кушавера, в лиственном лесу. По рассказам старожилов д. Степаново, в прошлом, родник активно посещали жители окрестных деревень: “на ключок ходили заветники – вешали около него разные тряпочки и платочки, к примеру, чтобы голова не болела”; на роднике стояла часовня. Полная фиксация местной устной традиции, связанной с родником, предпринята в 1995 г. А. А. Панченко.

Расположенные на левом берегу Кушаверы группы курганов и одиночные насыпи “Степаново II–IV, VI–VIII” (№№9, 12–14, 16–17), судя по их ландшафтной приуроченности и визуальным признакам, следует относить к “культуре псковско-боровичских длинных курганов” (2-я пол. I тыс. н. э.). Столь значительная концентрация подобных памятников на сравнительно небольшой территории не является характерной для северной части Молого-Мстинского водораздела (Петров 1992:62–63). Сходный в этом отношении комплекс памятников культуры длинных курганов расположен лишь в окрестностях д. Климовщина Пестовского р-на Новгородской обл. (Петров 1995:56–57).

Определить характер связи сопкообразных одиночных курганов “Бельково V” и “Степаново V” с погребальными традициями культуры длинных курганов, с одной стороны, и с традицией возведения сопок, с другой стороны, основываясь исключительно на результатах разведочного обследования, чрезвычайно трудно. Оба памятника (№№6, 15) могут представлять собой как результат самостоятельного развития погребальной обрядности культуры длинных курганов, так и следствие воздействия на нее сопочной традиции (Петров 1992:66–67). Начало освоения правобережья среднего течения Кушаверы в раннем средневековье следует связывать с “эпохой сопок” – руб. I–II тыс. н. э. (IX–XI вв.). Именно к данному периоду относятся сопки “Бельково IV, VI, VIII”, “Степаново I” (№№1, 6, 7, 10) и, видимо, синхронные им селища “Бельково II, III, VII”, “Степаново IX” (№№2, 4, 5, 11). В качестве центра этого скопления памятников т. н. “культуры сопок” выступают поселения “Бельково II–III”. От остальных селищ “эпохи сопок” в рассматриваемом микрорегионе они отличаются как своим местоположением, так и концентрацией при них сопочных насыпей, возможно, служивших местами захоронения умерших представителей социальной элиты (Ко-

Рис. 1. Археологические памятники среднего течения р. Кушавера: а – одиночный курган; б – группа курганов; в – одиночная сопка; г – группа сопок; д – одиночный сопкообразный курган; е – жальник; ж – селище (культурный слой содержит лепную керамику кон. I тыс. н. э., раннегончарная керамика X–XII вв. отсутствует); з – селище (культурный слой содержит лепную керамику кон. I тыс. н. э. и раннегончарную керамику X–XII вв.); и – почитаемый родник.

нецкий 1969:141–144). Кроме того, разделение этих поселений в значительной степени условно и основывается на различии периодов их функционирования – в X–XI вв. селище “Бельково III”, видимо, прекратило свое существование, в то время, как культурный слой поселения “Бельково II” содержит керамику X–XII вв. Разрыв же между зонами культурных отложений обоих селищ – не более 50 м, т. е. можно предполагать функционирование селищ “Бельково II–III” в IX–X (XI?) вв. в качестве единого поселения (ок. 70000 м²!).

Судя по отсутствию в культурных отложениях селищ “Бельково III, VII”, “Степаново IX” раннегончарной керамики, в

XI–XII вв. охарактеризованная выше поселенческая структура переживает упадок. В этот период продолжает существовать лишь поселение “Бельково II”, близ С окраины которого располагается жальничный мог. “Бельково I” (№3).

Изложенные выше наблюдения не являются окончательными выводами. Их подтверждение и дальнейшая детализация возможны лишь после проведения целенаправленных раскопок в данном микрорегионе.

- КОНЕЦКИЙ, В.Я. 1969. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменя в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история: 140–150. Ленинград.
- КУЛЖИНСКИЙ, А.И. 1861. Курганы Новгородской губернии // Известия Императорского археологического общества II, 2: 149–160. Санкт-Петербург.
- МИЛЬКОВ, В.В. 1990. Отчет об археологических работах в 1990 г. // Архив ИА РАН Р-1, №№ 15069, 15073.
- ПАНЧЕНКО, А.А., С.Л.КУЗЬМИН. 1988. Некоторые вопросы изучения истории духовной культуры населения Северо-Запада Новгородской земли // Тез. научно-практ. конф. “Новгород и Новгородская земля. История и археология”: 98–101. Новгород.
- ПЕТРОВ, Н.И. 1992. Культурно-исторические процессы в северной части Молого-Мстинского водораздела в эпоху раннего средневековья // Тез. научн. конф. “Новгород и Новгородская земля. История и археология” 6: 62–69. Новгород.
1995. Работы в Пестовском районе Новгородской области // Археологические открытия 1994 года. Москва.
- ПОРШНЯКОВ, С.Н. 1928. Отчет о палеоэтнологическом маршрутном обследовании в Боровичском округе, произведенном Заведующим Боровичским Окружным Краеведческим Музеем С. Поршняковым в 1928 г. с приложением чертежей и фотографий // Архив ИИМК РАН ф.2, 1926 г., д.108.
- ПРОНИН, Г.Н. 1976. Отчет о работе Новгородского отряда ИА АН СССР в 1976 г. // Архив ИА РАН Р-1, №6478.
- РЕПНИКОВ, Н.И. 1931. Жальники Новгородской земли (материалы к вопросу о расселении славян по области) // Известия Государственной Академии истории материальной культуры IX, 5. Ленинград.
- РОМАНЦЕВ, И. 1911. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород.
- СЕДОВ, В.В. 1970. Новгородские сопки // Свод археологических источников Е1-8. Москва.

ДЕТАЛИ ДОМОСТРОЕНИЯ И МЕБЕЛИ ИЗ РАСКОПОК В ПСКОВЕ

К настоящему времени по домостроительству средневекового Пскова накоплен достаточно обширный материал. Археологическими раскопками в разных частях города открыты остатки сотен деревянных построек. Однако при раскопках обнаруживаются, как правило, лишь нижние конструктивные элементы: фундаменты, нижние венцы стен, реже — настилы полов и печи. Вопрос о внешнем и внутреннем оформлении построек остается на стадии гипотетических реконструкций. Поэтому принципиально важна публикация предметов, позволяющих с большей или меньшей достоверностью восстанавливать внешний облик построек.

Раскопками 1969—89 гг. в Пскове на территории Старого рынка обнаружен ряд предметов, связанных с домостроением. Их публикации посвящена настоящая статья.

Курицы. В раскопках на Старом рынке найдено 26 куриц, 15 из которых сохранились целиком или утратили незначительные части. По способу крепления курицы разделены на три типа.

Тип I: фиксация курицы с бревном стены производится затеской с пятой, устроенной в нижней центральной подкровельной части курицы (рис.1:1). Такой способ крепления широко известен по этнографическим материалам, применялся вплоть до XX в.

Возможны два варианта крепления куриц этого типа: 1) между двумя верхними бревнами стены с заделкой торца под первую слегу крыши; 2) в верхнее бревно стены с заделкой торца под тес крыши (Древняя Русь 1985:149). Разновидность этого варианта — подкровельная часть курицы пропущена поверх всех слег крыши вплоть до князевой с соответствующими вырубками в местах соприкосновения со слемами. Курица при таком устройстве представляет сразу и обрешетку слег (Ополовников 1983:47).

Курицы типа I найдены в слоях XII—XIV вв. (результаты

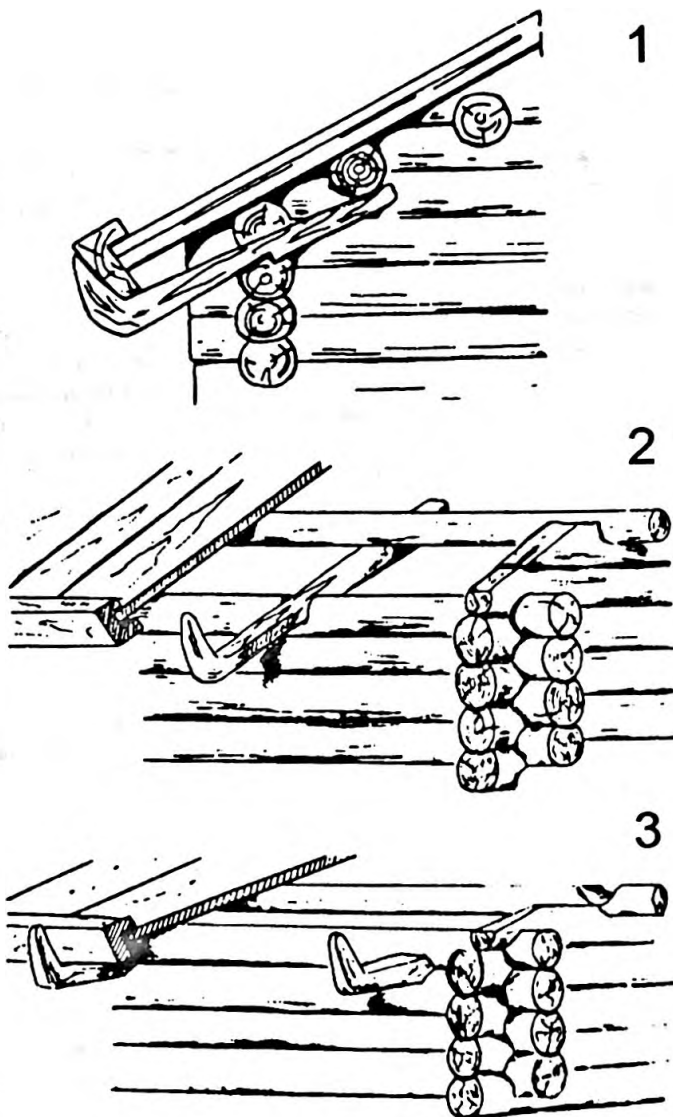
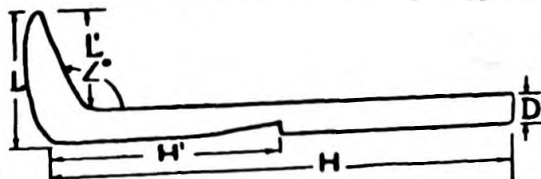

Рис. 1. Схема крепления куриц: а – тип I (по Г. В. Борисевичу); б – тип II; в – тип III.

обмера — в табл. 1). Принятый принцип обмера предполагает, что разность величин H и H^1 дает максимальное расстояние от черепового венца стены до первой слеги крыши, что, в свою очередь, указывает на приемы рубки самцов фронтона. Внутренняя форма крюка дает данные о форме потока, а угол его отклонения от стержня — поправку на общий угол уклона кровли (Древняя Русь 1985:149). Форма потока — в виде доски-застрешины, бруса (а).

Таблица 1. Обмеры куриц типа I (в см)

Дата	№*)	H	H ¹	L	L ¹	D	α°	Форма потока
	1	77	39	26	20	6	100	а
	2	62	33	32	24	5	95	а
XII-XIV вв.	3	—	47	31	24	5	95	а
	4	—	47	30	22	5	95	а
	5	104	47	—	—	6	—	—
	6	—	53	30	25	7	105	а

*) Полевые шифры: 1 — П-88-Л-ХIII/Г-16-523-6; 2 — П-88-Л-ХIII/Г-16-522-7; 3 — П-88-Л-ХIII/А-18-504-8; 4 — П-88-Л-Х/Ж-20-142-13; 5 — депаспартизована; 6 — П-84-Л-5/Б-12-463.

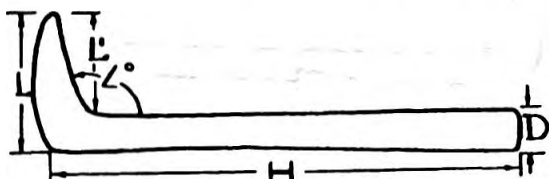
Тип II — курицы, не имеющие крепежных вырубков на стержне. Для их крепления между верхними венцами сруба или же в верхнем венце делали прорубки, куда вставлялся стержень курицы. Торец также заводили под первую слегу кровли или под тес (рис.1:2). Среди находок этого типа известна курица, имеющая стержень, выполненный в форме клина с максимальным диаметром на торце и с затеской по боковым сторонам несколько выше средней части стержня. Крепление могло производиться точно так же, но с дополнительной фиксацией, когда курицу, протягивая, клинили в вырубках верхних венцов стен. При длине курицы в 1 м в центральной части хорошо заметны следы износа, образовав-

* Фонды Псковского музея-заповедника, шифр ПЛ-76/Ф-274-10.

шиеся в процессе соприкосновения курицы с бревном стены.

Курицы типа II найдены в слоях XII–XIV вв. (результаты обмера – в табл. 2). По длине стержня выделяются на два вида: 1) 50–70 см; 2) 1 м и более. Возможно, за этим различием скрывается использование куриц в различных по назначению постройках: большие курицы применялись в жилых постройках, а небольшие – в хозяйственных; этому соответствует и диаметр стержня. Конструкция крюка предполагает формы потока как в виде желоба (б), так и в виде доски-застрешины, бруса (а).

Таблица 2. Обмеры куриц типа II (в см)

Дата	№*)	H	L	L'	D		Форма потока
	1	70	35	28	6	–	б
	2	116	35	30	6	–	б
	3	130	45	32	9	–	б
XII–XIV вв.	4	60	–	–	–	–	б
	5	50	28	21	6	110	а
	6	71	29	21	6	95	а
	7	–	29	20	5	110	а
	8	100	43	30	9	105	а

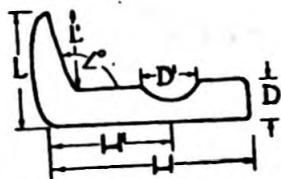
*) Полевые шифры: 1 – П-88-Л-ХIII/Е-18-554-18; 2 – П-88-Л-ХI/К-19-179-27; 3 – П-88-Л-ХI/И-19-161-14; 4 – ПЛ-76-III/Ф-273/8; 5 – П-88-Л-ХIII/Е-18-554-19; 6 – П-88-Л-Х/Б-19-62-17; 7 – П-88-Л-ХI/О-17-244-13; 8 – ПЛ-76-III/Ф-274/10.

Тип III – курицы, имеющие чашевидную вырубку в верхней части стержня. Они отличаются стандартностью изготовления – подквадратно затесанный стержень и конусовидный в сечении крюк при относительно одинаковых размерах. Крепление производилось в зажим между верхними венцами сруба, при этом внутри постройки оставалась часть курицы дл. 10–20 см (рис. 1:3).

Курицы типа III найдены в слоях XIII–XIV вв. (результаты обмера – в табл. 3). Встраиваться такие курицы могли только в

процессе возведения стен постройки. Диаметр вырубки в стержне — 11–14 см. Форма потока предполагает только доску-застреху или брус. Устроенная таким образом курица должна иметь перпендикулярное или с небольшим уклоном направление относительно полотна стены. Угол сопряжения крюка со стержнем — 100–105, длина стержня — 38–51 см, при этом курица выступает за стену сруба с внешней стороны приблизительно на 30 см. Учитывая, что тесины кровли должны иметь перпендикулярное направление относительно потока и, в данном случае, опираться на череповой венец постройки или проходить чуть выше него, угол наклона кровли — 15–20. В этнографическом жилище известен способ крепления потока без куриц: их заменяли консольно выпущенные и подтесанные верхние бревна стен, в вырубках которых и крепился поток (Ополовников 1983:134).

Таблица 3. Обмеры куриц типа III (в см)

Дата	№*)	H	H ¹	L	L ¹	D	D ¹	
	1	51	33	41	31	10	12	100
	2	43	32	41	32	8	11	105
	3	43	32	35	28	5	9	13
XIII–XIV вв.	4	47	32	37	27	8	14	105
	5	42	29	38	30	9	12	—
	6	—	29	35	27	7	5	—
	7	36	26	28	24	7	13	103
	8	—	30	28	22	—	—	100

*) Полевые шифры: 1 — П-85-Л-IX/Н-13-1171-3; 2 — П-88-Л-XI/К-19-179-27; 3 — П-88-Л-XI/К-19-179-25; 4 — П-88-Л-XI/К-20-163-9; 5 — П-88-Л-XI/К-16-179-31(?); 6 — П-87-Л-XIII/Б-1...-506-41; 7 — П-88-Л-XIII/В-15-491-53; 8 — ПЛ-82/Я-10-424.

Двери. Имеется целая дверь, дверная доска, позволяющая реконструировать высоту двери, а также 3 дверные доски. Целая

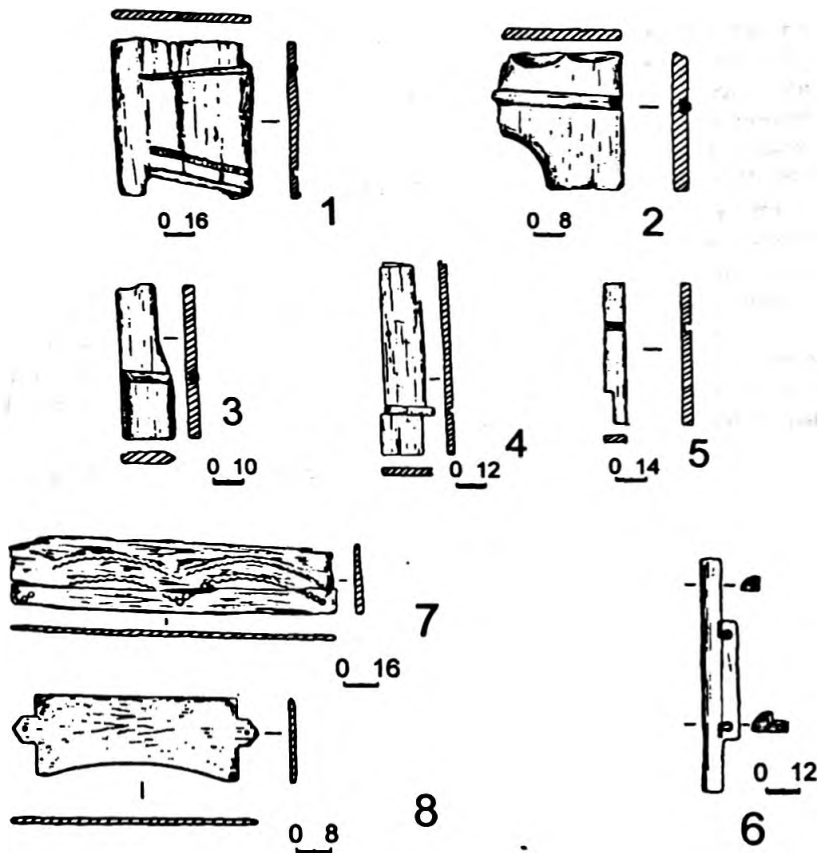

Рис. 2. Двери (1-5), опора ставен (6) и детали мебели (7-8) из раскопок в Пскове. Полевые шифры: 1 - П-87-Л-ХІІІ/Б-12-498-20; 2-3 - П-88-Л-ХІІІ/А-18-495-14; 4 - депаспартизована; 5 - ПЛ-76-ІІІ/Ф-275/11; 6 - ППИ-70/Ж-15-105-38; 7 - П-89-Л-ХІV/В-11-70-4; 8 - ПЛ-76-ІІІ/Ф-290/8.

дверь (100x72 см) найдена в слоях 2-ой пол. XIV в. (рис.2,1); составлена из двух досок (шир. 35 см и 37 см, толщ. 4-5 см). Доски скреплены двумя планками в пазах на т. н. "ласточкин хвост". Соединение торцов досок в треугольный паз. Дверь навешивалась на пятах, пяточная сторона закруглена. Дверь ремонтировалась, о чем свидетельствует дополнительный паз

вдоль нижней крепежной планки. На дверном полотне на расстоянии 17 см имелись отверстия (диам. 2,5 см) для крепления дверной скобы.

Доска от второй двери (шир. 15 см, толщ. 3,5 см) обломана на уровне второй верхней планки (рис.2:4). В ее центральной части на расстоянии 13 см имелись отверстия (диам. 2,5 см) для крепления дверной скобы. Возможная высота двери — 1 м. Доски двери скреплялись двумя планками в пазах на т. н. “ласточкин хвост”. Соединение торцов досок в треугольный паз.

Три других фрагмента дверей (рис.2:2,3,5) представлены обломками досок толщ. 4,5 см. Они происходят из слоев XIII—XIV вв. Крепление досок аналогично вышеописанному. Ширина доски (18 см) восстанавливается лишь для одного фрагмента (рис.2:3). Один из фрагментов имел полукруглую прорубку — лаз (рис.2:2); по классификации П. И. Засурцева (1959:276), подобные двери использовали в подклетах и амбарах. Аналогичные двери обнаружены и при раскопках в Берестье (Лысенко 1989:75).

Детали окон. В слоях XIII—XIV вв. найдены деревянные пластины (дл. 47—50 см, шир. 10—15 см, толщ 1—1,2 см), противоположные торцы которых стесаны под углом, а по бокам проделаны 2 ряда отверстий (диам. 2—2,5 см) для крепления. По аналогии с новгородскими находками (Колчин 1968:85), пластины интерпретируются как оконные жалюзи.

Из слоя 2-ой пол. XII в. происходит сегмент бревна (дл. 130 см, шир. 9 см). В центральной части его оставлен выступ (дл. 56 см, шир. 7 см), по бокам которого имелись округлые углубления (диам. 5 см, глуб. 2 см). По линии соединения выступа с основой в последней сделаны прямоугольные пазы (дл. 8 см, шир. 1,6 см), вплотную подходящие к углублениям. Округлые углубления, вероятно, являлись выемками для подпятников. Считать, что предмет (рис.2:6) является остатками порога, не приходится, так как ширина дверного проема в этом случае не превышала бы 40 см. Кроме того, расположение подпяточных выступов предполагает навешивание не одного, а двух щитов шириной по 20 см. Вероятно, находку можно расценивать как опорную часть ставен, в таком случае понятно назначение защелин. Вставляться деталь могла с внутренней стороны дома, а крепилась, вероятно, в горизонтальном пазу, устроенном в бревнах стены с таким расчетом глубины, чтобы выступ несколько выходил с внешней стороны стены или находился в одной с ней плоскости. Ширина оконного проема достигала 50 см, что сопоставимо с длиной

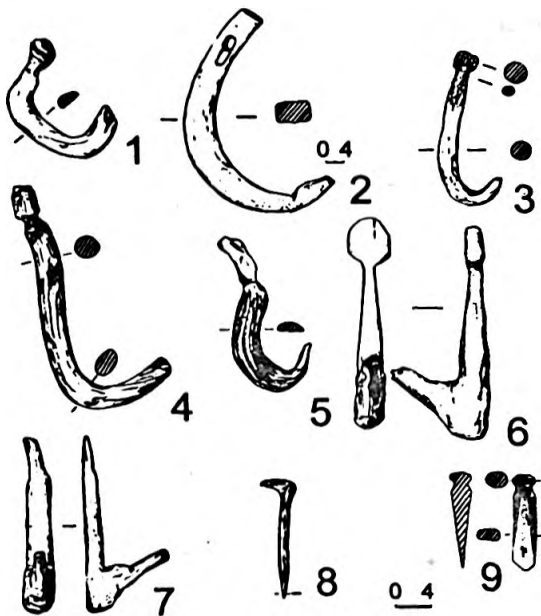

Рис. 3. Крюки из раскопок в Пскове. Полевые шифры: 1 — П-87-Л-ХІІІ/Г-13-514-5; 2 — ПЛ-76-І/Е-80/9; 3 — П-87-Л-ХІІІ/А-13-503-5; 4 — П-89-Л-Х/Ж-24-139-9; 5 — ППИ-70/Б-16-17-15; 6 — ПЛ-76-І/Е-75/10-192; 7 — П-88-Л-ХІ/И-18-160-19; 8 — ППИ-69/Б-14-21-61; 9 — П-88-Л-Х/Г-17-56-18.

планок жалюзи.

Детали интерьера. К этой категории находок отнесены крюки, детали скамей и стула. Крюки служили для развешивания хозяйственной утвари и одежды и применялись как в жилых, так и в хозяйственных постройках. Формы и размеры крюков самые разнообразные — от подработанных сучков дл. 6–10 см до массивных специально гнутых крюков диаметром до 50 см. Подобные крюки до настоящего времени применяются в крестьянских хозяйствах и служат для подвешивания и разделки туш животных. Наиболее ранние находки происходят из слоя нач. XII в., однако основная масса находок (12 из 18) относится к XIV в. По способу крепления крюки можно разделить на два типа — подвесные (рис.3:1–6) и настенные (рис.3:7–9), последние — в форме клина, забивали в стену постройки и являлись прообразом современных вешалок.

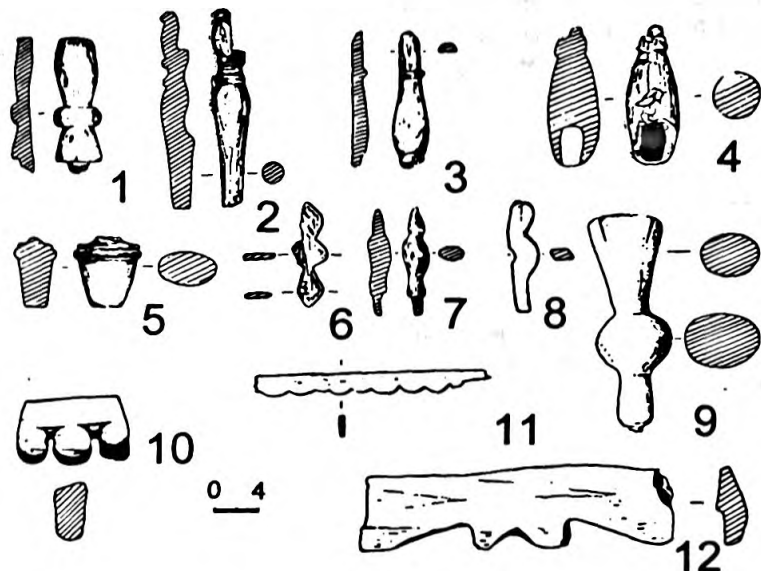

Рис. 4. Декоративные элементы жилища из раскопок в Пскове: 1-9 — баясины, 10 — архитектурная деталь, 11 — подзор, 12 — кромка причелины. Полевые шифры: 1 — П-88-Л-Х/Г-22-60-18; 2-3 — департизованы; 4 — П-87-Л-Х/Г-14-38-15; 5 — П-87-Л-ХIII/Г-13-513-61; 6 — П-87-Л-ХIII/В-13-502-21; 7 — П-86-Л-ХI/М-235-11; 8 — П-84-Л-IX/Ж-9-1018-1; 9 — ППИ-70/Б-16-24; 10 — П-87-Л-ХI/К-14-178; 11 — ППИ-70/Н-14-185-33; 12 — ППИ-70/З-15-98-30.

По этнографическим данным, подтверждаемым археологическими раскопками, обязательным элементом избы были лавки — стационарная мебель, встраивавшаяся в стену сруба (Древняя Русь 1985:150). В слоях XIV в. найдены обломки 5 досок, которые могут быть атрибуированы в качестве лавок. Ширина их 20—30 см, на концах имелись прямоугольные шипы или закраины, служившие для крепления досок в стенах сруба. Часть досок имела подтесанные (для фиксации между венцами стены?) ребра.

Из находок, связанных с передвижной мебелью, отмечу спинку скамьи (35x150x2,5—4 см), обнаруженную в сильно нарушенном слое XIV—XV вв. (рис.2:7). Размеры доски близки спинкам скамей, найденных в Новгороде (Колчин 1971:27), полотно покрыто рельефной резьбой в виде соединяющихся кругов, расположенных по двум параллельным волнистым линиям. Доска недоработана: прорезана лишь центральная часть узора.

Из слоя XIV в. происходит тщательно отделанная доска (48x20x1,6 см), нижнее ребро которой округло срезано внутрь (рис.2:8). По торцевым сторонам в центральной части имелись фигурные выступы, в которых проделаны квадратные отверстия. Вероятнее всего, доска крепилась к брусам основы деревянными нагелями и представляла собой спинку стула (кресла).

Декоративные элементы оформления построек представлены находками балясин, архитектурной вставкой, фрагментами подзора и причелины. Балясины (рис.4:1—3,6—8) впервые фиксируются в слоях XII в. Большая их часть изготовлена в технике резки, лишь в двух случаях (рис.4:2,4) балясины изготовлены на токарном станке. Они крепились с помощью шипов на концах или в выемках между двумя планками. Единственная находка втульчатой балясины относится к XV в. (рис.4:4). Использовались плоские, круглые и полукруглые в сечении балясины. Большинство найденных балясин принадлежало, вероятно, мебели. Архитектурные балясины могли устраиваться в перилах, крыльцах, венчать какие-то сооружения (рис.4:4,5,9).

Предметы, связанные с внешним декоративным оформлением жилища единичны и фрагментарны. В слое XIII в. найден фрагмент доски (28x7 см) с зубчатой резкой по краю (рис.4:11); возможно, это кромка причелины. Из слоя того же времени происходит планка (21x2 см) с полукруглой резкой по краю (рис.4:12); возможно, это фрагмент подзора. В слое 2-ой пол. XIV в. найдена архитектурная деталь (6—9x11 см).

В целом следует отметить, что количественно псковская коллекция предметов, относящихся к домостроению, значительно менее представительна, нежели аналогичная коллекция из Неревского раскопа Новгорода. Связано это с худшей сохранностью предметов из органических материалов в культурном слое Пскова или с иными причинами, покажет дальнейшее накопление материала.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО. 1985. // Археология СССР 15. Москва.

ЗАСУРЦЕВ, П.И. 1959. Постройки древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР 65. Москва.

КОЛЧИН, Б.А. 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия // Свод археологических источников E1-55. Москва.

1971. Новгородские древности. Резное дерево // Свод археологических источников E1-55. Москва.

ЛЫСЕНКО, П.Ф. 1989. Открытие Берестья. Минск.

ОПОЛОВНИКОВ, А.В. 1983. Русское деревянное зодчество. Москва.

ОБ ОБРАЩЕНИИ ПОЛЬСКИХ МОНЕТ ВЛАДИСЛАВА II ЯГЕЛЛО НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО КНЯЖЕСТВА

Монеты — один из наиболее распространенных элементов материальной культуры на археологических памятниках Юго-Восточной Европы эпохи средневековья. Они, в той или иной мере, датируют значительную часть памятников и свидетельствуют об экономических и культурных связях населения, оставившего их; данные же о монетно-денежном обращении в регионе являются важным источником экономической и политической истории. Однако, полноценное и обоснованное использование монет в хронологических построениях археологов или обобщающих работах историков требует определенной осторожности и рассмотрения особенностей обращения отдельных групп монет, в том числе локальных отличий в их хождении.

Польские монеты Владислава II Ягелло (1386—1434) являются одной из групп монет кон. XIV — нач. XV вв., получивших распространение в Юго-Восточной Европе. Решение вопроса о хронологии их обращения важно не только для использования этой категории нумизматических материалов в качестве хронологических индикаторов, но и для изучения монетного обращения и экономики Молдавского княжества. А. А. Нудельман по материалам кладов считал, что польские монеты Владислава II Ягелло на территории Молдавского княжества имели хождение с кон. XIV или нач. XV в. и до нач. 2-го десятилетия XVII в. (1990:190—196). По нашему мнению, эта точка зрения нуждается в уточнении.

Наиболее ранними из кладов, найденных на территории Молдавского средневекового княжества и содержащих польские монеты Владислава II Ягелло, являются комплекс у с. Маморница (Черновицкой обл. Украины) и нелокализованная

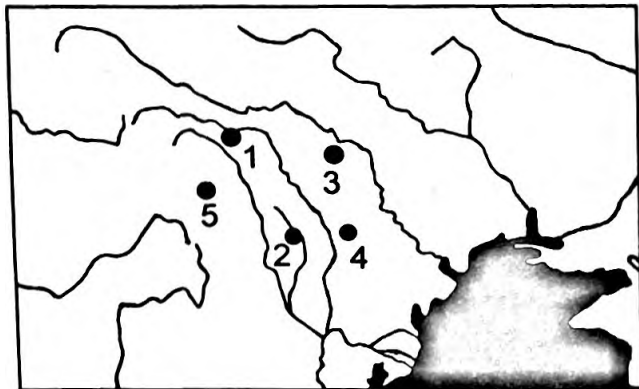

Рис. 1. Находки кладов с польскими монетами Владислава II Ягелло на территории Молдавского княжества: 1 — Маморница, 2 — Молдавия, 3 — Кугурешты, 4 — Микауцы, 5 — Бая.

находка из Молдавии (Полевой 1956:97; Котляр 1966:136). Клад, найденный у с. Маморница, содержал 3 польские монеты Владислава II Ягелло и свыше 100 грошей молдавского господаря Петра I Мушата (1373—1392). Монеты последнего в подавляющем большинстве комплексов датируются по времени сокрытия не позднее кон. XIV в. — известен только один клад самого нач. XV в. с его грошами — (Нудельман 1975:110—111; Висиг 1981:601—602), в связи с чем комплекс у с. Маморница должен быть датирован не позднее чем кон. XIV в. (в крайнем случае, руб. XIV — XV вв.).

Нелокализованная находка из Молдавии содержала червонорусские, львовские и польские монеты Владислава II Ягелло и молдавские монеты неизвестного эмитента. Судя по отсутствию в комплексе более поздних монет XV в., данный клад может быть датирован кон. XIV в. или не позднее, чем 1-ой тр. XV в. В связи с отсутствием информации о молдавских монетах клада, он может быть отнесен к хронологически малодостоверным.

Следующим по времени молдавским кладом, содержащим польские монеты Владислава II Ягелло, был комплекс из с. Кугурешты (Флорештского р-на Респ. Молдова). По времени сокрытия он датируется 2-ой четв. XV в. Однако по отношению к этому кладу встает вопрос: в какой мере он является памятником монетного обращения Молдавского княжества? В Кугурештском

кладе известно 596 монет, из них 415 относятся к чеканке Галицкой Руси, 108 — Чехии, 21 — Польши, 5 — генуэзско-татарским, 40 — Золотой орды и только 1 грош принадлежит к выпускам молдавского господаря Александра I Доброго (1400—1432; Маркевич, Полевой, Фин 1961:75—112). Если сравнить распределение монет из Кугурештского клада с другими одновременными комплексами, найденными на территории Молдавского средневекового княжества, то заметны значительные отличия. Из 20 других кладов XV в., молдавские монеты содержат 14 (при этом данные монеты в них являются единственными или численно преобладающими), монеты Чехии, Золотой орды и генуэзско-татарские сосредоточены в одном комплексе, а клады с монетами Галицкой Руси и Польши вообще отсутствуют. Клад из Кугурешт по своему составу близок комплексам из сопредельных областей Украины и отражает скорее монетно-денежное обращение Галицкой Руси, а не Молдавского княжества. Найден он в В части Пруто-Днестровского междуречья, недалеко от Днестра, то есть, в непосредственной близости от границы Молдавского средневекового княжества с Польским королевством и его владениями в Галицкой Руси. Представляется неправомерным распространять материалы данного клада и пограничного региона, где он был найден, на всю территорию Молдавского княжества.

Клад, найденный у с. Микауцы (Страшенского р-на Респ. Молдова), является следующим по времени сокрытия комплексом с польскими монетами Владислава II Ягелло. Датируется он по младшей монете 1536 г. и состоит только из монет Польского королевства. Состав клада не является уникальным для комплексов XVI в. с территории Молдавского княжества: в это время польские чеканки заняли достаточно видное положение в экономике княжества. Однако, из 26 монет клада только 1 относится к выпускам Владислава II Ягелло (Нудельман 1988:129—130). Фактически монеты, выпущенные в период правления этого короля, представляют в кладе только малочисленную и анахроническую примесь в основной массе монет 2-ой пол. XV — 1-ой тр. XVI вв.

Наиболее поздний по времени сокрытия клад, содержащий монеты Владислава II Ягелло, найден в Байе (Румыния). Датирован он 1-ой четв. XVII в. (Нудельман 1990:194—195). Судя по составу комплекса, польские монеты Владислава II Ягелло и в этом кладе были только анахроническим случайным элементом.

Состав и хронология рассмотренных комплексов позволяют предположить, что на территории Молдавского средневекового княжества польские монеты Владислава II Ягелло имели два основных периода обращения: 1-ый охватывал кон. XIV — нач. XV вв., 2-ой начался не ранее 1-ой тр. XVI в. В первом случае монеты польского короля Владислава II Ягелло совместно с другими монетами 2-ой пол. XIV — нач. XV вв. образуют единую хронологическую группу, составлявшую основу отложившихся в это время комплексов. Во 2-ом периоде монеты Владислава II Ягелло выступали совместно со значительно более поздними и многочисленными монетами. То есть, в первом случае рассматриваемые монеты были закономерным и существенным элементом монетно-денежного обращения, а во втором — случайным анахронизмом. Между этими периодами прошла большая часть XV в., когда данная группа монет не имела в Молдавском княжестве (по крайней мере, на большей части его территории) сколько-нибудь широкого распространения и проникала только на пограничные земли Поднепровья.

Ситуация с обращением польских монет Владислава II Ягелло не была уникальной. Известен целый ряд монет, появлявшихся в комплексах после длительного их отсутствия в обращении. Например, золотоордынские монеты XIV в., исчезнувшие из обращения Молдавского княжества в XV в., вновь появились в кладе XVI в. (Нудельман 1975:103—104). Византийские монеты VI в. в одном из кладов с территории Северной Добруджи представлены в кон. VII в., а в Крыму — в кладе IX в. (Ангелова, Пенчев 1989: 38—41; Кропоткин 1962:34). Подобное явление можно объяснить на основании фактов, известных о монетно-денежном обращении и особенностях исторического процесса на территории Молдавского княжества и Юго-Восточной Европы в целом. Рассмотрим обстановку в которой обращались польские монеты Владислава II Ягелло в XIV—XVII вв.

Как упоминалось выше, в нач. XV в. из обращения Молдавского княжества исчезли молдавские монеты, выпущенные в XIV в., что можно связать с монетной реформой господаря Александра I Доброго (1400—1432) и вытеснением в ходе нее более ранних молдавских монет. В этом случае встает вопрос о судьбе иностранных монет, имевших хождение в Молдавском княжестве в XIV в. Можно предположить, что часть из них была изъята (или вышла) из обращения одновременно с молдавскими грошами XIV в. К числу таких монет, вероятно, можно отнести и монеты

Владислава II Ягелло. Именно с событиями нач. XV в. можно связать их исчезновение из экономики княжества в XV в.

Возобновление хождения монет Владислава II Ягелло приходится на 1-ю тр. XVI в. Это было время усиления экспансии Османской империи в Юго-Восточной Европе и, в частности, в Молдавии. Наступление Турции на земли к С от Дуная началось еще во 2-ой пол. XV в. и выразилось, прежде всего, в захвате молдавских портов на Черном море в 1484 г. (Килия и Белгород). Молдавское княжество вынуждено было признать вассальную зависимость от Османской империи и выплачивать постепенно возрастающую дань (История... 1976; Киртоагэ 1992; Istoria... 1992). Это приводило к оттоку серебра из Молдавского княжества и вызвало кризис монетно-денежного обращения. Именно в 1-ой тр. XVI в. прекратилась систематическая чеканка молдавских монет и резко возросла пестрота монетной массы, обращавшейся на территории княжества. Иностранные монеты как бы компенсировали нехватку местных "национальных" денежных знаков. Одним из компонентов монетной массы, поступившей на рынок Молдавского княжества в XVI—XVII вв. были монеты Польского королевства.

На территории сопредельной Молдавскому княжеству Червонной (Галицкой) Руси монеты Владислава II Ягелло были широко представлены как в кладах XV в., так и в комплексах XVI в. Можно предположить, что когда в 1-ой тр. XVI в. в Молдавское княжество хлынул поток монет из Галицкой Руси, то в общей массе поступивших монет были и чеканки Владислава II Ягелло. Иными словами, они возобновили свое хождение на территории Молдавского княжества после длительного перерыва в XV в.

Таким образом, хождение польских монет Владислава II Ягелло на территории Молдавского средневекового княжества характеризовалось существенным своеобразием, отличавшим его от соседних земель (в т. ч., Галицкой Руси). Это прежде всего выразилось в "разорванном" на две части периоде обращения данных монет и зависимости их хождения от процессов, происходивших в Молдавском княжестве и во владениях Польского королевства.

АНГЕЛОВА, С., В. ПЕНЧЕВ. 1989. Сребърно съкровище от Силистра // Археология 2: 38—43. София.

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА МССР. 1976. Кишинев.

КИРТОАГЭ, И. Г. 1992. Юг Днестровско-Прутского междуречья под Османским владычеством (1484—1595 гг.). Кишинев.

- КОТЛЯР, М.Ф. 1968. Галицька Русь у другій половині XIV— першій чверті XV ст. Кипв.
- КРОПОТКИН, В.В. Клады византийских монет на территории СССР. Свод археологических источников Е4—4. Москва.
- МАРКЕВИЧ, В.И., Л.Л.ПОЛЕВОЙ, Ш.Р.ФИН. 1961. Кугурештский монетно-вещевой клад XV в. // Труды Государственного историко-краеведческого музея 1: 75—112. Кишинев.
- НУДЕЛЬМАН, А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв. (по материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века: 94—124. Кишинев.
1988. Несколько неизданных монетных кладов XVI в. из Днестровско-Прутского региона // Археологические исследования в Молдавии в 1983 г.: 126—141. Кишинев.
1990. Бэхринештский клад и польско-литовские монеты в молдавских тезаврациях // Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы: 185—203. Кишинев.
- ПОЛЕВОЙ, Л.Л. 1956. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII — XV вв. // Известия МФ АН СССР 4/31: 91—105. Кишинев.
- BUCUR, M. 1981. Descoperile monetare im România (1974—1976) // Buletinul Societății Numismatice Române 124—128: 559—608. București.
- ISTORIA ROMÂNIEI ÎN DATE. 1992. Crișinău: Crai-nou.
- KOTLAR, M. 1975. Znaleziska monet z XIV—XVII w. na obszarze Ukraińskiej SSR. Materiały. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdansk.

ФОРМАТ НОВГОРОДСКИХ БРУСКОВЫХ КИРПИЧЕЙ КОНЦА XIII—СЕРЕДИНЫ XV ВВ.

Наиболее характерной чертой послемонгольского строительства в западных и северо-западных русских областях является смена строительного материала: домонгольскую плинфу и цемянку заменяет брусковый кирпич и известково-песчаный раствор. Если для западной и юго-западной Руси источник их появления — польские земли, то для Новгорода вопрос о путях появления этих материалов остается открытым. Основное отличие новгородского брускового кирпича от западно-русского — это отсутствие продольных борозд на одной из постелей. Едва ли не самой главной, хотя и не единственной характеристикой кирпича является его формат. Именно изменения формата кирпича новгородских памятников будут рассмотрены в данном очерке. Для анализа использованы данные по 34 памятникам новгородского зодчества кон. XIII — сер. XV вв., взятые из публикаций и паспортов памятников, а также любезно предоставленные Л. Е. Красноречевым и В. А. Булкиным. Собственные промеры кирпичей не производились; сведения паспортов не всегда согласуются с данными публикаций, в таких случаях указаны оба варианта, за основные приняты реставрационные

* Большое значение имеют также такие показатели как цвет, характер теста, наличие или отсутствие знаков или клейм на одной из постелей и т. д. К сожалению, эти сведения в публикациях чаще всего отсутствуют.

** Авторы не ставили своей целью построение датирующей шкалы по брусковому кирпичу, как это сделали П. А. Раппопорт и Г. М. Штендер по плинфе (Штендер 1980:80,86; Раппопорт 1982: табл. 1,2). Во-первых, далеко не все памятники новгородской архитектуры XIV-XV вв. достаточно хорошо исследованы, и во-вторых, колебания формата кирпича в Новгороде подчас очень сильны даже в рамках одного десятилетия. Главную задачу авторы видят в выделении общих закономерностей эволюции формата кирпича.

*** Благодарим Л. Е. Красноречеву и В. А. Булкина за разрешение ознакомиться с результатами их исследований и использовать эти материалы в работе.

промеры. Данные о формате кирпича новгородских храмов сведены в таблицу.

Таблица 1. *)

№	Церковь	Дата	Длина кирпича	Ширина кирпича	Толщ. кирп.
1	Никола на Липне кв. декоративный кирпич	1292 —	26 22—25	12—13 22—25	8—9 9—10
2	Федор Стратилат на Ручью	1292—94	28—30	14—15	7—8
3	Михаил Архангел на Торгу	1300	24—26 22,5—30	13,5—14,5 12,5—14,5	7—8,5 6,5—8,4
4	Никола Белый	1312—13	30—31	14—15	8—9
5	Благовещения на Городище	1342	29—30,5 28—30,5	13,5—15 14—15	7—8 7,5—8,5
6	Спаса на Ковалеве	1345	30—32 28—30	15—16 13,5—14,5	8—9 7,5—8,5
7	Успения на Болотове	1352	29,5—30,5 28—30,5	14,5—15	7—7,5 6—7,6
8	Знамения на Ильине	1354	28,5—29,5	13,5—15	7—8
9	Федор Стратилат на Ручью	1360	28—28,5	13,5—14	6,5—7
10	Троицы на Редятине	1365	27,5—29,5	13—14	6—6,5
11	Петра и Павла на Славне	1367	27—28	13—14	6—7
12	Спаса на Ильине	1374	27—29	14—14,5	6,6—7
13	Богородицы на Молоткове	1379	26,5—27,5	14—14,5	6,5—7
14	Рождества Христова на Кладб.	1381—82	25—26	13—15	6—7
15	Иоанна на Витке	1383	27—28	13—14	7
16	Воскресения на Мячине	1386	26—29	14—15	6,5—7
17	Успения на Торгу	1388	26—28	13—14,5	7—8
18	Собора архангела Михаила	1395	25—26,5	14—15	6,5—7,5
19	Покрова Зверина монастыря	1399	27	12,5	7
20	Петра и Павла в Кожевниках	1406	26,5—28 28—29	13—14 12,5—14,5	6,5—7,5 6—7
21	Чуда Архистратига Михаила	1407	29—29,5	13,5—14,5	6—7

№	Церковь	Дата	Длина кирпича	Ширина кирпича	Толщ. кирп.
22	Власия	1407	28	14—14,5	6—6,5
23	Афанасия и Кирилла	1415	27,5	12,5	6
24	Саввы Освященного	1418	28	12	6
25	Спаса на Розваже	1412	27 пол: 22 23	14 11 10	5,5 6 6
26	Иоанна Милостивого на Мяч.	1421—22	27—30	13—13,5	6,5—7
27	Михаила Архангела на Торгу	с. XV в.	26—28	13,5—14,5	5—6
28	Иоанна на Опоках	1453	27,5	13,5	5,5
29	Двенадцати Апостолов	1455	26	13	5,5
30	Успения на Торгу	1458	28	14,5	5—6,5
31	Дмитрия Солунского	1462	26—28	13—14	5—6
32	Сергия в Кремле	1459—63	25—27	14,5	5
33	Воскресения на Мячине	1465	26—28,5	13—15	4,5—6
34	Симеона Зверина монастыря	1468	24—25,5	12	5—5,5

*) Сведения о размерах кирпича взяты из следующих источников: 1 — Ядрышников 1984; 2 — Штендер 1977:436; 3 — Красноречьев 1964; Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк 1964:220; 4 — Штендер:91; 5 — Гладенко Красноречьев, Штендер, Шуляк 1964:222; Ядрышников 1985а; 6 — Белевич 1979а; 7 — Красноречьев 1963:9; Ядрышников 1985; 8 — Булкин 1989:14; 9 — Белевич 1979б; 10 — Красноречьев 1984:20; 11 — Белевич 1979в; 12 — Белевич 1979г; 13 — Белевич 1979д; 14 — Ядрышников 1981; 15 — Белевич 1979е; 16 — Белевич 1979ж; 17 — Белевич 1979з; 18 — Орлов, Красноречьев 1967:75; 19 — Белевич 1979и; 20 — Штендер 1966:215; Белевич 1979к; 21 — Орлов, Красноречьев 1967:75; 22 — Белевич 1979л; 23 — Орлов 1965:54; 24 — Полуобояринова 1965:297; 25 — Орлов 1961:215; 26 — Белевич 1979м; 27. Красноречьев 1964:25; 28 — Белевич 1980а; 29 — Белевич 1979н; 30 — Белевич 1979о; 31 — Максимов 1962:38; Белевич 1980б; 32 — Белевич 1980в; 33 — Белевич 1979п; 34 — Белевич 1979р.

Длина новгородских кирпичей колеблется от 26 см (щ. Николы на Липне, Двенадцати Апостолов) и даже 24—26 см (щ. Симеона) до 30—32 см (щ. Спаса на Ковалева). Отметим, что с кон. XIII в. по 1352 г. колебания длины кирпича незначительны, средние размеры составляли 29—31 см (за исключением щ. Николы на Липне, Михаила на Торгу и Спаса на Ковалева).

Сер. 50-х гг. XIV в.— 70-е гг. XIV в. — эпоха эволюции длины

кирпича в сторону ее уменьшения: от 28,5–29,5 см в ц. Знамения до 26,5–27,5 в ц. Богородицы на Молотково (несколько выпадает из этого ряда кирпич ц. Спаса на Ильине – 27–29 см, тогда как для 60-х – нач. 70-х гг. более характерна длина кирпича, составляющая 26,5–28 см). В 80-е гг. XIV в. длина кирпича стабилизируется – 26–28+1,5 см и существует до нач. 50-х гг. XV в., однако применялся также кирпич небольшой длины (ц. Рождества на Кладбище, соб. Архангела Михаила в Аркажском мон-ре), и кирпич с повышенной длиной (щ. Воскресения на Мячине, Чуда Архистратига Михаила в Аркажском мон-ре, Иоанна Милостливого на Мячине). С сер. 50-х гг. XV в. не очень четко проступает тенденция к еще меньшей длине – от 26 см (ц. Дмитрия на Славно) до 24–25,5 см (ц. Симеона Зверина мон-ря). Однако, в это же время в храмовом строительстве используется и длинный кирпич – 26–28,5 см (перестройки щ. Воскресения на Мячине и Успения на Торгу). “Длинный” кирпич в обоих случаях связан с т. н. “реставрациями” уже существовавших храмов, причем новый кирпич по длине почти совпадает со старым. Забегая вперед, отметим, что то же касается и ширины кирпича.

Таким образом, кирпич длиной 26–28 см может быть датирован в широком диапазоне – от 60-х гг. XIV в. до нач. 50-х гг. XV в. Однако кирпич большей длины (28–30 см) в Новгороде был распространен только в кон. XIII – 1-ой пол. XIV вв. Кирпичи небольшой длины (24–26,5 см) могут относиться как к кон. XIII, так и к 50-60-м гг. XV в.

Процесс эволюции ширины кирпича в общем несет в себе черты определенного сходства с эволюцией длины. Ширина новгородских кирпичей колеблется от 12 см (ц. Симеона) до 15–16 см (ц. Спаса на Ковалева). С кон. XIII в. по нач. 50-х гг. XIV в. ширина кирпича остается более или менее постоянной – 13,5–15 см (за исключением ц. Николы на Липне – 12–13 см и ц. Спаса на Ковалева – 15–16 см). Последней постройкой, в которой кирпич имел такую ширину, была ц. Знамения 1354 г. Для 1360-х гг. характерен размер 13–14 см, а для 1370-х – 14–14,5 см. В 1380–90-е гг. применяется в основном кирпич шириной 14–15 см (щ. Воскресения на Мячине, Архангела Михаила в Аркажском мон-ре), исключение составляет ц. Иоанна на Витке – 13–14 см. В 1399 г. строится ц. Покрова Зверина мон-ря, кирпич которой характеризуется необычно малой шириной – 12,5 см. В нач. XV в. преобладает размер 13–14,5 см (напр., ц. Власия). В 1410-е гг. ширина кирпича уменьшается до 12–12,5 см (щ. Афанасия и Кирилла, Саввы Освященного). В 1420–1460-

х гг. ширина кирпича — 13–14 см (ц. Двенадцати Апостолов, Спаса на Розваже).

Таким образом, кирпич шириной 13–14 см применялся в течении всего XIV и XV вв. и такая ширина не может служить основанием для датировки памятника. Кирпич большей ширины — 14–15 см был характерен для двух периодов: 1290–1350-х гг. и 1380–1390-х гг. Меньшая ширина кирпича — 12–12,5 см, вероятнее всего, может указывать на кон. XIV — нач. XV вв.

Третий показатель формата — толщина. Она колеблется от 8–9 см (ц. Николы на Липне, Николы Белого, Спаса на Ковалева) до 5,5 см (ц. Иоанна на Споках, Двенадцати Апостолов). С 1292 по 1345 г. наблюдаются слабые колебания в толщине — от 8–9 до 7–8 см (ц. Благовещения на Городище). Далее, на протяжении 2-ой пол. XIV в. толщина остается стабильной — 6–7,5 см (ц. Успения на Волотове, Чуда Архистратига Михаила в Аркажском мон-ре), при преобладании размера 6,5–7 см, хотя в ц. Знамения на Ильине толщина кирпича — 7–8 см. С 1407 г. (ц. Власия) толщина уменьшается до 6–6,5 и даже 5–5,5 см; такая толщина (5,5–6 см) характерна для памятников 1-ой пол. XV в., причем эволюция идет в сторону уменьшения.

Таким образом, толщина кирпича 7,5–9 см является датирующим признаком для 1290–1340-х гг.; толщина 6–7,5 см характерна для памятников 2-ой пол. XIV в. С 1407 г. наблюдается значительное уменьшение толщины: размер 5,5–6 см свидетельствует о принадлежности памятника к XV в. То есть, толщина кирпича является наиболее точной характеристикой, позволяющей датировать памятники: исключения из общего эволюционного ряда более редки, чем в случае с длиной и шириной.

В целом, в кон. XIII — 1-й пол. XIV вв. наиболее широкое распространение получил большеформатный кирпич 29–31x13,5–15x7,5–9 см, который, однако, имеет отклонения как в большую, так и в меньшую стороны. Исключением из данного ряда является кирпич ц. Николы на Липне (26x12–13x8–9). В сер. XIV в. большеформатный кирпич сменяет кирпич менее крупного формата, размеры которого колеблются в достаточно широких пределах: 27–29,5x13–14,5x6–7,5 см. Внутри этого периода существуют несколько заметных групп памятников, выделяющихся прежде всего по ширине кирпича. С 1407 г. основным форматом является 26,5–28x12,5–14x5,5–6 см.

Все три формата кирпича выделены нами с известной долей условности. Если для плинфы, как показал П. А. Раппопорт

(1982:26–29) толщина не может служить датирующим признаком, то для брускового кирпича памятников 1360–1460-х гг. это же относится к длине кирпича. Ширина кирпича в сочетании с другими признаками может в отдельных случаях помочь датировать памятник. Единственным показателем, позволяющим выделить три этапа в эволюции формата кирпича и более или менее точно датировать здания является толщина: она позволяет устанавливать датировки с точностью до 50 лет. Сочетание же двух–трех характеристик позволяет достигать точности в 10 лет.

Сравнение данных по новгородскому кирпичу со сведениями об эволюции формата юго-западного кирпича показывает, что от северо-западного последний отличается (в XIII в.) прежде всего меньшей длиной (25–27 см) и большей толщиной (8–9 см). В эволюции западных брусковых кирпичей намечаются две тенденции: в сторону увеличения длины и в сторону уменьшения толщины. То есть, изменения формата кирпича в западной и северо-западной Руси подчинено разным закономерностям.

Проделанный анализ эволюции формата кирпича может быть полезен не только для датировки вновь найденных памятников XIV–XV вв., но и для изучения памятников с архитектурной точки зрения. Необходимо сравнить, совпадают ли изменения в формате кирпича с изменениями в строительной и архитектурной практике. На сегодня можно отметить два таких совпадения:

1. В 1360-х гг. в Новгороде окончательно устанавливается новый тип храма, отличающийся от предыдущих как решением внутреннего пространства (Петров, Седов 1988:51), так и оформлением фасадов (Соленикова 1995:103). В это же время появляется новый формат кирпича.

2. Примерно с 1407 г. в новгородской архитектуре формат кирпича снова начинает трансформироваться. Одновременно изменяются и формы храмов: появляются элементы зальности в интерьере (Петров, Седов 1988:51), архитектурный декор становится лаконичней, постепенно изменяются соотношения конструктивных и декоративных элементов фасада в сторону доминирования последних.

Данные натурных исследований и ввод в научный оборот новых памятников внесут, безусловно, определенные коррективы и изменения в предложенную выше схему.

БЕЛЕВИЧ, М.С. 1979а. Паспорт ц. Спаса на Ковалеве // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X–1.34, №116, р.VIIa.

- 1979б. Паспорт ц. Федора Стратилата на Ручью // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, октябрь 1979, 3.4.X-1.34, №97, р.VIIa.
- 1979в. Паспорт ц. Петра и Павла на Славне // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 25.02.79. 3.4.X-1.34, №101, р.VIIa.
- 1979г. Паспорт ц. Спаса Преображения в Новгороде // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, ноябрь 1979, 3.4.X-1.34, №102, р.VIIa.
- 1979д. Паспорт ц. Богородицы на Молотково // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, №99, р.VIIa.
- 1979е. Паспорт ц. Иоанна Богослова на Витке // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, ноябрь 1979, 3.4.X-1.34, №98 р.VIIa.
- 1979ж. Паспорт ц. Воскресения на озере Мячино // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, октябрь 1979, 3.4.X-1.34, №52, р.VIIa.
- 1979з. Паспорт ц. Успения на Торгу // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, декабрь 1979, 3.4.X-1.34, №79, р.VIIa.
- 1979и. Паспорт ц. Покрова Зверина монастыря // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X-1.34, №48, р.VIIa.
- 1979к. Паспорт ц. Петра и Павла в Кожевниках // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X-1.34, №46, р.VIIa.
- 1979л. Паспорт ц. Власия. // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X-1.34, №43, р.VIIa.
- 1979м. Паспорт ц. Иоанна Милостливого на озере Мячино // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, октябрь 1979, 3.4.X-1.34, №53, р.VIIa.
- 1979н. Паспорт ц. Двенадцати Апостолов // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X-1.34, №44, р.VIIa.
- 1979о. Паспорт ц. Успения на Торгу // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, декабрь 1979, 3.4.X-1.34, №79, р.VIIa.
- 1979п. Паспорт ц. Воскресения на озере Мячино // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, октябрь 1979, 3.4.X-1.34, №52, р.VIIa.
- 1979р. Паспорт ц. Симеона Богоприимца Зверина монастыря // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.X-1.34, №49, р.VIIa.
- 1980а. Паспорт ц. Иоанна на Опоках // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, февраль 1980, 3.4.X-1.34, №77, р.VIIa.
- 1980б. Паспорт ц. Дмитрия Солунского // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, март 1980, 3.4.X-1.34, №92, р.VIIa.
- 1980в. Паспорт ц. Сергия в Кремле // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, февраль 1980, 3.4.X-1.34, №19, р.VIIa.
- БУЛКИН, В.А. 1989. Отчет о работе по теме "Архитектурное изучение памятников каменной архитектуры Новгорода XII-XVII вв." // Архив Архив Новгородского филиала института "Спецпроектреставрация", №P-2477: 14.
- ГЛАДЕНКО, Т.Е., Л.Е.КРАСНОРЕЧЬЕВ, Г.М.ШТЕНДЕР, Л.М.ШУЛЯК.
1964. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города: 220. Москва.

- КРАСНОРЕЧЬЕВ, Л.Е.** 1963. Отчет об исследовании и консервации руин Волотовской церкви под Новгородом в 1955 г. // Архив Новгородского филиала института "Спецпроектреставрация", Ш.0073, №Р-492: 9.
1964. Отчет по исследованию и реставрации церковью Михаила Архангела и Благовещения на Торгу // Архив Новгородского филиала института "Спецпроектреставрация", Ш.0033.0096, №Р-49: 24.
1984. Научный отчет по исследованию, реставрации и приспособлению ц. Троицы в Ямской // Архив Новгородского филиала института "Спецпроектреставрация", Ш.0081, №Р-1860: 20.
- МАКСИМОВ, П.Н.** 1962. Ц. Дмитрия Солунского в Новгороде // Архитектурное наследие 14: 38. Москва.
- ОРЛОВ С.Н.** 1961. К топографии древнего Новгорода // Советская археология 4: 215.
1965. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода // Ученые записки НГПИ, некоторые вопросы истории СССР 1, в.1: 54. Новгород.
- ОРЛОВ, С.Н., Л.Е.КРАСНОРЕЧЬЕВ.** 1967. Археологические исследования на месте Аркажского монастыря под Новгородом // Культура и искусство Древней Руси. Ленинград.
- ПЕТРОВ, Д.А., ВЛ.В.СЕДОВ.** 1988. Конструктивная типология новгородских крестовокупольных храмов XVI в. // Земля псковская, древняя и социалистическая [3]: 51–52. Псков.
- ПОЛУБОЯРИНОВА, М. Д.** 1965. Раскопки ц. Саввы Освященного в Новгороде // Советская археология 1: 297.
- РАППОПОРТ, П.А.** 1982. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // Новгородский исторический сборник I (11): 189–202. Ленинград.
- СОЛЕНИКОВА, Е.В.** 1995. О происхождении закладных крестов в новгородской архитектуре // Материалы 1-ой всеросс. конф. "Церковная археология". 2. Христианство и древнерусская культура: 103–104. Санкт-Петербург – Псков.
- ШТЕНДЕР, Г.М.** 1966. Новгородская ц. Петра и Павла в Кожевниках // Советская археология 2: 215.
1977. О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // Памятники культуры. Новые открытия: 436. Москва.
1980. "Деисус" Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI–XVII вв.: 77–92. Москва.
1991. Исследование и реставрация церкви Николы Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования: 91. Москва.
- ЯДРЫШНИКОВ, В.А.** 1981. Паспорт ц. Рождества Христова на Красном поле // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, август 1981, 3.4.–1.34, №94, р.VIIa.
1984. Паспорт ц. Николы на Липне // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.–1.34, №114, р.VIIa.
- 1985а. Паспорт церкви Благовещения на Городище // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.–1.34.1, №109, р.VIIa.
- 1985б. Паспорт ц. Успения на Волотове, 1985 // Архив Новгородской производственной группы охраны памятников, 3.4.–1.34.1, №110, р.VIIa.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОНИЩА В ПСКОВЕ

Первые археологические исследования на территории псковского Полонища (городские кварталы в междуречье Псковы и Великой, ограниченные стенами Среднего и Окольного города) были проведены в 1912 г., а продолжены в 1937 и 1947 гг. Но начало целенаправленного изучения этой части городской территории Пскова относится к 1955 г., когда Псковская экспедиция Эрмитажа провела исследования на месте строительства жилого дома по ул. Некрасова, 36 (Гроздилов 1962:38–41). В раскопе были открыты остатки замощения Нового Торга Пскова и, возможно, остатки одной из лавок Торга. С 1967 г. исследования на Полонище становятся регулярными. Результаты раскопок 1960–70-х гг. (Лабутина 1983:7–45) и анализ сведений письменных источников позволили И. К. Лабутиной рассматривать Полонище как часть городской территории “где образование посада началось в XIV в. и где в начале XVI в. сохранились еще огороды и “садники” (Лабутина 1985:111).

К настоящему времени на территории Полонище проведено около 40 раскопок (рис.1). К сожалению, значительная часть материалов этих раскопок остается не опубликована, и в литературе имеются только краткие сведения о полученных результатах. Но даже такие сведения позволяют в общих чертах представить процесс формирования городской застройки в этой части средневековой псковской крепости (таблица).

Таблица 1.

№	XII–XIII в.	XIV в.	к. XIV–XV в.	к. XV–XVI в.	XVII в.	к. XVII – XVIII в.
1	+		+	+	+++	+++

№	XII-XIII в.	XIV в.	к. XIV-XV в.	к. XV-XVI в.	XVII в.	к. XVII - XVIII в.
2				+	+++	+++
3	+		+	+	+++	+++
4				?	?	?
5				+	+++	+++
6				?	+++	+++
7				+	+	?
8				?	?	?
9	?	?	?	?	+	+++
10				+	+	?
11			?	?	?	?
12				+	+++	?
13				?	?	?
14				?	+	+++
15				?	+	?
16				?	+	?
17				?	+	+++
18			?	+	+++	+++
19			?	+	+++	+++
20	?	?		?	+++	+++
21				?	?	?
22			?	+	+++	+++
23	+		+	+++	+++	+++
24	+			+++	+++	?
25	+			+	+++	+++
26	+			+	+++	?
27	?			?	?	?
28	+			+	+++	+++
29	+			+++	+++	+++
30	?		?	?	?	?
31				+	+++	+++
32			+	+	+++	?
33				?	?	?

№	XII—XIII в.	XIV в.	к. XIV—XV в.	к. XV—XVI в.	XVII в.	к. XVII—XVIII в.
34				+	+++	+++
35			+	+	+++	?
36	+			+	+++	+++
37				?	?	?
38				?	+++	+++
39				+	+	?

+ — единичные предметы и фрагменты керамики;

++ — слабо выраженный слой, единичные объекты;

+++ — отчетливо выраженный слой, остатки застройки;

? — сведения недостаточны

*) 1 — 1992 г., ул. Красных партизан, 15, Казанский-2 р-п (Яковлев 1992:75—76); 2 — 1981 г., ул. Некрасова, Благовещенский р-п (Волочкова 1982:59—60); 3 — 1991 г. ул. Некрасова, 45, Никольский р-п (Степанов, Яковлева 1994а:97—109); 4 — 1991 г., р-п на Милицейском о-вке (Яковлева 1992:129—131); 5 — 1992 г., р-п у Дома Печенко; 6 — 1981—82 гг., ул. Спегальского, Михайловский р-п (Белецкий, Фролов 1982:57—59); 7 — 1993 г., ул. Свердлова, Михайловский-2 р-п (Яковлев 1994:7); 8 — 1992 г., ул. Красных партизан, 4, Казанский-1 р-п (Харлашов 1992:67); 9 — 1967 г., ул. К. Маркса, Новоторговский-2 р-п (Лабутина 1994:6—43); 10 — 1955 г., ул. Некрасова, 36 (Гроздилов 1962:38—42); 11 — 1987 г., ул. Некрасова, Новоторговский-5 р-п (Ершова 1988:148—149); 12 — 1980 г., ул. Гоголя, 25 (Александров 1982:54—55); 13 — 1987 г., ул. К. Маркса, Петровский-3 р-п (Седов 1988:142); 14 — 1985 г., ул. К. Маркса, Петровский-2 р-п (Закурина 1986:78—79); 15 — 1982 г., ул. Некрасова, Новоторговский-3 р-п (Александров, Белецкий, Фролов 1984:5—6; Седов, Белецкий 1986:81); 16 — 1983—85 гг., ул. Ленина, Лужский р-п (Седов и др. 1985:76—77); 17 — 1981 г., Комиссаровский пер. (Александров, Белецкий, Волочкова, Москвина 1983:3—5); 18 — 1981 г., Октябрьский пр. (Колосова 1982:60—61); 19 — 1977 г., ул. Гоголя, 21 (Кильдюшевский 1983:105—118); 20 — 1947 г. р-п у ц. Анастасии в Кузнецях у Романовой горки (Тараканова 1949); 21 — 1988, 1990 гг., Кузнецкие 1 и 2 р-пы; 22 — 1978—79 гг., ул. Гоголя, 9 (Сергина 1983:81—104); 23 — 1990 г., ул. Советская, Васильевский р-п (Королева, Харлашов 1994:77—96); 24 — 1994 г., ул. Советская (Закурина и др. 1995:10—12); 25 — 1974—75 гг., Романова горка (Царькова 1976:47); 26 — 1989 г., ул. Детская (Ершова, Степанов 1990:95—97); 27 — 1983 г., ул. Детская (Фролов 1985:73); 28 — 1974 г., ул. Калинина (Овсянников, Царькова 1983:124—136); 29 — 1989—93 гг., Романова горка Кильдюшевский 1994:18—22); 30 — 1991—92 гг., ул. Гоголя, Кузнецкий-3 р-п (Александров 1992:131); 31 — 1991—92 гг. ул. Некрасова, 45, Кузнецкий-4 р-п (Яковлев 1992а:132—133); 32 — 1992 г., Комсомольский пер., раскоп у дома Масона (Королева 1992:133—135); 33 — 1982—1984 гг., Поганкины палаты (Седов и др. 1985:77); 34 — 1990—92 гг., палаты Подзюновых (Плоткин 1994:23—26); 35 — 1988 г., ул. Советская (Степанов 1992:135—136); 36 — 1991 г., ул. Советская, 47 (Кильдюшевский 1989:96); 37 — 1981 г., ул. Советская, 48; 38 — 1985 г. ул. Калинина, Покровский-1 р-п (Харлашов 1986:75—78); 39 — 1991 г., ул. Калинина, Покровский-2 р-п (Милютина 1992:137—138).

Наиболее изученными являются юго-западная часть Полонища — кварталы в окрестностях палат Подзноевых, Меншиковых и Поганкиных XVII в. (территория т.н. “Романовой горки” и ее ближайшие окрестности, см.: Кильдюшевский 1994:17–22; Плоткин 1994:23–26), а также СВ оконечность Полонища — район Солодежни и Дома Печенко XVII в. (Волочкова 1982:59,60; Белецкий, Фролов 1982:57–59; Степанов, Яковлева 1994а:97–109; 1994б:32–38; Яковлев 1994:7). Кварталы в СВ окраине Полонища хорошо известны по письменным источникам как “Пески”: здесь в кон. XIV–XV вв. основываются три монастыря — Никольский, Благовещенский и Михайловский (Лабутина 1985:171–177). Принято считать, что освоение района Песков под посадскую застройку относится к XV в. (Лабутина 1985:111), а в XVII в. застройка этой части города купеческими палатами происходила уже в пределах плотной застройки. В действительности дело обстоит иначе (Козюренко 1995:99–101). Результаты раскопок разных лет в районе Песков показали, что ко времени ранее 2-ой пол. XVI в. относятся лишь единичные материковые ямы, свидетельствующие о достаточно слабом освоении этой части территории псковской крепости под застройку. Открытые раскопками 1991 г. остатки древней Новгородской дороги XII–XIII вв. и следы окологородского поселения того же времени (Степанов, Яковлева 1994а; 1994б) свидетельствуют о том, что в период ранее XIV–XV вв. Пески, безусловно, находились за пределами городской территории Пскова. Это подтверждают и данные письменных источников о размещении монастыря Михаила Архангела “в Поле” (Лабутина 1985:171–177). Отчетливых напластований культурного слоя ранее XVII в. не обнаружено в Михайловском раскопе 1981–1982 гг. (Белецкий, Фролов 1982:58, 59): застройка и уличная планировка здесь уверенно относятся только к кон. XVII в. и более позднему времени, причем результаты раскопок хорошо соотносятся с топографией участка, зафиксированной планом 1740 г. Можно думать поэтому, что пространство в окрестностях Михайловского, Благовещенского и Никольского монастырей вплоть до 2-ой пол. XVII в. было застроено слабо, а отдельные участки оставались и вовсе не занятыми под постоянную застройку.

Сходная ситуация фиксируется раскопками в окрестностях каменных купеческих палат Меншиковых вт. пол. XVII в.: ко времени ранее XVI в. относятся единичные материковые ямы и немногочисленные фрагменты керамики, а вплоть до XIII в. здесь

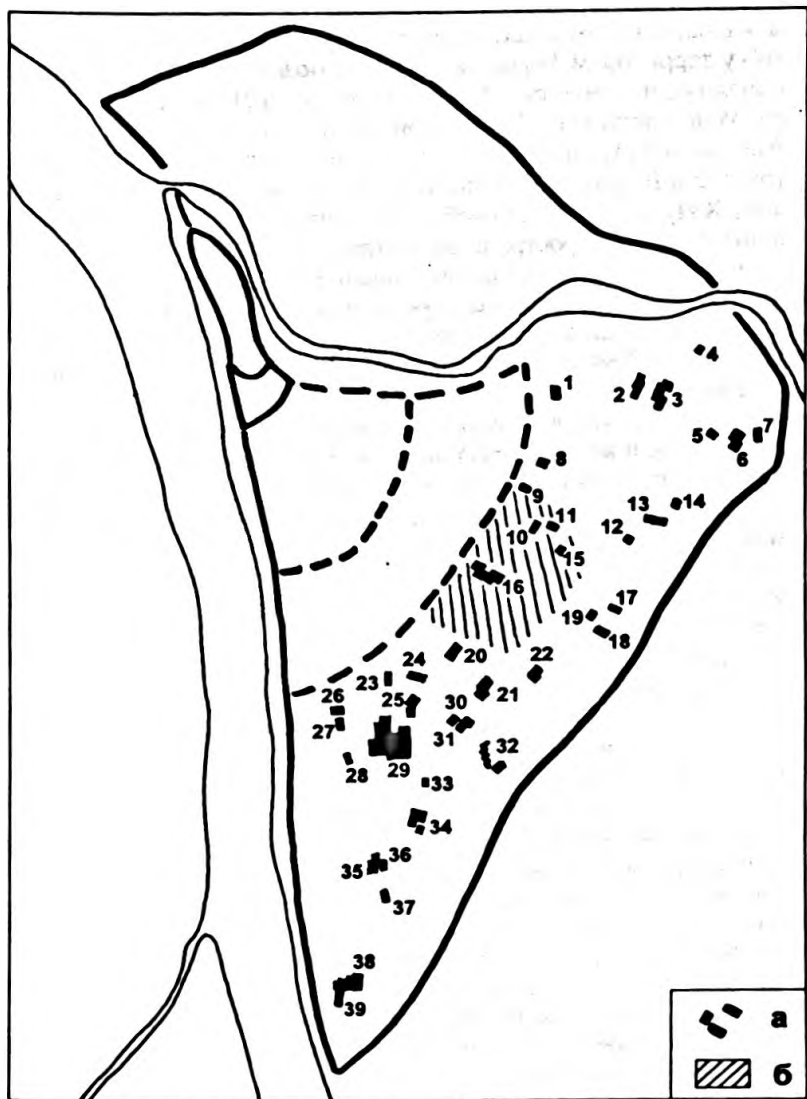

Рис. 1. Схема Псковской крепости с обозначением местоположения раскопов разных лет на территории Полонища (по: Археологическое изучение Пскова 1994:5, схема). Номера соответствуют таблице 1.

располагался околородской курганно-жальничный могильник (Кильдюшевский 1994:20,21; 1995:101–103). Освоение под посадскую застройку территории Романовой горки, позднее занятой усадьбой Меншиковых, начинается в XVI в. (в кон. XV в.?), причем вплоть до 1670-х годов у подножия Романовой горки над дневной поверхностью были видны курганные насыпи древнего могильника. Очевидно, и в этой части территории Полонища городская застройка вплоть до 2-ой пол. XVII в. оставалась свободной, напоминая, скорее, застройку околородского пространства, нежели собственно городскую.

Таким образом, процесс формирования застройки на территории Полонища представляется в следующем виде: в XII–XIII вв. существовали по крайней мере два района околородской застройки – в окрестностях Романовой горки и в северной части Полонища, у трассы древней Новгородской дороги (рис.2,а); в XIV в. территория Полонища оставалась за пределами территории, освоенной горожанами (рис.2,б); в кон. XIV–XV вв. (рис.2,в) территория Полонища включается в зону хозяйственного освоения пространства, примыкающего к городским стенам (городские предместья, т. н. “зона обитания”); с конца XV в. начинает формироваться застройка территории Полонища (рис.2,в), продолжавшаяся на протяжении всего XVI в., однако процесс оформления кварталов застройки вокруг городской торговой площади завершается только к XVII в. (рис.2,д,е).

Все сказанное позволяет утверждать, что ситуация, отмеченная письменными источниками для нач. XVI в., когда Новый Торг Пскова, перенесенный на Полонище в 1510 г., был размещен на территории садов и огородов (Лабутина 1985:149,150; Козюренко 1994:121–127), сохранялась и позднее – вплоть до десятилетий, последовавших за Смутным временем. Реально говорить о появлении сплошной жилой застройки на участках, примыкающих к Новому Торгу Пскова, можно, кажется, только с сер. XVII в. и с этого времени территория бывшего Полонища, уже полтора столетия входившая в черту городских фортификаций Пскова, действительно становится частью территории, занятой кварталами городской застройки. Именно в это время происходит широкомасштабное строительство на Полонище каменных купеческих палат (Спегальский 1963), и именно с этого времени на бывшие городские окраины Пскова перемещается деловая жизнь города (Белецкий С. 1993:96; 1994:48).

* Благодарю С.В. Белецкого (ИИМК РАН), предоставившего мне возможность использовать картотеку зарисовок керамики из раскопов разных лет на Полонище, а также сделавшего ряд замечаний, учтенных при подготовке текста к печати.

- АЛЕКСАНДРОВ, А.А. 1982. [Раскопки на ул. Гоголя] // Археология и история Пскова и Псковской земли [2]: 54–55. Псков.
1992. Раскоп Кузнецкий-III // Археология и история Пскова и Псковской земли [12]: 131. Псков.
- АЛЕКСАНДРОВ, А.А., С.В. БЕЛЕЦКИЙ, О.К. ВОЛОЧКОВА, Т.В. МОСКВИНА. 1983. Работы Псковской экспедиции Института археологии АН СССР и Псковского музея-заповедника // Археологические открытия 1981 года: 6–7. Москва.
- АЛЕКСАНДРОВ, А.А., С.В. БЕЛЕЦКИЙ, В.П. ФРОЛОВ. 1984. Охранные раскопки в Пскове // Археологические открытия 1982 года: 5–6. Москва.
- ГРОЗДИЛОВ, Г. П. 1962. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа 4: 38–41. Ленинград.
- БЕЛЕЦКИЙ, С.В. 1993. Древний Псков по данным археологии // Древности северо-запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): 78–97. Санкт-Петербург.
1994. Средневековый Псков (опыт периодизации) // Древний Псков. Исследования средневекового города: 43–49. Санкт-Петербург.
- БЕЛЕЦКИЙ, С.В., В.П. ФРОЛОВ. 1982. [Михайловский раскоп] // Археология и история Пскова и Псковской земли [2]: 57–59. Псков.
- ВОЛОЧКОВА, О.К. 1982. [Благовещенский раскоп] // Археология и история Пскова и Псковской земли [2]: 59–60. Псков.
- ЕРШОВА, Т.Е. 1988. Новоторговский-5 раскоп на Полонище // Археология и история Пскова и Псковской земли [6]: 148–149. Псков.
- ЕРШОВА, Т.Е., С.В. СТЕПАНОВ. 1990. Некоторые итоги археологических раскопок в районе ул. Детской // Археология и история Пскова и Псковской земли [11]: 95–97. Псков.
- ЗАКУРИНА, Т.Ю. 1986. Раскоп Петровский-2 // Археология и история Пскова и Псковской земли [6]: 78–79. Псков.
- ЗАКУРИНА, Т.Ю., С.В. СТЕПАНОВ, Б.Н. ХАРЛАШОВ, С.Е. ШУНЬГИНА, Е.А. ЯКОВЛЕВА. 1995. Раскопки в Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли [15]: 5–12. Псков.
- КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, В.И. 1983. Раскопки на улице Гоголя в 1977 г. // Археологическое изучение Пскова: 105–118. Москва.
1989. Раскоп на ул. Советской, 47 // Археология и история Пскова и Псковской земли [10]: 96. Псков.
1994. Псковская экспедиция ИИМК РАН (1976–1991 гг.) // Древний Псков. Исследования средневекового города: 15–23. Санкт-Петербург.
1995. Язычество и христианство в Пскове (по материалам погребальных памятников) // Материалы 1-ой всеросс. конф. “Церковная археология” I “Распространение христианства в Восточной Европе”: 101–103. Санкт-Петербург. Псков.
- КОЗЮРЕНКО, О.В. 1994. Новый торг Пскова (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии: 121–127. Санкт-Петербург.
1995. К топографии Полонища средневекового Пскова в XVI–XVII вв. // Древности северо-западной России. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П. Гроздилова: 99–101. Санкт-Петербург.

- КОЛОСОВА, И.О. 1982. Раскопки на Октябрьском проспекте // Археология и история Пскова и Псковской земли [2]: 60–61. Псков.
- КОРОЛЕВА, Э.А. 1992. Раскопки у дома Масона // Археология и история Пскова и Псковской земли [13]: 82–86. Псков.
- КОРОЛЕВА, Э.А., Б.Н.ХАРЛАШОВ 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова 2: 77–96. Псков.
- ЛАБУТИНА, И.К. 1983. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова: 7–45. Москва.
1985. Историческая топография Пскова в XVI–XV вв.: 3–247. Москва.
1994. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археологическое изучение Пскова 2: 6–43. Псков.
- МИЛЮТИНА, Н.Н. 1992. Археологические исследования в квартале улиц К. Либкнехта-Свердлова-Калинина-Красных просвещенцев // Археология и история Пскова и Псковской земли [12]: 136–138. Псков.
- ОВСЯННИКОВ, О.В., Л.А.ЦАРЬКОВА. 1983. Охранные работы на территории Застенья и Окольного города в 1973 и 1974 гг. // Археологическое изучение Пскова: 119–136. Москва.
- ПЛОТКИН, К.М. 1994. Исследования Псковского НТЦ (1991 г.) // Древний Псков. Исследования средневекового города: 23–26. Санкт-Петербург.
- СЕДОВ, В.В. 1988. Псковская экспедиция в 1987 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли [8]: 142–144. Псков.
- СЕДОВ, В.В., С.В.БЕЛЕЦКИЙ. 1986. Псковская экспедиция в 1980–1984 гг. // Краткие сообщения Института археологии 188: 76–83. Москва.
- СЕДОВ, В.В., О.К.ВОЛОЧКОВА, Т.Ю.ЗАКУРИНА, В.И.КИЛЬДЮШЕВСКИЙ, И.К.ЛАБУТИНА, В.Г.МИРОНОВА, К.М.ПЛОТКИН, Н.Н.ФАРАДЖЕВА. 1985. Работы Псковской экспедиции в 1984 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли [5]: 75–77. Псков.
- СЕРГИНА, Т.В. 1983. Раскопки в окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова: 81–104. Москва.
- СПЕГАЛЬСКИЙ, Ю.П. 1963. Псковские каменные жилые здания XVII в. // Материалы и исследования по археологии СССР 119: 5–172. Ленинград.
- СТЕПАНОВ, С.В. 1992. Раскоп на ул. Советской // Археология и история Пскова и Псковской земли [12]: 135–136. Псков.
- СТЕПАНОВ, С.В., Е.А.ЯКОВЛЕВА. 1994а. Раскопки на улице Некрасова (Никольский раскоп) // Археологическое изучение Пскова 2: 97–109. Псков.
- 1994б. Открытие древней Новгородской дороги (Никольский раскоп 1991 г.) // Древний Псков. Исследования средневекового города: 32–38. Санкт-Петербург.
- ТАРАКАНОВА, С.А. 1949. Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXVII: 104–112. Москва. Ленинград.
- ФРОЛОВ, В.П. 1985. Раскоп в Пскове на ул. Детской (1983 г.) // Археология и история Пскова и Псковской земли [5]: 73. Псков.
- ХАРЛАШОВ, Б.Н. 1986. Раскопки на ул. Калинина // Археология и история Пскова и Псковской земли [6]: 75–78. Псков.

1992. Некоторые итоги археологических раскопок в Пскове и Псковской области // Археология и история Пскова и Псковской земли [13]: 66–69. Псков.
- ЦАРЬКОВА, Л.А. 1976. Охранные раскопки в Пскове // Археологические открытия 1975 года: 47. Москва.
- ЯКОВЛЕВ, А.В. 1992а. Раскоп Кузнецкий-IV // Археология и история Пскова и Псковской земли [12]: 132–133. Псков.
- 1992б. Казанский-2 раскоп // Археология и история Пскова и Псковской земли [13]: 75–78. Псков.
1994. Раскопки Псковского археологического центра в 1993 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли [14]: 3–7. Псков.
- ЯКОВЛЕВА, Е.А. 1992. Исследования на Милицейском островке // Археология и история Пскова и Псковской земли [12]: 127–129. Псков.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ ДЖ. КВАРЕНГИ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Летом 1995 г. Петербургская экспедиция Северо-Западного филиала НИИ культурного и природного наследия (нач. эксп. П. Е. Сорокин) проводила археологические исследования в г. Царское село на перекрестке ул. Средней и Васенко.

Используя историческую справку, предоставленную УГИОП (Коренцвит 1995), а также немногочисленные публикации (Пильевский 1992; Коршунова 1977; Цылов 1857; Вильчковский 1911) и архивный материал, удалось в общих чертах восстановить историю участка и дома Джакомо Кваренги.

Предыстория исследуемого памятника такова: в 1780 г. по приглашению Екатерины II Дж. Кваренги прибывает в Петербург. Еще в Италии он обращал на себя общее внимание — так что не удивительно, что выбор русской императрицы остановился именно на нем. В том же году она поручает своему новому любимцу обустройство Царского села и его окрестностей. В нач. 80-х гг. Кваренги работал одновременно над десятком проектов, вновь и вновь варьируя палладианские композиции в усадебном строительстве. Классицизм как нельзя лучше соответствовал задачам преобразования провинциальных городов кон. 18 в., так как в соединении с правилами градостроения немало способствовал успешному осуществлению типологичес-

* Работы были заказаны Институту фирмой "Ракурс". При возникшей возможности застройки пустующего ныне участка УГИОП обязало заказчика произвести разведочные изыскания. Их целью являлось определение степени сохранности строительных конструкций кон. XVIII в. для принятия решения о целесообразности восстановления усадебного дома; фиксация всех строительных остатков более позднего времени; исследование элементов ландшафтной архитектуры усадьбы (дорожек сада, пруда, оград и решеток), а также топографическая привязка и нанесение всего обнаруженного на современную топооснову.

ки сложных и разносторонних программ. Итальянская же ветвь палладианства была в то время одной из самых модных и распространенных интерпретаций классицизма.

В 1782 г. Кваренги работает над проектами сразу 4 построек в Царском селе: Храма Дружбы, Холодной бани, Руины-кухни — для Дворцового парка, а также над проектом усадьбы, воспроизводящей традиционную для автора композицию провинциальной городской жилой усадьбы. Благодаря рисункам Дж. Кваренги и обмерному чертежу В. И. Неелова 1804 г. сохранилось раннее изображение этого дома (рис. 1). В дальнейшем здание определило тип исторической застройки города кон. XVIII в.

Усадьба заняла угловой участок на пересечении ул. Кузминской и Средней (ныне Васенко и Средняя), образующих тупой угол. Дом представлял собой предельно упрощенную композицию особняка, суровую и строгую — Кваренги всегда увлекала мысль добиться нарядности стен гармонией масс и линий и благородством пропорций. Это был стоящий на высоком каменном цоколе рубленый дом, обшитый тесом и оштукатуренный (Коршунова 1977). Простые гладкие стены, почти полное отсутствие каких-либо украшений. Центральная часть главного фасада немного выступает за красную линию ул. Средней и венчается гладким фронтоном. Лишенные наличников окна, горизонтальный руст служебного этажа, отделенного тягой от более высокого бельэтажа. Полукруглые арочные окна 1-го этажа, заканчивающиеся трехчастными замками в верхней части. Совсем иначе решен задний фасад. Во всю длину бельэтажа проходит лоджия, украшенная высокими простыми колоннами и балюстрадой. Дом в плане повторяет угол пересечения улиц и соединен крытым переходом с бревенчатым двухэтажным корпусом — кухней. Венчает здание четырехскатная крыша с высоким коньком. Общая высота дома равнялась половине длины его главного фасада — 9,18 м. Такое подробное описание дома приводится в работе в связи с недоказанным авторством Кваренги (Коренцвит 1995), но авторы склонны приписывать данную постройку именно этому архитектору. Дом и участок относились к Дворцовому ведомству, а в 1804 г. во владение ими вступил сам Дж. Кваренги.

В настоящее время территория усадьбы свободна от застройки и представляет собой благоустроенный сквер. Участок, где некогда находился дом, имеет значительный подъем рельефа — перепад высот с окружающей территорией — до 1 м. Для выявления опорных точек — углов и стен здания, на его месте было

разбито 17 разведочных шурфов и еще 3 — на прилегающей территории перед фасадом (рис. 2). Часть шурфов была заложена с целью поиска внешней стены здания, выходящей на ул. Среднюю. Мощность культурного слоя в них достигает 1,7 м (от уровня современной дневной поверхности). На глубине 1,4—1,7 м начинается слой зеленой материковой глины, в который впущено фундаментное основание дома, представляющее собой однослойную кладку из очень крупных (диам. до 0,5 м) валунов, лежащих в три ряда (шир. фундамента 1,2 м). Пространство между ними заполнено крупными фрагментами кирпича, конструкция залита толстым слоем известнякового раствора, на котором в некоторых шурфах прослеживается кладка из плитняка (40x35x12 см) на известняковом растворе, сохранившаяся на 3—6 слоев. Все стратиграфические слои, лежащие выше, нарушены последующими перестройками, местами разобраны и слой плитняка, но, основываясь на находках из непо потревоженных слоев (керамическая кухонная посуда, фрагменты столового фарфора с бело-голубым рисунком, бело-голубые печные изразцы, а также большое количество патинированного бутылочного стекла иностранного производства), мы склонны рассматривать данную конструкцию как основание дома Дж. Кваренги и датировать ее соответственно кон. XVIII в. Кроме того, планиграфия этой кладки практически совпадает с расположением внутренних и внешних стен здания кон. XVIII в., зафиксированным на плане В. И. Неелова (Талепоровский 1954).

Для обнаружения угла дома и фасадной стены, выходящей на ул. Васенко были заложены 2 шурфа. Здесь, как и в шурфах на месте задней фасадной стены, основания из валунов не обнаружено. Границы дома определяли сохранившиеся кое-где на 1—3 слоя кладки из плитняка, подстилаемые серо-зеленой материковой глиной, а также фундаментные рвы. В слое на глуб. 1,5 м встречаются кирпичи без клейма (24x10,5x6 см). Кроме того, в части шурфов, заложенных во внутреннем пространстве дома, в слое XVIII в. выявлены плиточно-валунные конструкции, отвечающие внутреннему членению здания (шир. кладки — 0,6—0,9 м, сложена из более мелкого дикого камня). Перед фасадной стеной дома на глуб. 1,4 м в слое с керамикой XVIII в. обнаружена деревянная мостовая, идущая параллельно ул. Средней.

На этом изучение слоев кон. XVIII в. на территории дома было закончено, и работы были продолжены на остальной территории усадьбы. Предстояло определить место и степень со-

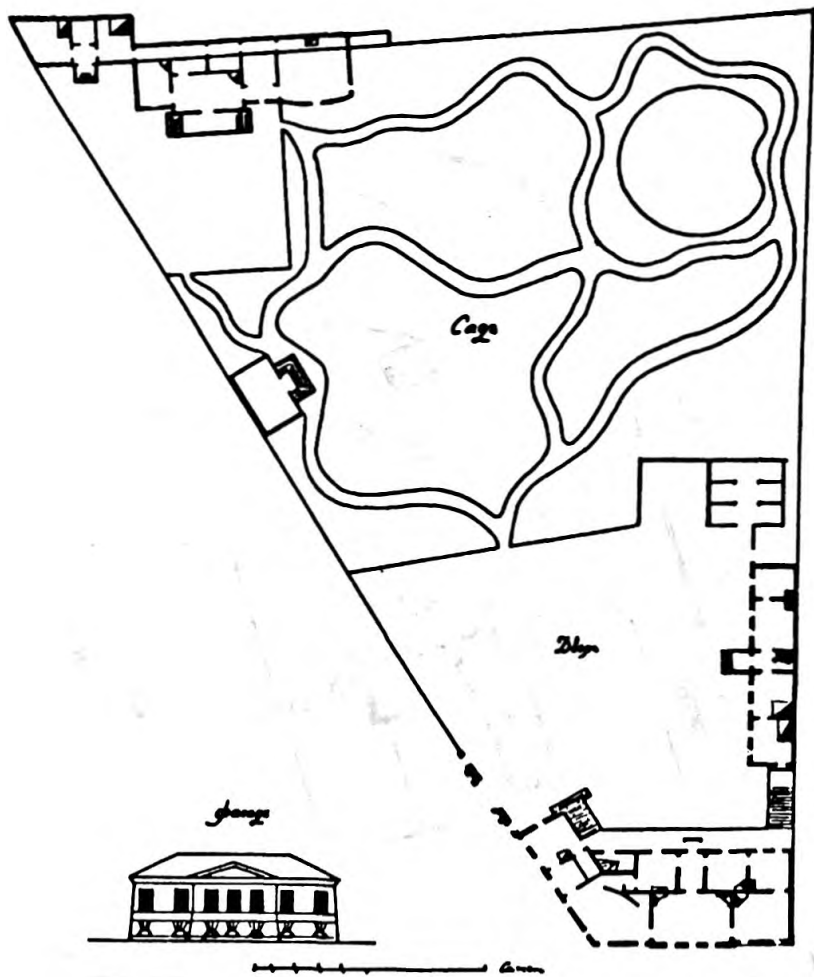

Рис. 1. План усадьбы и дома Дж. Кваренги, выполненный В. И. Несловым. 1804 г. (Галепоровский 1954).

хранности сооружений, построенных до 1794 г. (Коршунова 1977), а также входящих в усадебный комплекс кухни, конюшни, оранжереи и Кофейного домика. Прежде всего была исследована

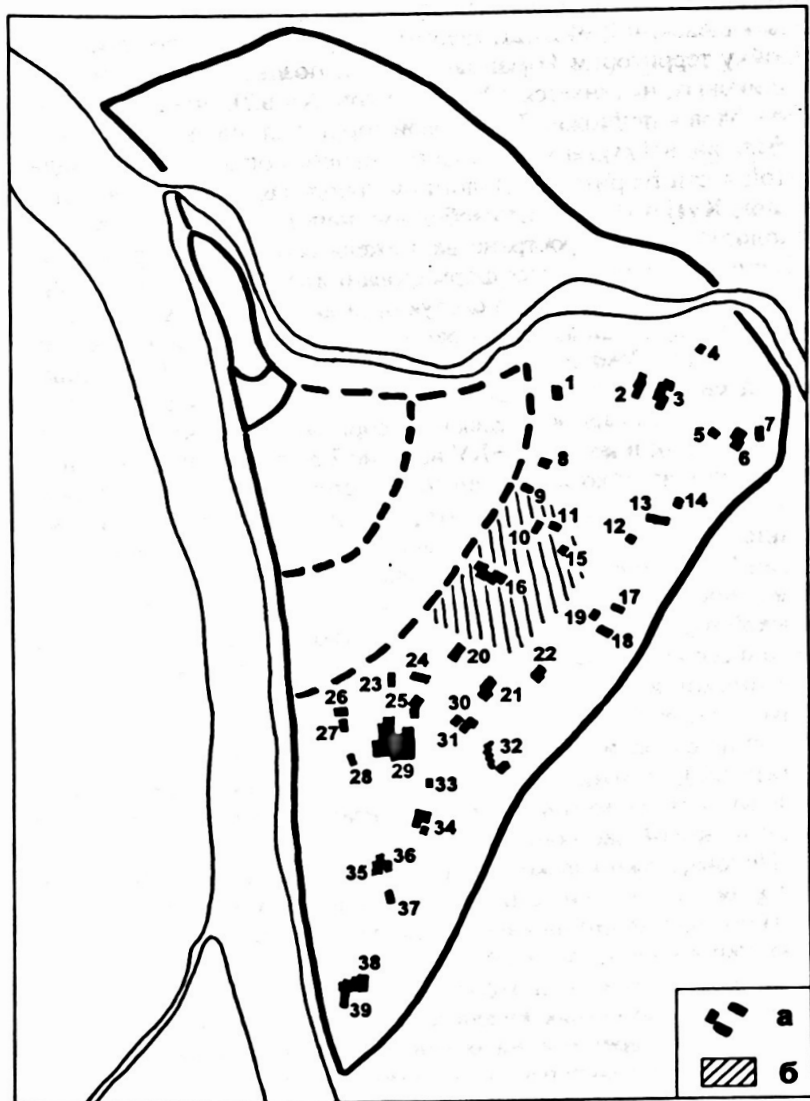

Рис. 1. Схема Псковской крепости с обозначением местоположения раскопов разных лет на территории Полонища (по: Археологическое изучение Пскова 1994:5, схема). Номера соответствуют таблице 1.

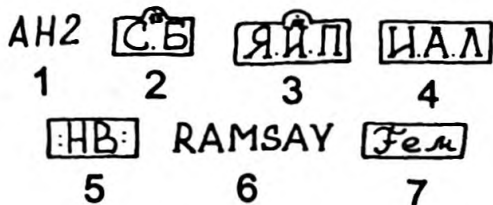
кухня. Культурный слой оказался сильно переотложен и обильно заполнен костями животных и фрагментами керамической кухонной посуды XVIII в. На глубине 1,35 м обнаружен слой крупных (до 50 см) валунов в растворе, лежащий на материковой глине. Большая ширина кладки позволила предположить, что все пространство занимаемое кухней, было выложено диким камнем. Интересной находкой с этого участка являются два фрагмента белоглиняной курительной трубки голландского производства, по существующим аналогиям датируемой 1-ой пол. — сер. XVIII в. Строительных остатков конюшни — строения, судя по плану, не столь массивного, обнаружить не удалось.

В шурфах, заложенных на месте бывшей оранжереи, на глубине 0,4 м был выявлен плотный слой вымостки (толщ. 10—15 см) из мелких фрагментов кирпича и щебня, залитых раствором (формат кирпича 24x12x6 см). Местами сохранились основания стен — один ряд плит и валунов средних размеров. Кирпично-каменную вымостку и основания стен, вероятно, следует датировать XVIII в. и связывать с оранжереей усадьбы.

Судя по составу культурного слоя, основание Кофейного домика — еще одной постройки, входящей в усадебный комплекс, было выполнено по тому же принципу: вымостка из мелкого щебня и половинок кирпича, залитая раствором, была положена прямо на гумус по всей площади строения. Основания стен не обнаружено. Мощность слоя — 60 см. Полученные данные свидетельствуют о сравнительной легкости находящейся выше конструкции, каковой и был Кофейный домик (одноэтажный домик — беседка с двускатной кровлей, двумя двухчастными арочными окнами во всю высоту здания и такой же входной дверью).

Примерно на той же глубине, что и основание Кофейного домика и оранжереи, в шурфе, заложенном на месте пруда и дорожек обнаружен слой коричневого песка с мелкими окатанными камнями (подсыпка дорожки). Рядом, на глубине 1,55 м начиналась илистая прослойка с сильным гнилостным запахом (пруд). В ней обнаружены редкие фрагменты керамики XVIII в.

В 1817 году после смерти Дж. Кваренги, его усадьбу приобрел коллежский советник Базилевич. Затем, в 1849—80 гг. она принадлежала князю В. И. Барятинскому и его наследникам. Известно, что князь Барятинский неоднократно подавал прошение в Дворцовое ведомство о разрешении на снос обветшавшего дома. Уже на схеме 1857 г. (Цылов 1857) видно, что теперь

усадебный дом имеет совершенно иную конфигурацию: фасад, выходящий на ул. Среднюю, снесен, а новое строение вытянулось вдоль ул. Васенко. Отсутствуют на нем и дворовые постройки: кухонный корпус, Кофейный домик и оранжерея. После 1880 г. участок принадлежал графам Шуваловым и дом претерпел очередную перестройку. На плане аэрофотосъемки 30-х гг. XX в. изображено здание сложной конфигурации с различными пристройками (в нем располагался военный санаторий, который сгорел во время немецкой оккупации).

В процессе раскопок были изучены остатки конструкции последнего строительного периода — кон. XIX — нач. XX вв. Они сохранились на высоту местами до 1 м и встречены практически во всех шурфах, заложенных на территории дома Дж. Кваренги. Все они были выполнены из красного, хорошо формованного кирпича с различными клеймами, что не исключает возможности использования кирпича предшествующих строительных периодов. Зафиксировано 5 типов клейм: формат 25x11,5x6,5 см (клеймо не всегда в центре); рис. 3:1-5 (формат кирпича 26x12x7 см).

Кроме того, были исследованы две печи, соединенные между собой в сложную отопительную систему воздуховодом из шамотных кирпичей и плиток (клеймо рис.3:6; 22,5x11,5x6 см; рис.3:7, формат плитки и кирпича 28x11x2,8 и 28x11x5,6 соответственно) и одно основание круглой печи. Во всех помещениях прослежены остатки обгоревшего деревянного настила, под которым зафиксированы находки, относящиеся к предшествующему периоду: гладкие белые изразцы, бесполивные терракотовые плитки с выпуклым орнаментом, фрагменты столовой посуды сер. и кон. XIX в., патинированное стекло.

После Второй мировой войны руины дома были частью разобраны, частью засыпаны. В результате внутреннее пространство помещений было заполнено самым разнообразным бытовым мусором трех столетий: начиная с бронзовых оконных задвижек и фарфоровых слоников и кончая корродированными

гранатами (Ф-1) типа "лимонка". В одном из помещений, полы которого были вымощены красно-белой плиткой, перекрывающей уложенные на ребро "в елочку" кирпичи, находилась, видимо, кухня и столовая, о чем свидетельствуют найденные там в огромном количестве тарелки и блюда с надписью "Наркомторг СССР", "Р.К.К.А.", "Всенарпит".

Кроме того, в процессе работ встречены фрагменты серо-черной мраморной мозаики на цементной основе, зелено-белой инкрустации из прессованной мраморной крошки и большое количество штукатурки с элементами лепнины.

За внешним фасадом на глуб. 40 см найден гранитный водосток с вымосткой из мелких окатанных камней и обломок чугунной ограды. Вскрытые строительные конструкции красного кирпича в большинстве случаев имеют под собой фундамент, относимый нами к кон. XVIII в. В частности, местоположение остатков обеих поздних печей полностью совпадает с расположением печей в доме Дж. Кваренги. О том, что фундамент использован вторично, говорит и то, что в тех местах, где он не сохранился, кирпичная кладка не имеет под собой никакого основания и просто впущена в грунт поверх заливки из раствора.

Таким образом, несмотря на перестройки, разрушения и разборку, в процессе археологических исследований удалось проследить местоположение и некоторые остатки фундаментов дома Дж. Кваренги кон. XVIII в., что позволяет с высокой степенью точности определить расположение усадьбы на местности.

Суммируя данные, полученные в результате земляных работ, используя историческую справку, архивные материалы и планы участка разного времени, удалось выделить 3 строительных периода. 1-ый из них относится к кон. XVIII в., постройки этого периода просуществовали до сер. XIX в., когда они были разобраны за ветхостью.

При возведении нового дома (между 1849 и 1857 гг.) коренным образом были затронуты остатки фундамента XVIII в., находившиеся непосредственно под новым зданием (по ул. Васенко). Дом просуществовал недолго. И в 80-х гг. XIX в. был заменен новой постройкой (3-ий строительный период). При ее сооружении был вскрыт и частью использован фундамент кон. XVIII в. (валуны и известняковые плиты). Этим и объясняется выявленное сходство между планом дома Дж. Кваренги и остатками здания последнего периода.

В настоящее время продолжается поиск в архивах новых

данных об интересующем нас участке. Возможно, они помогут скорректировать и существенно дополнить выводы данной работы. По результатам работы экспедиции УГИОП считает необходимым восстановление исторического облика квартала, предполагающее реконструкцию здания кон. XVIII в. Царскосельский краеведческий музей в ближайшее время планирует открыть экспозицию, рассказывающую об истории этого участка и изменениях в его застройке на протяжении двух с лишним веков. Причем организаторы выставки уверены, что посетителей ее одинаково интересуют и экспонаты, относящиеся к периоду усадебных построек Дж. Кваренги, и свинцовая пуговица с двуглавым орлом времен Николая II, и общепитовские тарелки фабрики им. М. И. Калинина.

ВИЛЬЧКОВСКИЙ, А.Н. 1911. Царское село. Санкт-Петербург.

КОРЕНЦВИТ, В.А. 1995. Историческая справка об усадьбе Дж. Кваренги в Царском селе.

КОРШУНОВА, М.Ф. 1977. Джакомо Кваренги. Ленинград.

ПИЛЯВСКИЙ, В.И. 1981. Джакомо Кваренги: Архитектор. Художник. Ленинград.

ЦЫЛОВ, Н.И., 1857. Атлас Царского села. Санкт-Петербург.

ТАЛЕПОРОВСКИЙ, В.Н. 1954. Кваренги. Материалы к изучению творчества. Ленинград. Москва.

Содержание

<i>И. В. Паненкова.</i> О ВРЕМЕНИ ОБИТАНИЯ НА ПУШКАРЕВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ	4
<i>В. А. Безродин, В. Н. Кустов.</i> ОРУДИЯ НА СКОЛАХ И НУКЛЕУСАХ ИЗ ПУШКАРЕЙ I	13
<i>Л. В. Королькова, О. М. Тихомирова.</i> НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В ТИХВИНСКОМ РАЙОНЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ	19
<i>Е. Г. Старкова.</i> КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ЗЕМЛЯНКИ 2 ТРИПОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ БОДАКИ	27
<i>Ю. В. Гончарова.</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ДИСКОВИДНЫХ ПСАЛИЙ С ШИПАМИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	34
<i>А. Е. Терещенко.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПАНТИКАПЕЙСКОЙ ЧЕКАНКИ VI–V ВВ. ДО Н. Э.	44
<i>А. Ю. Маретин.</i> К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ САКСКИХ ПЛЕМЕН	53
<i>С. В. Панкова.</i> ПОДВЕСНЫЕ СОСУДЫ В ПАМЯТНИКАХ ТАШТЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЕ	56
<i>К. В. Вешнякова.</i> САСАНИДСКАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ ГНЕЗДОВА	64
<i>Ф. К. Джигунова.</i> КЕРАМИКА ИЗ МОГИЛЬНИКОВ V–IX ВВ. В ЗАКУБАНЬЕ	71
<i>Диакон Александр Мусин.</i> К ПРЕДИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА НА СЕВЕРЕ РУСИ	78
<i>Я. В. Френкель.</i> О РОЛИ СВИНЦОВО-СИЛИКАТНОГО СТЕКЛА В ДРЕВНЕРУССКОМ СТЕКЛОДЕЛИИ	83
<i>Н. В. Новоселов.</i> ПЛИНФА СТАРОЙ ЛАДОГИ	92
<i>Н. И. Петров.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ КУШАВЕРЫ	99
<i>С. В. Степанов.</i> ДЕТАЛИ ДОМОСТРОЕНИЯ И МЕБЕЛИ ИЗ РАСКОПОК В ПСКОВЕ	105
<i>С. Н. Травкин.</i> ОБ ОБРАЩЕНИИ ПОЛЬСКИХ МОНЕТ ВЛАДИСЛАВА II ЯГЕЛЛО НА ТЕРРИТОРИИ МОЛДАВСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО КНЯЖЕСТВА	115
<i>И. В. Антипов, Е. В. Соленикова.</i> ФОРМАТ НОВГОРОДСКИХ БРУСКОВЫХ КИРПИЧЕЙ КОНЦА XIII–СЕРЕДИНЫ XV ВВ.	121
<i>О. В. Козюренко.</i> К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЗАСТРОЙКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПОЛОНИЩА В ПСКОВЕ	129
<i>С. В. Кашаев, О. В. Андреева.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ УСАДЬБЫ ДЖ. КВАРЕНГИ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ	138